ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ

ИЗЪ

ЕВРОПЫ ВЪ СИБИРЬ

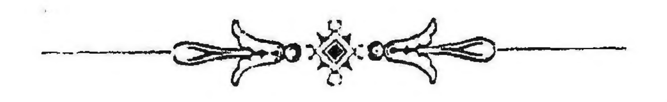
ЕНИСЕЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1893 ГОДА

Съ полночныхъ странъ
встаетъ заря...

Ломоносовъ.

СОСТАВИЛЪ

В. И. Семеновъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Высочайше утвержд. Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Іюня, 1894 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГЕНЕРАЛЪ-АДМИРАЛУ,

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСѢЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

съ чувствомъ глубочайшей преданности

посвящаетъ

авторъ.

Забытый путь изъ Европы въ Сибирь.

Енисейская экспедиція 1893 г.

I.

Прибытіе въ Англію.—Составъ экспедиціи.—Изготовленіе судовъ къ плаванію.—Шотландскія шхеры.—Переходъ Нѣмецкимъ моремъ.—Бергенъ.—Норвежскія шхеры отъ Бергена до Вардэ.

27-го іюня 1893 года англійскій товаро-пассажирскій пароходъ «Rinaldo» готовился къ отплытію изъ Петербурга въ Hull.

Въ этотъ день, несмотря на праздникъ, его палуба и, прилегающая къ нему, часть набережной морскаго канала представляли собою оживленную, не совсѣмъ обычную картину. Въ мирномъ царствѣ торговли, среди грудъ ящиковъ и тюковъ мелькали фигуры офицеровъ и матросовъ военнаго флота, у борта тѣснились казенныя баржи, и сновали паровые катера.

Сегодня выступали изъ Петербурга главныя силы Енисейской экспедиціи—6 офицеровъ, докторъ и 43 человѣка команды. Провожающихъ было немного—близкіе родственники, да нѣсколько товарищей-моряковъ. Въ воздухѣ стоялъ смутный гулъ голосовъ, от-

рывочныхъ вопросовъ, недосказанныхъ отвѣтовъ, тѣхъ неясныхъ и ничего, и весьма много значащихъ разговоровъ, которые неизбѣжно возникаютъ передъ всякой серьезной разлукой, когда говорятъ часто совсѣмъ не то, что думаютъ, когда не любятъ смотрѣть другъ другу въ глаза и словно все стараются что-то припомнить.

Но вотъ смолкъ грохотъ лебедокъ, догружавшихъ послѣдніе ящики; баржи оттянулись отъ борта; адмиралъ, простившись съ командою и офицерами, уѣхалъ. Всѣ спустились въ каютъ-компанію, чтобы за стаканомъ вина пожелать отъѣзжающимъ добраго пути. Одинъ изъ провожавшихъ, пожилой человѣкъ, по виду старше всѣхъ присутствующихъ, сказалъ коротенькую рѣчь:—«Господа моряки! отъ души желаю вамъ счастливо и успѣшно поработать на славу русскаго имени и возвратиться домой».

Крикнули «ура!». Начались поспѣшныя объятія и поцѣлуи...

— Пароходъ сейчасъ отваливаетъ!

Публика заторопилась. На верху уже отдавали швартовы и готовились снять сходню. Помощникъ капитана охриплымъ голосомъ выкрикивалъ съ мостика какія-то приказанія рабочимъ на смѣшанномъ, англо-русскомъ языкѣ; въ машинѣ шипѣли продуваемые цилиндры. Глухо плеснулъ о воду послѣдній отданный перлинь и «Rinaldo» медленно тронулся внизъ по каналу. Кучка людей на берегу заволновалась; замелькали платки, шляпы, фуражки, вспыхнуло «ура!».

Посылались послѣднія привѣтствія, пожеланія... и у каждаго гдѣ-то въ далекомъ уголкѣ сердца шевелилась безпокойная дума - можетъ быть въ самомъ дѣлѣ послѣднія... Тѣмъ не менѣе всѣми было замѣчено, что отплытіе состоялось при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ: никого не ушибло; ничего не потеряли; ни одна снасть не заѣла. Погода стояла чудная, какая рѣдко бываетъ въ Петербургѣ даже лѣтомъ, и легкій столбъ дыма и пара надъ трубой, подгоняемый чуть замѣтнымъ попутнымъ вѣтромъ, подымался совершенно вертикально.

Въ то время, какъ «Rinaldo» проходилъ Малый Кронштадтскій рейдъ, на крейсерѣ «Азія», завидѣвъ наши бѣлыя фуражки, послали команду по вантамъ и дружное «ура!»—послѣдній товарищескій привѣтъ, проводило насъ изъ предѣловъ Россіи. Хотя мы были не болѣе какъ пассажиры, но сейчасъ же, по выходѣ въ море, завели на пароходѣ свои, военные, порядки. По приказанію старшаго команда, расписанная на 4 отдѣленія, стояла днемъ дежурство, а ночью или въ туманѣ—вахту; причемъ вахтенный былъ обязанъ о всякомъ особомъ случаѣ докладывать, не медля, дежурному офицеру.

Странное впечатлѣніе испытывалъ я, первый разъ въ жизни находясь въ открытомъ морѣ и не принимая никакого участія въ управленіи судномъ. По правдѣ, я не позавидовалъ путешественникамъ: одинъ, другой день—ничего, а потомъ скучно и однообразно. Впрочемъ, у меня и другихъ штурмановъ нашлось

сразу довольно много серьезнаго дѣла—заботы о хронометрахъ, испытаніе и повѣрка инструментовъ, которыми была щедро снабжена экспедиція.

На второй день плаванія начались знакомства съ пассажирами; учредилась по вечерамъ партія винта, но въ общемъ наша маленькая компанія жила своею собственною жизнью. Сошлись люди по большей части ранѣе знакомые—кто еще съ корпуса, кто плавалъ на одномъ суднѣ, кто въ составѣ той же эскадры въ Тихомъ океанѣ. Собираясь вмѣстѣ за столомъ, рѣдко загадывали о далекомъ будущемъ; вспоминали прошлыя плаванія, спорили о разныхъ способахъ опредѣленія мѣста, о пригодности инструментовъ, толковали объ особенностяхъ высокихъ широтъ въ астрономическомъ отношеніи, но никто не задавалъ праздныхъ вопросовъ—удастся или не удастся экспедиція.

Часто во время моихъ прогулокъ по верхней палубѣ заходилъ я въ кормовую часть парохода, гдѣ помѣщались матросы, прислушивался къ ихъ разговорамъ и съ глубокимъ интересомъ вглядывался въ грубыя, загорѣлыя лица, стараясь угадать, каковы будутъ эти не столько подчиненные, сколько помощники въ нашемъ предпріятіи. Мои наблюденія обыкновенно давали самые утѣшительные результаты. Наша команда – все охотники, вызвавшіеся идти въ экспедицію по доброй волѣ, крѣпкій, здоровый народъ, побывавшій въ дальнихъ плаваніяхъ, привыкшій къ слѣпому повиновенію и твердой вѣрѣ, что пока «господа» ходятъ и приказываютъ — все обстоитъ

благополучно. На нихъ, мнѣ казалось, можно было вполнѣ надѣяться.

Нѣмецкое море встрѣтило насъ по обычаю сѣренькой погодой и свѣжимъ вѣтромъ. Въ первый же день по выходѣ изъ проливовъ къ обѣду изъ числа пассажировъ явился одинъ, и только нашъ столъ былъ въ полномъ составѣ, къ видимому неудовольствію буфетчика, привыкшаго въ такихъ случаяхъ къ экономіи провизіи.

На 7-й день утромъ открылись берега Англіи, а въ 5-мъ часу пополудни «Rinaldo» сталъ на якорь у набережной Hull'я.

Ѣхать немедленно дальше оказалось невозможно. На завтра было воскресенье, а въ Шотландіи—цѣли нашего путешествія—такъ строго соблюдается праздничный отдыхъ, что въ этотъ день между Глазгоу и Думбартономъ даже желѣзнодорожные поѣзда прекращаютъ движеніе. Приходилось ждать понедѣльника.

Команда осталась жить на пароходѣ; всѣ же офицеры, за исключеніемъ дежурнаго, перебрались на берегъ въ отель.

На другой день, утромъ, разспросивъ о дорогѣ, я отправился въ урочный часъ на пароходъ завести и сличить оставленные тамъ хронометры. Многолюдный городъ словно вымеръ. Вчера шумныя, полныя празднымъ, веселящимся народомъ улицы были пусты. Гигантскія трубы заводовъ не выбрасывали густыхъ облаковъ дыма; не гудѣли свистки, не громыхали по

мостовой тяжелыя повозки; безчисленные магазины и кафе были заперты, и только саженныя, пестро-раскрашенныя объявленія на стѣнахъ и заборахъ по прежнему назойливо лѣзли въ глаза, крича о небываломъ мылѣ и папиросахъ, какихъ больше никогда не будетъ. Благополучно добравшись до порта, я совсѣмъ затерялся среди мрачныхъ, закоптѣлыхъ зданій торговыхъ складовъ, среди спусковъ, подъемовъ, то широкихъ, то узкихъ проходовъ, искрещенныхъ рельсовыми путями. И вправо, и влѣво изъ-за черныхъ крышъ подымался цѣлый лѣсъ мачтъ, но въ какой сторонѣ слѣдовало искать «Rinaldo»—я рѣшительно не могъ дать себѣ отчета. Мое безпокойство и затрудненіе увеличивались еще тѣмъ, что до момента завода хронометровъ оставалось весьма немного времени. Наконецъ, блуждая наугадъ, я замѣтилъ на желѣзнодорожномъ мосту какую-то одинокую фигуру и съ надеждой устремился туда. Подойдя ближе, я увидѣлъ невысокаго, слегка сутуловатаго человѣка съ бритымъ, загорѣлымъ лицомъ, который, разставивъ ноги и зажавъ въ зубахъ коротенькую трубку, сердито чиркалъ одну за другой видимо отсырѣвшія спички. Онъ былъ одѣтъ въ засаленную кожаную куртку, длинные порыжѣлые сапоги, и только морская фуражка, обшитая тремя галунами, которые въ Англіи никто не посмѣетъ одѣть произвольно, обличала въ немъ капитана океанскаго парохода.

— Капитанъ, могу предложить вамъ огня? проговорилъ я, подходя къ нему.

— Благодарю, сэръ, отвѣтилъ онъ и, убѣжденный, что никто не станетъ по-пусту терять время для оказанія услуги, прибавилъ, возвращая спички, чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Я ищу Александровскій докъ и въ немъ пароходъ «Rinaldo».

— Очень хорошо. Мнѣ по дорогѣ; пойдемте вмѣстѣ.

Мой спутникъ видимо не привыкъ къ многословію. Нѣкоторое время мы шли рядомъ, молча, потомъ онъ заговорилъ, не поворачивая головы, словно выбрасывая отрывистыя фразы.

— «Rinaldo». Вильсонъ и К°. Пришелъ вчера изъ Россіи... Вы пассажиръ?

— Да, сэръ, отвѣтилъ я въ тонъ ему.

— Пассажиры съѣхали вчера... вчера была таможня... Вы оставили что-нибудь на пароходѣ?

— Тамъ мои хронометры.

— О! проговорилъ капитанъ, на мгновенье останавливаясь, можетъ быть, вы русскій офицеръ?

— Да.—Лейтенантъ.

— Очень радъ встрѣчѣ, оживился онъ, знаю... Вы ѣдете въ Думбартонъ... Енисейская экспедиція?—не легкое дѣло! Вотъ вамъ «Rinaldo»—вотъ эти двѣ мачты! а тутъ и мой пароходъ, указалъ онъ на темнозеленаго гиганта, не зайдете ли выпить чашку чая или рюмку хереса?

Я поблагодарилъ и отказался, говоря, что хронометры не ждутъ.

— Ну да, конечно! очень жаль. Счастливаго пути,

сэръ; вы взялись за трудное дѣло, чортъ возьми! желаю успѣха!

И старый морской волкъ, широко улыбаясь, дружески трясъ мою руку...

— Однако, думалъ я, возвращаясь въ гостинницу, вотъ что значитъ морская, промышленная страна — въ Петербургѣ, когда, собираясь въ путь, я заѣзжалъ кой къ кому изъ знакомыхъ проститься, огромное большинство и не подозрѣвало, и не интересовалось тѣмъ, что подъ бокомъ снаряжалась наша экспедиція.

На слѣдующій день экспрессъ уже мчалъ насъ на сѣверъ. Въ Іоркѣ, гдѣ поѣздъ стоялъ 12 мин. и гдѣ мы выскочили наскоро позавтракать, произошло маленькое повтореніе моей Hull'ской встрѣчи, но еще болѣе характерное. Тамъ мной заинтересовался капитанъ парохода, весьма естественно слѣдившій за всѣми морскими предпріятіями, здѣсь же къ доктору подошелъ пожилой солидный gentleman, очень хорошо одѣтый, и, указывая на наши вагоны прямаго сообщенія въ Думбартонъ и на матросовъ, выглядывавшихъ въ окна, спросилъ: вѣрна ли его догадка, и не есть ли это экипажъ Енисейской экспедиціи? Когда докторъ отвѣтилъ утвердительно и сказалъ, что онъ самъ изъ числа участниковъ, старый gentleman съ величайшимъ интересомъ началъ разспрашивать о предполагаемомъ днѣ отплытія изъ Англіи, о числѣ команды и офицеровъ на судахъ — ихъ величина и снабженіе уже были ему извѣстны, — желалъ успѣха,

спрашивалъ не можетъ ли онъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ въ данную минуту — словомъ, выказалъ необыкновенное участіе и доброжелательство. Получивъ отъ него нѣкоторые практическіе совѣты, весьма пригодившіеся намъ въ пути, мы понеслись дальше. Быстро замелькали мимо великолѣпно воздѣланныя поля, пышныя пастбища; вотъ на мгновеніе словно вынырнулъ изъ лощины живописно раскинувшійся по склонамъ холмовъ Дургэмъ; развалины стараго замка мрачно смотрятъ съ вершины скалы на тѣснящійся у ея подножія городъ. Вотъ богатый Ньюкестль, весь окутанный дымомъ, черный, закоптѣлый, съ цѣлымъ лѣсомъ фабричныхъ трубъ. Поѣздъ съ грохотомъ проносится по высокому мосту, оставляя далеко подъ собой быструю рѣку и лѣпящіеся по крутымъ скатамъ домики. За Бервикомъ дорога идетъ почти вдоль берега; погода тихая, но неугомонное Нѣмецкое море катитъ крупную зыбь и взметываетъ высокіе буруны на отмеляхъ и рифахъ.

«Какъ-то оно встрѣтитъ наши рѣчные пароходики?» мелькаетъ въ головѣ неотвязная мысль, и глаза пытливо вглядываются въ синѣющую даль, словно стараясь угадать, что будетъ здѣсь черезъ мѣсяцъ.

Отъ Эдинбурга мы круто свернули на западъ. Съ утра характеръ окружающей мѣстности совершенно измѣнился. Мы были въ Шотландіи. Населенныя мѣста стали не такъ часты и выглядѣли бѣднѣе; рѣже попадались обработанныя поля; по склонамъ горъ, усыпаннымъ валунами, лѣпился хвойный лѣсъ; на коч-

коватыхъ полянахъ, поросшихъ можжевельникомъ, пасся невзрачный скотъ; чувствовался сѣверъ... точно ѣдешь гдѣ-то у насъ, въ Финляндіи, а низко нависшее сѣрое небо еще усиливало сходство.

Наконецъ, въ десять часовъ времени, пролетѣвъ почти всю Англію, мы у цѣли.

— Думбартонъ! крикнулъ кондукторъ, распахивая дверцы вагона, и я проворно выскочилъ на платформу, съ наслажденіемъ расправляя затекшія ноги.

На станціи насъ встрѣтилъ начальникъ экспедиціи, жившій здѣсь уже третью недѣлю для наблюденія за постройкой судовъ, и, недавно пріѣхавшій въ помощь ему, командиръ баржи. Судостроительный заводъ Дэни находился отсюда въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ ходьбы, и раньше, чѣмъ идти обѣдать въ отель, всѣ торопливо направились къ гавани посмотрѣть свои пароходы «въ натуральную величину».

Здѣсь считаю своевременнымъ сообщить читателямъ краткія свѣдѣнія о судахъ экспедиціи и ихъ экипажѣ.

Двухвинтовый буксирный пароходъ «Лейтенантъ Овцынъ», длина 116 ф., ширина 23 ф., углубленіе 8 ф., вооруженіе—2 мачты съ косыми парусами. Скорость на пробѣ свыше 10 узловъ. Командиръ— онъ же начальникъ экспедиціи, два офицера, докторъ и 19 человѣкъ команды.

Колесный буксирный пароходъ «Лейтенантъ Малыгинъ», длина 165 ф., ширина 22 ф., углубленіе 3½ ф., вооруженіе—одна мачта съ косыми парусами.

Скорость на пробѣ свыше 9 узловъ. Три офицера, фельдшеръ и 17 человѣкъ команды.

Баржа «Лейтенантъ Скуратовъ», на время перехода вооруженная, какъ шхуна, т. е. двѣ мачты—одна съ прямыми, другая съ косыми парусами. Длина 115 ф., ширина 17 ф., углубленіе 8 футъ. Три офицера и 12 человѣкъ команды.

На другой же день 6/18 іюля мы начали кампанію, и затѣмъ пошла та хлопотливая, непонятная посторонним людямъ, работа, которая вызывается изготовленіемъ къ плаванію совсѣмъ новаго судна; мелочная война съ представителями завода изъ-за лишняго обуха, крючка, полки, кинкетки и т. п. Параллельно съ этимъ принимались и грузились запасы провизіи на 14 мѣсяцевъ въ предвидѣніи возможной зимовки. Покупались по совѣту бывалыхъ людей всякія теплыя и непромокаемыя вещи, изъ которыхъ впослѣдствіи многое пришлось просто выбросить за бортъ; но въ то время нельзя было пренебрегать никакими указаніями.

Собираясь по вечерамъ за общимъ обѣденнымъ столомъ въ гостинницѣ, дѣлились впечатлѣніями дня, сердились на медленность работъ—съ 1-го по 10-е на заводѣ былъ праздникъ и рабочихъ весьма ограниченное число. Затѣмъ, за безконечнымъ чаемъ, приводившимъ въ ужасъ англійскую прислугу, шли обсужденія нашихъ частныхъ офицерскихъ запасовъ платья, вещей и провизіи, а къ 11-ти часамъ всѣ расходились спать, такъ какъ на слѣдующій день

надо было съ утра опять бѣгать, принимать, считать и спорить. Такъ въ безпрерывныхъ хлопотахъ быстро мелькали дни за днями, и приближалось время ухода.

На «Малыгинѣ» по нашему настоянію былъ сдѣланъ временный деревянный фальшбортъ въ носовой части до кожуховъ, чтобы, хотя немного, защитить себя отъ вкатыванія волнъ, а затѣмъ заводъ, по собственному почину, не разсчитывая при сравнительно большой длинѣ и маломъ углубленіи парохода на его продольную крѣпость, положилъ намъ вдоль бортовъ по верхней палубѣ 12-ти дюймовые деревянные брусья.

— Дно вполнѣ надежно, пояснялъ по этому поводу одинъ изъ инженеровъ, какая бы ни была волна, вы не можете переломиться носомъ и кормою внизъ. Вотъ носомъ и кормою вверхъ—это другое дѣло.

Оставалось только благодарить за любезное предупрежденіе.

Измѣнчивая погода, частые дожди сильно мѣшали окраскѣ и наведенію той чистоты и порядка, которыми должно блистать всякое судно, носящее военный флагъ.

Наконецъ, въ субботу 17-го іюля, спѣшная нагрузка, достигшая наканунѣ своего апогея и продолжавшаяся часть ночи, была окончена; рабочіе исчезли съ палубы; офицеры уже не бѣгали по заводу въ поискахъ за нужными людьми; команда не занималась перевозкой запасовъ—всѣ были дома, приво-

дили себя въ порядокъ, прибирались въ трюмахъ... Говоря морскимъ языкомъ — «суда готовились къ походу».

Около часа пополудни пріѣхалъ изъ Лондона нашъ морской агентъ въ Англіи, сдѣлалъ смотръ командѣ, опросилъ претензіи; затѣмъ прибывшій вмѣстѣ съ нимъ, посольскій священникъ отслужилъ на палубѣ «Малыгина» — какъ самой просторной — напутственный молебенъ, окропилъ всѣ суда, вымпела и флаги святой водой и... мы были готовы. Остатокъ дня прошелъ тихо. Съ вечера приняли лоцмановъ и на слѣдующій день, въ воскресенье 18-го іюля, въ 11-мъ часу утра начали отдáвать швартовы. Первымъ вышелъ изъ гавани «Овцынъ», ведя на буксирѣ «Скуратова», а слѣдомъ за ними «Малыгинъ». Небольшая кучка провожающихъ собралась на углу набережной. Оттуда неслись англійскія пожеланія счастливаго плаванія. Мы послали команду по вантамъ; размѣнялись съ ними прощальнымъ «ура!», и черезъ нѣсколько минутъ высокій берегъ Кляйда скрылъ отъ насъ обширные элинги со строющимися судами и длинныя зданія мастерскихъ и складовъ.

Зеркальная гавань, родина нашихъ судовъ, осталась позади. Предстояло вести ихъ къ другой тихой пристани, но она была такъ далеко, гдѣ-то въ центрѣ Сибири, за бурнымъ моремъ и невѣдомымъ океаномъ съ его полярными льдами, что даже странно казалось загадывать объ этой конечной цѣли нашего путешествія.

Въ первый же день плаванія привелось до извѣстной степени ознакомиться съ морскими качествами нашихъ судовъ. Отъ устья Кляйда мы должны были спуститься миль на 40 къ югу, чтобы обогнуть полуостровъ Кэнтайръ, протянувшійся вдоль берега. Дулъ довольно свѣжій NW. Пока шли заливомъ, волна была незначительна, и хотя наши скорлупы покачивало, по такъ слабо, что послѣ года, проведеннаго на берегу, я не безъ удовольствія пробовалъ свои морскія ноги, расхаживая взадъ и впередъ по мостику. Ввиду безопасности плаванія въ населенныхъ шхерахъ съ «Овцына» было приказано «идти по способности, рандеву Арднамурахъ». Въ девятомъ часу вечера обогнули южную оконечность Кэнтайра и повернули на сѣверъ. Съ навѣтра, черезъ широкій прорывъ между островами, волна шла прямо изъ Сѣвернаго Антлантическако океана. Здѣсь была первая проба. Здѣсь въ первый разъ услыхали мы, какъ при сильныхъ розмахахъ площадки кожуховъ бьютъ о воду, какъ грохочетъ волна, ударяя въ колеса, и прислушиваясь и приглядываясь къ свойствамъ качки, морскимъ чутьемъ старались угадать, каковъ будетъ пароходъ въ штормъ. Мои выводы оказались благопріятными, и надежда дойти благополучно значительно окрѣпла. Разумѣется, высказываться было преждевременно, но, взглянувъ на командира, стоявшаго рядомъ, я убѣдился, что наши мнѣнія сходятся.

— Дойдемъ, если кожухи выдержатъ и ихъ не

снесетъ, проговорилъ онъ, словно отвѣчая на мою мысль. Пройти Нѣмецкое море — полъ-дѣла сдѣлано.

Видя, что все обстоитъ благополучно, я спустился въ каюту, чтобы отдохнуть до вахты, и скоро, заклинившись [1]) въ койкѣ, спалъ крѣпкимъ сномъ моряка, которому предстоитъ «собака» [2]). Въ полночь, принимая вахту отъ командира, съ удивленіемъ и неудовольствіемъ замѣтилъ я, что мы все еще толчемся около маяка, бывшаго на траверзѣ въ 9 часовъ вечера; измѣнился и ровный океанскій характеръ волны. Она стала неправильной; въ кожухи било чаще и сильнѣе. Мы попали на встрѣчное, очень быстрое отливное теченіе и двигались впередъ не больше 3-хъ узловъ. «Овцынъ» со «Скуратовымъ» сильно отстали, но въ бинокль можно было ясно видѣть ихъ отличительные огни и утѣшиться тѣмъ, что ихъ тоже изрядно мотаетъ.

Однако, какъ всему бываетъ конецъ, такъ кончился и открытый плесъ, ослабѣло теченіе; улеглась толчея. На разсвѣтѣ мы шли глубокими, узкими проливами, среди живописныхъ, поросшихъ лѣсомъ, горъ. Волна исчезла — ей негдѣ было разойтись. День наступилъ ясный, теплый, но не жаркій, благодаря не стихавшему холодному вѣтру. Въ полдень «Малыгинъ» прибылъ къ мѣсту назначеннаго рандеву и отдалъ якорь противъ городка Табермори.

---

[1]) Заклиниться во время качки значитъ выбрать такое положеніе, чтобы толчки ея были наименѣе ощутительны.

[2]) Собачья вахта или просто «собака» — вахта съ 12 до 4 ч. ночи.

Какой рѣзкій контрастъ представляло собой это скромное мѣстечко съ шумными торговыми центрами Англіи. Небольшая группа чистенькихъ бѣлыхъ домиковъ, полузакрытыхъ зеленью, тѣснилась вокругъ стройнаго шпица кирки; какъ въ зеркалѣ отражаясь въ неподвижныхъ водахъ бухты, протянулась высокая стѣнка набережной, не засыпанная углемъ, не оживляемая шумомъ разгружающихся пароходовъ; позади темнымъ фономъ подымался крутой, лѣсистый склонъ горы, и надъ всѣмъ раскинулось свѣтло-голубое небо съ легкими, словно тающими, облаками—точный оригиналъ старинныхъ акварельныхъ пейзажей, полный идиллическаго спокойствія, далекій отъ суеты кипучей городской жизни.

Въ 5-мъ часу пришелъ «Овцынъ» со «Скуратовымъ». Запаслись свѣжей провизіей и тронулись дальше.

Ночь миновала благополучно. 20-го проходили проливъ Слитъ-Зундъ—чудная природа, великолѣпная въ своей дикости. Море словно пробило себѣ здѣсь узкій корридоръ между двумя горами въ 2.000 ф.; странныя, старо-шотландскія названія, напоминающія мусульманскій востокъ: Бенъ-Міолари и Скуръ-на-Гуръ.

Къ вечеру шхеры были пройдены, и снова началась качка. Мы приближались къ сѣверо-западной оконечности Шотландіи. Солнце сѣло; на западѣ догорали послѣдніе отблески зари; дымныя тучи заволакивали небо, но, благодаря полной лунѣ, не бы-

ло совершенной тьмы, и слабый бѣлесоватый свѣтъ разливался по горизонту, позволяя различать очертаніе берега. Вотъ онъ грозный Cape Wrath,—мысъ кораблекрушеній. Черная громада утеса, съ изрытыми боками и тупой вершиной, отвѣсной стѣной выступила въ море; сѣдой туманъ клубится въ лощинахъ и ползетъ по склонамъ; полоса пѣны и взметовъ брызгъ могучаго прибоя зловѣще бѣлѣетъ у его подножія; кромѣ маяка, ни одного огонька не свѣтится на дикихъ обнаженныхъ скалахъ; море такъ же пустынно, какъ земля, и только наши суда дерзко нарушаютъ безмолвіе и одиночество стараго утеса.

— Славное мѣсто для Стараго Ника! [1]) говоритъ лоцманъ, оглядываясь туда, и вдругъ, словно испугавшись своихъ словъ, быстро отворачивается и согнувшись надъ поручнемъ, пытливо высматриваетъ что-то въ неясной туманной дали.

21-го утромъ обогнули сѣверо-восточную оконечность Шотландіи и пошли на югъ. Тучи разсѣялись. Вѣтеръ совсѣмъ стихъ. Какой-то маякъ, вѣроятно удивленный странной флотиліей, спросилъ сигналомъ: какой націи суда? и, я думаю, еще больше удивился, когда мы подняли русскіе военные флаги. Въ 10-мъ часу суда экспедиціи стали на якорь въ бухтѣ Викъ па восточномъ берегу Шотландіи. Здѣсь отпустили лоцмановъ, пополнили запасы свѣжей провизіи и,

[1]) Старый Никъ—злой духъ.

пользуясь солнечнымъ днемъ, занялись уничтоженіемъ девіаціи компасовъ на предстоящій переходъ. Грозное Нѣмецкое море лежало передъ нами, какъ зеркало.

— Неужто удастся пройти до Норвегіи такимъ мертвымъ штилемъ? Хотѣлось вѣрить, но не вѣрилось. Мы всѣ были хорошо знакомы съ этимъ моремъ, знали, что оно не только бурно, но и капризно. Дѣйствительно къ 6-ти часамъ вечера, когда, окончивъ сборы и приготовленія, мы начали сниматься съ якоря, небо заволокло тучами; барометръ медленно тронулся внизъ, и съ сѣвера пошла зыбь. Ночью поднялся легкій вѣтеръ отъ SO, постепенно свѣжѣя и разводя волну, смѣнившую прежнюю зыбь.

Заря была красная; солнце встало среди клочковатыхъ, разорванныхъ облаковъ, окрашивая ихъ и пѣнистые гребни бѣгущихъ волнъ ярко-багровымъ цвѣтомъ—картина прекрасная для художника, но весьма неутѣшительная для моряка.

— Будетъ игра! думалъ я, посматривая на барометръ, который медленно, но упорно падалъ.

Низкія растрепанныя тучи быстро неслись надъ головой. Въ полдень едва удалось опредѣлиться, ловя солнце между ними. Наблюденія показали, что мы находимся какъ разъ на полпути между Викомъ и Бергеномъ. Некуда было укрыться отъ видимо приближавшейся непогоды. Съ каждымъ часомъ вѣтеръ свѣжѣлъ, постепенно мѣняя направленіе по часовой стрѣлкѣ.

Послѣ полудня барометръ стремительно пошелъ

внизъ. Нѣсколько рыбачьихъ ботовъ пересѣкли нашу дорогу, они форсировали парусами и, лежа совсѣмъ на боку, уходили на югъ по направленію къ Догербанкѣ, гдѣ обыкновенно отстаиваются во время штормовъ. За день мы отстали отъ «Овцына», но къ вечеру снова нагнали его и пошли почти рядомъ, такъ какъ онъ долженъ былъ убавить ходу изъ опасенія за цѣлость буксира при разыгравшемся волненіи.

Отъ насъ жутко было смотрѣть на «Скуратова». Казалось, онъ поминутно черпаетъ бортами и вотъ-вотъ опрокинется. Хорошо, что буксиръ былъ не стальной или пеньковый, какіе обыкновенно употребляются, а травяной (кой-ропъ). Онъ хотя обладаетъ меньшею относительной крѣпостью, почему его приходится дѣлать очень толстымъ и тяжелымъ, но зато необычайно эластиченъ, толчки и удары принимаетъ на себя, какъ пружина, не расшатываетъ кормы буксирующаго и даетъ ему возможность управляться.

Взаимно наши товарищи съ «Овцына» и «Скуратова» глядя на «Малыгинъ», со страхомъ ждали его гибели. Иногда весь онъ скрывался въ облакѣ пѣны и брызгъ, но черезъ нѣсколько мгновеній на гребнѣ волны снова появлялись труба и кожухи, выбрасывающіе фонтаны воды. Мы, его обитатели, были увѣрены, что будемъ цѣлы, пока... будутъ цѣлы кожухи; но выдержатъ ли они? To be, or not to be? that is the question...

А выдерживать имъ приходилось не мало. Стремительность розмаховъ была такова, что, казалось, не

будетъ предѣла для крена и пароходъ перевернется, но вотъ раздается страшный ударъ кожуховыхъ площадокъ о воду, ударъ, отъ котораго дрожитъ весь корпусъ судна, трещатъ переборки, скрипитъ мачта, и гудятъ стальные бакштаги трубы... «Малыгинъ» останавливается и съ той же бѣшеной скоростью перебрасывается на другой бортъ. Величина розмаховъ достигла 27°. Наступившая темнота только усиливала впечатлѣніе. Ни одного огонька, ни одного судна не виднѣлось по горизонту; кругомъ—пустыня. Случись несчастіе, не откуда было ждать помощи. «Овцынъ» съ баржей на буксирѣ находился въ положеніи немногимъ лучше нашего. Вѣтеръ отошелъ къ S и, сбивая старую волну новой, уничтожилъ ея правильность, еще увеличивая толчки и удары. Теперь временами оголялось самое днище и грузно шлепалось о встрѣчную волну. На палубѣ и на мостикѣ не было сухаго мѣстечка. Мы сами, несмотря на дождевики, промокли до костей. Три раза внезапнымъ ударомъ останавливалась машина, потому что обнажались кингстоны циркуляціонной помпы, прекращалось питаніе холодильника и пустота его падала на 0 д.

А барометръ все шелъ внизъ и внизъ... Нельзя было ждать перемѣны къ лучшему. По-прежнему клубились тучи; гудѣли снасти; вздымались изъ тьмы пѣнистые гребни, и грохотала волна въ колесахъ. Разставивши ноги, ухватившись рукою за поручень, чтобы не слетѣть за бортъ, я съ фонаремъ умостился противъ кренометра съ цѣлью наблюдать величину розмаховъ для

записи въ вахтенный журналъ, но отъ толчковъ его маятникъ безпомощно стучался о стѣнки прибора...

Временами сквозь гулъ и ревъ слышались съ бака удары часоваго колокола, звонившаго отъ качки, и какъ-то особенно зловѣще въ окружающей темнотѣ разносились эти неправильные, то частые, то рѣдкіе, звуки. Тяжелая выдалась ночь. Однако наружно всѣ сохраняли полное спокойствіе и ни словомъ, ни жестомъ не выдавали глубоко затаенной тревоги. Въ обычные часы происходила, какъ и всегда, обстоятельная смѣна вахты; вахтенный начальникъ слѣдилъ за курсомъ, дѣлалъ замѣчанія рулевымъ, отдавалъ приказанія въ машину... и матросы, видя начальство на мѣстахъ, собрались подъ мостикомъ — въ ихъ носовомъ помѣщеніи спать было невозможно — заклинились по угламъ и мирно бесѣдовали о своихъ дѣлахъ, о погодѣ... Въ душѣ я невольно позавидовалъ ихъ невѣдѣнію.

Во второмъ часу ночи, убѣдившись, что волна уже не увеличивается въ вышину и становится отложе, что кожухи, хотя и скрипятъ, и трещатъ, но все же выдерживаютъ удары, я, промокшій, измученный, спустился въ каюту, одѣлъ сухое платье, бросился на койку и заснулъ такъ крѣпко, что глубоко изумился, когда вошедшій матросъ разбудилъ меня словами: Вашбродь! безъ пяти минутъ четыре часа! Мнѣ казалось, сонъ продолжался нѣсколько мгновеній. Поспѣшно выскочивъ наверхъ, я принялъ вахту отъ командира, который въ свою очередь пошелъ отдохнуть,

и первымъ дѣломъ обратился къ барометру: онъ подымался!.. Начинало свѣтать. На побѣлѣвшемъ горизонтѣ, миляхъ въ трехъ впереди, обрисовывались, отчаянно мотавшіеся «Овцынъ» и «Скуратовъ». Вѣтеръ еще не стихалъ, но все отходилъ и становился почти попутнымъ, а всякій, бывавшій въ морѣ, знаетъ, какое различное впечатлѣніе производитъ той же силы вѣтеръ, дующій въ лобъ, или — въ корму. Однако вмѣстѣ съ вѣтромъ мѣнялось и направленіе волненія. Скоро явилось новое затрудненіе — волна догоняла насъ, ударяла въ правую раковину и отбрасывала легкую корму. Пароходъ переставалъ слушаться руля и становился лагомъ... Слѣдующій гребень обрушивался на палубу и перекатывался черезъ нее, смывая за бортъ все, что плохо лежитъ, грозя снести наши двѣ шлюпки, помѣщавшіяся на ютѣ; у кожуховъ образовывалось что-то вродѣ буруна, и въ теченіе полуминуты, и даже больше, пока, снова забравъ ходъ, мы приводили на курсъ, ничего нельзя было ни видѣть, ни слышать, а только крѣпче держаться, чтобы не быть сбитымъ съ ногъ рѣзкими, неправильными толчками. Оставалось одно средство — попробовать уходить отъ волны. Мы поставили паруса; въ машинѣ дали самый полный ходъ, и «Малыгинъ» ринулся впередъ со скоростью, больше той, которую онъ далъ на пробѣ. Маневръ удался. Волны рушились позади насъ, не достигая кормы. Качка еще увеличилась, но стала правильнѣе, пароходъ дрожалъ всѣмъ корпусомъ, но слушался руля —можно было править

по курсу. Вотъ, сквозь порѣдѣвшія облака, прорвались косые лучи солнца; мелькнулъ клочекъ голубаго неба; посинѣло мрачное сѣро-свинцовое море; ярче забѣлѣла пѣна. На мостикъ уже не поддавало. Я скинулъ дождевикъ и зюйдъ-вестку, [1]) и подъ вліяніемъ этого свѣта, этой правильной размашистой качки, безъ толчковъ и ударовъ, этого быстраго хода впередъ— исчезла усталость, воскресли силы; вчерашній день и пережитая ночь казались чѣмъ-то смутнымъ и далекимъ, смѣлая увѣренность, гордая радость вскипали на сердцѣ. На этотъ разъ мы побѣдили! Наша скорлупа оказалась достаточно крѣпкой для борьбы съ непогодой

Какъ солдату вѣра въ его оружіе, такъ моряку вѣра въ свое судно даютъ возможность смѣло глядѣть впередъ и твердо идти на встрѣчу неожиданнымъ опасностямъ будущаго.

Внизу, на обсыхающей палубѣ, весело завтракали матросы. Ко мнѣ доносились ихъ непритязательныя остроты на юмористическіе случаи минувшей ночи— кого окатило съ головы до ногъ, кого сбросило съ трапа, кто шлепнулся въ уголъ – и когда шальная волна, ударивъ о бортъ, обдавала ихъ брызгами и разбавляла чай соленой водой, ее встрѣчали шутками и дружнымъ смѣхомъ.

Въ 7 ½ часовъ утра прямо по курсу открылись горы Норвегіи. Въ теченіе всей ночи, пока вѣтеръ не

---

[1]) Зюйдъ-вестка —широкополая, непромокаемая шляпа.

измѣнился, берегъ былъ «навѣтреннымъ». Подъ нимъ волна не успѣла еще разойтись, и теперь каждая пройденная миля приносила чувствительное облегченіе въ качкѣ. Мы свернули на S и, отыскивая входъ въ Кöрсъ-Фіордъ, ведущій къ Бергену, пошли вплотную вдоль линіи острововъ, стараясь по ихъ формѣ и относительному расположенію угадать, гдѣ мы находимся. Несомнѣнно, что за ночь насъ снесло въ сторону отъ курса, но куда и насколько?...

«Овцынъ» убавилъ ходу и держался мористѣе, видимо намѣреваясь дождаться полудня и опредѣлиться по обсерваціи. Но у насъ на «Малыгинѣ» команда была такъ измучена, самъ пароходъ такъ жалобно скрипѣлъ и стоналъ, словно просясь въ тихую пристань, что всякая проволочка казалась намъ безцѣльной и жестокой. Гаданье увѣнчалось успѣхомъ. Въ 10 часовъ утра я могъ съ торжествомъ показать командиру на картѣ десятокъ, сошедшихся въ одной точкѣ, пеленговъ [1]) разныхъ мысовъ и острововъ. Мѣсто было извѣстно. Вахтенный начальникъ получилъ точный курсъ, и мы спустились въ каютъ-кампанію завтракать. Идти послѣ поворота приходилось снова противъ волны и вѣтра, но мы ужъ притерпѣлись и, хотя палуба дрожала подъ ногами, переборки вокругъ насъ скрипѣли, а ножи и вилки прыгали по столу, я рѣдко ѣлъ съ такимъ аппетитомъ и въ такомъ веселомъ настроеніи духа.

Около полудня мы были у входнаго маяка Мар-

[1]) Пеленгъ—направленіе на предметъ взятое по компасу.

стенъ, подняли лоцманскій флагъ и скоро увидѣли небольшой парусный ботъ, прыгавшій по волнамъ и несшійся намъ навстрѣчу. Застопорили машину. Ботъ прошелъ у насъ подъ носомъ, чрезвычайно искусно сдѣлалъ поворотъ за кормой, легъ на другой галсъ и взялъ курсъ вплотную вдоль нашего лѣваго —подвѣтреннаго—борта съ очевиднымъ намѣреніемъ высадить лоцмана на кожуховую площадку, не останавливаясь. Къ несчастію, старикъ не успѣлъ выскочить во-время; пришлось задержаться, потерять ходъ—и шлюпка очутилась въ крайне опасномъ положеніи. Нашъ высокій кожухъ отнималъ вѣтеръ у ея безсильно хлопавшихъ парусовъ. Она стояла на мѣстѣ, а между тѣмъ легкій, но высокій надъ водой «Малыгинъ» медленно несло вбокъ, нажимая на нее. Уйти, дать ходъ впередъ мы не могли изъ опасенія раскрошить и шлюпку, и людей лопастями колесъ. Пока команда бросилась доставать шесты, чтобы оттолкнуть ихъ отъ борта, мы принуждены были оставаться безучастными зрителями потрясающей картины. Вотъ «Малыгинъ» грузно мотнулся влѣво. Раздался зловѣщій трескъ — буртикъ кожуха ударилъ по борту шлюпки и погрузилъ его въ воду. Идя назадъ, онъ подцѣпилъ ее снизу и взбросилъ вверхъ такъ, что она едва не опрокинулась. Новый розмахъ— новый ударъ... Поплыла щепа, мелкіе обломки дерева... Старикъ-лоцманъ съ бѣшенными проклятіями рвался изъ рукъ державшихъ его матросовъ, пытаясь выскочить за бортъ на помощь—экипажъ бота были его

два сына. Младшій, съ помертвѣвшимъ отъ ужаса лицомъ, упалъ навзничь, глухо стоналъ и выкрикивалъ что-то, призывая Бога... но старшій — живой портретъ отца—метался, какъ тигръ въ клѣткѣ, и даже въ эту ужасную минуту возбуждалъ восхищеніе своей ловкостью. Англичане бы ему апплодировали. Рискуя ежесекундно размозжить себѣ голову, онъ оглядывалъ поврежденія борта, пробовалъ дѣйствовать рулемъ и парусами, пытался оттолкнуться... Если бы онъ хотѣлъ спастись самъ, ему стоило бы только схватиться за одинъ изъ концовъ, брошенныхъ отъ насъ, но шлюпка - все достояніе бѣднаго норвежца, и онъ защищалъ ее, какъ герой, несмотря на то, что, попавъ глубже подъ колеса, она бы несомнѣнно погибла съ ними вмѣстѣ. Глубокій вздохъ облегченія вырвался у меня, когда наконецъ появились шесты. Какъ мячикъ, отлетѣвъ отъ рокового кожуха, ботикъ снова запрыгалъ по волнамъ, направляясь къ чуть-замѣтному проливу между прибрежными скалами. Мы еще могли видѣть, какъ старшій изъ братьевъ прибавлялъ парусовъ и клалъ шлюпку почти на бокъ, чтобы выше поднять надъ водою проломленный бортъ, и восхищались его снаровкой и лихостью. Старый лоцманъ, блѣдный отъ волненія, смотрѣлъ вслѣдъ удаляющимся дѣтямъ, одобрительно кивалъ головой и что-то шепталъ побѣлѣвшими губами.

— Хорошій морякъ! смѣлый малый! проговорилъ командиръ, обращаясь къ нему и указывая рукой на шлюпку.

— Да, да! встрепенулся тотъ, и его сѣрые глаза блеснули счастьемъ и гордостью—это мой старшій сынъ.

Снова дали ходъ машинѣ, обогнули одинокую скалу маяка, о которую бѣшено бились волны, вступили въ проливъ; снавѣтра поднялась высокая стѣна мрачныхъ, обнаженныхъ утесовъ, и вдругъ, какъ по волшебству, качка прекратилась. Палуба не уходила больше изъ-подъ ногъ; изъ-за борта не поддавало; скрипъ, трескъ, грохотъ—все разомъ смолкло, только мѣрно шлепали по водѣ лопасти колесъ

Команда, столпившись у борта и глядя на только что оставленную вспѣненную поверхность Нѣмецкаго моря, прощалась съ нимъ смѣхомъ и шутками.

— Ау, братъ, шабашъ—таперь не достанешь!

— Слышь? слышь, какъ реветъ?..

— Ничего: пущай реветъ— не намъ слушать, нашъ чередъ прошелъ!

Одинъ только боцманъ Османдеръ Индрисъ, типъ кровнаго татарина, стоялъ, видимо чѣмъ-то озабоченный, и мрачно сосалъ свою трубку. Исправный, расторопный, знающій, онъ съ самаго начала завоевалъ мои симпатіи.

— Ты чего, Индрисъ? подошелъ я къ нему.

— Завсэмъ бѣда, вашэ благородіэ! у мэнэ на палубэ кадка съ пескомъ стоялъ; ночью волна хадилъ — кадка, пэсокъ всэ за бортъ тащилъ? Какой тэпэрь чистота? какъ мы будэмъ палуба мыть?

Я успокоилъ его, объявивъ, что сегодня никакой чистоты не будетъ, что команда ночь не спала и те-

перь можетъ отдыхать; а къ завтрему достанемъ песку, сколько угодно. Онъ утѣшился, но не вполнѣ. Кажется, его главнымъ образомъ огорчала потеря кадки чистой работы, крашенной, которую по его словамъ «подарили на заводѣ», хотя я думаю, что она была пріобрѣтена не столь законнымъ путемъ, такъ какъ Индрисъ, при всей своей безусловной честности, обладалъ одной слабостью — всякую „зря валяющуюся" вещь тащить въ кладовую парохода. Ни приказаніями, ни убѣжденіями нельзя было отъучить его отъ этой привычки.

Около 3-хъ часовъ пополудни «Малыгинъ» отдалъ якорь на рейдѣ Бергена, а часа черезъ два пришли «Овцынъ» и «Скуратовъ». Они дѣйствительно продержались въ морѣ до полдня и, только получивъ мѣсто по обсерваціи, вошли въ шхеры.

Суда наши имѣли самый штормовой видъ. Черные борта и трубы пароходовъ до самаго верха были бѣлыми отъ осѣвшей на нихъ соли. Впрочемъ, норвежцевъ, прирожденныхъ моряковъ, недавно снарядившихъ и отправившихъ безумно-смѣлую экспедицію Нансена, трудно было удивить чѣмъ-нибудь.

Изъ взаимныхъ разспросовъ мы узнали, что «Скуратовъ», хотя и не черпалъ бортами, какъ намъ казалось, но при неполномъ грузѣ качался немилосердно и, несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, одна изъ прядей буксира перетерлась. Нашимъ брусьямъ видимо тоже пришлось изрядно поработать въ предупрежденіе перелома «носомъ и кормой

вверхъ». Правый изъ нихъ по самой серединѣ далъ трещину и слегка разошелся въ замкѣ.

Въ Бергенѣ мы простояли до 27-го іюля, потому что, придя въ пятницу вечеромъ, не могли принять угля раньше понедѣльника. Въ субботу и воскресенье увольняли часть команды на берегъ. Остальными людьми разбирались въ наскоро погруженныхъ запасахъ и пополняли израсходованные новой пріемкой со «Скуратова».

Погода держалась перемѣнчивая, довольно холодная и сырая.

Бергенъ, чистый, опрятный городокъ, раскинулся на возвышенномъ мысу, вдавшемся въ фіордъ. Можетъ быть, это время года отличается затишьемъ въ торговлѣ, но вообще онъ показался мнѣ пустыннымъ. Широкія, малолюдныя улицы, гладкіе фасады домовъ съ крутыми черепичными кровлями, рѣдкіе, видимо не спѣшащіе, прохожіе, общая тишина—все производило странное впечатлѣніе чего-то забытаго, случайно уцѣлѣвшаго остатка «добраго стараго времени», когда люди жили, не торопясь, не волнуясь и не сбивая въ кучу свои жилища Рѣзкимъ пятномъ современности на общемъ фонѣ выступали только нѣсколько огромныхъ общественныхъ зданій и отелей. Съѣхавъ на берегъ, я сразу подумалъ: здѣсь ложатся спать въ 10 часовъ вечера и встаютъ въ 7 утра,—и былъ недалеко отъ истины. Единственное развлеченіе, которое мы застали—плохой циркъ. Возвращаясь домой послѣ конца представленія, часовъ

въ 11, мы не встрѣтили на улицахъ ни души. Въ полночь закрываются рестораны. Въ воскресенье все заперто, кромѣ кабаковъ, такъ что наша команда возвращалась съ берега раньше срока, чтобы воспользоваться судовымъ ужиномъ. При извѣстной норвежской бѣдности меня поразила высокая такса на извощиковъ и ихъ странное отношеніе къ сѣдокамъ— везетъ, точно милость дѣлаетъ. Шутя, мы говорили между собою, что въ Норвегіи слѣдуетъ поговорку «гордъ, какъ испанецъ» замѣнить «гордъ, какъ извощикъ»

Въ понедѣльникъ, въ то время, какъ на пароходѣ грузили уголь, я поѣхалъ на мѣстную обсерваторію за точной поправкой хронометровъ, вѣроятно не мало пострадавшихъ при бурномъ переходѣ Нѣмецкимъ моремъ. На мой звонокъ послѣ долгаго ожиданія дверь отперла высокая, полная женщина съ засученными рукавами и раскраснѣвшимся лицомъ--должно быть прямо отъ плиты. На вопросъ, предложенный по-англійски, она дико вытаращила глаза, но помощью открытаго хронометра и международнаго языка жестовъ мнѣ скоро удалось объяснить ей цѣль моего прихода. Она быстро заговорила что-то, и я, успѣвъ поймать среди непонятныхъ фразъ слово «профессоръ», радостно закивалъ головой. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вышелъ, шаркая ногами, въ туфляхъ «профессоръ»—по-нашему просто завѣдующій метеорологической станціей. Длинный, тощій, сгорбившійся старикъ съ бритымъ морщинистымъ ли-

цомъ и очками, сдвинутыми на лобъ, въ сѣромъ халатѣ и ермолкѣ. Здороваясь съ нимъ, я былъ пораженъ... точно что-то знакомое, точно гдѣ-то я его видѣлъ... Да это школьный учитель старинныхъ нѣмецкихъ гравюръ! Для полноты сходства не хватаетъ только линейки или пучка розогъ. Говорилъ онъ медленно и глухо, слегка пришепетывая, слушалъ серьезно, строго глядя въ глаза собесѣднику. На англійскихъ обсерваторіяхъ всякому, желающему получить поправку, предлагаютъ дѣйствовать самому; здѣсь же обычай другой. «Профессоръ» взялъ мои сравнительные часы, ушелъ съ ними въ святилище, гдѣ стоялъ единственный хронометръ, и вынесъ мнѣ оттуда аккуратно сложенный листокъ бумаги. Я поблагодарилъ, пожалъ его сухую, сморщенную руку и собрался уходить. Старецъ самъ проводилъ меня, отперъ дверь и на прощанье замѣтилъ, что слѣдуетъ ждать ненастья, такъ какъ у него ноетъ правое колѣно. Видимо, этому предсказанію онъ вѣрилъ больше, чѣмъ приборамъ своей скромной обсерваторіи.

Во вторникъ, 27 іюля, около полдня экспедиція снялась съ якоря для слѣдованія шхерами въ Тромсэ, Гаммерфестъ и Вардэ—нашъ послѣдній европейскій портъ.

Колѣнка бергенскаго «профессора» ныла не даромъ. Погода стояла отвратительная, пасмурная, дождливая, съ холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Въ довершеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, способствующихъ скверному настроенію духа, мы ползли по

4—5 узловъ, такъ какъ принятый въ Бергенѣ уголь горѣлъ плохо, и паръ не держался. При закатѣ солнца подошли къ узкости Стензундъ. Въ виду дождя и тумана лоцмана отказались проходить ее ночью. Стали на якорь въ проливѣ не шире полутора кабельтова, между островами Суленъ и Норенъ, но довольно глубокомъ. Якорь отдали рядомъ съ «Овцынымъ». Неожиданно къ нашей компаніи присоединилась парусная шхуна, также завернувшая сюда ночевать. Стало совсѣмъ тѣсно. Перемѣнись вѣтеръ, дувшій вдоль проливчика, вышла бы изрядная каша. Тотчасъ по постановкѣ на якорь занялись добываніемъ изъ трюмовъ оставшихся запасовъ англійскаго угля, въ смѣси съ которымъ бергенскій горѣлъ удовлетворительно.

На разсвѣтѣ 28-го начали сниматься. «Скуратовъ» не успѣлъ развернуться и попалъ на камни, но былъ удачно стащенъ «Овцынымъ».

Между праздными туристами норвежскія шхеры славятся, какъ одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ земнаго шара. Не знаю, въ какое время года здѣсь путешествуютъ, но при нашемъ плаваніи въ концѣ іюля погода была такая, что могла отравить всякое созерцаніе красотъ природы. Низко нависшія, грязно-сѣрыя тучи, сырой вѣтеръ; мелкій частый дождь то притихнетъ, то опять зашумитъ по палубѣ — впечатлѣніе петербургской глухой осени. Въ рѣдкія минуты, когда немного прояснивало, передъ глазами развертывалась мрачная, дикая панорама изсиня-чер-

ныхъ скалъ, кой-гдѣ поросшихъ мхомъ и тощими растрепанными соснами. Порой вѣтеръ, почти незамѣтный внизу, но сердито гнавшій въ вышинѣ клочковатыя облака, дарилъ насъ неожиданными сюрпризами. Идемъ. Впереди и позади—кругомъ—все сѣро, однотонно... и вдругъ, гдѣ-нибудь всторонѣ, прорвутся тучи, брызнетъ снопъ яркихъ солнечныхъ лучей, мелькнетъ клочекъ голубаго неба... угрюмыя вершины словно оживутъ, засмѣются. Заблещутъ ихъ обнаженные, омытые водой скаты, нѣжно забѣлѣютъ гряды тумана, серебристыми нитями протянутся по склонамъ вспѣненные потоки... Мигъ, другой—и снова все затопила синеватая мгла, и сквозь частую сѣтку дождя чуть проступаютъ громады утесовъ.

Къ вечеру дождь пересталъ, но небо такъ густо заволокло тучами, что около 11 часовъ мы принуждены были бросить якорь у острова Вальдерэ. Туманъ разсѣялся; холодный, пронизывающій вѣтеръ смѣнился мертвымъ штилемъ; значительно потеплѣло. Совсѣмъ нежданно настала тихая, какъ говорятъ, «бархатная» ночь. Съ наслажденіемъ вдыхая полной грудью мягкій, влажный воздухъ, стоялъ я на кормѣ парохода Глубокая тишина царила кругомъ. Почти рядомъ темнѣли корпуса «Овцына» и «Скуратова». Ни тамъ, ни у насъ на палубѣ не слышалось ни шума, ни говора. Крѣпко спалъ маленькій отрядъ, набираясь силъ на завтрашній день. Среди общаго безмолвія гулко неслись по водѣ и расплывались въ неподвижномъ воздухѣ звуки одинокихъ шаговъ вах-

тенныхъ. Невдалекѣ, словно чьи-то кровавыя очи, то вспыхивали, то гасли красные вертящіеся огни лоцманскихъ знаковъ. Сладкое ощущеніе полнаго спокойствія, наступившаго отдыха, чувство истомы и лѣни наполняли все существо. Усталый мозгъ работалъ лѣниво; мысли не складывались въ опредѣленные образы... о чемъ-то думалось, что-то вспоминалось хорошее, пріятное... не хотѣлось уходить въ каюту именно изъ-за отраднаго сознанія, что можно уйти, хоть сейчасъ, и залечь спать, и не напрягать вниманія, не думать о курсѣ, о примѣтныхъ мысахъ, о поправкѣ компаса—отдыхать, только отдыхать... а на завтра пусть свиститъ вѣтеръ, и хлещетъ дождь ..

29-го іюля погода намъ улыбнулась. Хотя въ два часа ночи, при съемкѣ съ якоря, завернулъ такой предразсвѣтный холодокъ, что приходилось прятать руки въ карманы, а голову въ воротникъ пальто, но съ восходомъ солнца разсѣялись тучи, и къ полдню было уже +12°R. Открыли всѣ иллюминаторы и люки, распахнули настежъ двери жилыхъ помѣщеній, начали сушиться и провѣтриваться. На протянутыхъ леерахъ появились принадлежности офицерскаго и матросскаго костюма. Команда съ веселыми шутками и разговорами починялась, перебирая содержимое большихъ чемодановъ—излюбленное занятіе всякаго бывалаго матроса. Командиръ рискнулъ даже одѣть бѣлую тужурку, но вслѣдствіи нашихъ усиленныхъ просьбъ не пугать погоду скоро замѣнилъ ее черной. Доброе, солнечное расположеніе духа не могъ испор-

тить даже появившійся за обѣдомъ горохъ, знаменовавшій конецъ свѣжей провизіи и начало «морской пищи». Пользуясь штилемъ, «Овцынъ» поставилъ «Скуратова» рядомъ съ собой, снайтовился и шелъ такъ, на ходу пополняя запасы. До полдня нашъ путь лежалъ по окраинѣ шхеръ, и отъ моря насъ отдѣляла только полоса частью подводныхъ, частью едва выступающихъ надъ поверхностью камней. Однако этотъ природный молъ прекрасно защищалъ отъ волненія и зыби, взметывавшихъ надъ нимъ высокіе буруны.

Затѣмъ снова и справа, и слѣва поднялись угрюмыя скалы. На высотѣ 1,500 ф. мѣстами лежалъ снѣгъ, и оттуда мчались по склонамъ бурные потоки. Проходя близко отъ берега, мы слышали ихъ глухой, могучій ревъ; иногда такой ручей, достигнувъ отвѣснаго обрыва въ нѣсколько сотъ футъ, срывался съ крутизны и, не долетая до низу, на полпути разбивался, обращаясь въ облако мельчайшихъ брызгъ, въ которомъ яркими лучами трепетали и переливались цвѣтныя радуги. Солнце сѣло при ясномъ горизонтѣ безъ багроваго отблеска, но лоцмана утверждали, что надо ждать тумана и слѣдуетъ стать на якорь, такъ какъ впереди опасныя мѣста. Не вѣря имъ, досадуя на ненужную задержку, тѣмъ не менѣе должны были покориться. Однако старые моряки, всю жизнь проведшіе въ шхерахъ, не ошиблись. 30-го іюля только что, въ 2 часа утра, снялись мы съ якоря и вошли въ узкости, нашелъ густой, какъ стѣна, туманъ. Въ десяти шагахъ ничего не было видно. Нѣкоторое вре-

мя, пересвистываясь съ «Овцынымъ», который *чувствовался* почти рядомъ, подвигались впередъ, то давая самый малый ходъ, то стопоря машину. Вдругъ съ правой стороны увидѣли черную стѣну такъ близко, что отталкивали отъ нея свою корму шестами. Положеніе было весьма затруднительное. Наконецъ достали глубину, доступную нашимъ канатамъ, и отдали якоря. Въ томительномъ бездѣйствіи, по пословицѣ, сидѣли у моря и ждали погоды. Послѣ пяти, настолько разъяснило, что можно было продолжать путь: Проливъ Stokken, представляющій собой колѣно, изогнутое подъ прямымъ угломъ, такъ узокъ, что кажется корридоромъ, высѣченнымъ въ скалѣ. Признаюсь, за всѣ плаванія я не видалъ ничего подобнаго. Двумъ встрѣчнымъ большимъ пароходамъ разойтись въ немъ было бы чрезвычайно трудно. Въ большинствѣ случаевъ они предпочитаютъ обходить это мѣсто открытымъ моремъ.

Пройдя Stokken, мы очутились на обширномъ плесѣ, совершенно открытомъ съ запада, и черезъ этотъ прорывъ нашъ добрый старый другъ—Нѣмецкое море не замедлило выслать намъ на прощанье крупную зыбь. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ «Малыгинъ» хлопалъ кожухами, прыгалъ, мотался—вообще велъ себя по традиціямъ недавняго перехода. Послѣ полудня снова спрятались въ шхеры. Погода въ конецъ испортилась: небо задернулось тучами, заморосилъ частый осенній дождь.

Вечеромъ проходили Toft-sund—узкую извилистую

щель, гдѣ мѣстами съ кожуховъ можно было прыгать на прибрежные камни. По правому борту вдругъ, точно картина волшебнаго фонаря, всталъ передъ нами крошечный городокъ съ киркой и маленькой гаванью, набитой рыбачьими судами; совсѣмъ близко, на оконечности деревянной дамбы мелькнули нѣсколько неподвижныхъ фигуръ, закутанныхъ въ дождевики—и снова все исчезло въ ненастныхъ сумеркахъ, словно мимолетный сонъ или галлюцинація усталаго глаза. Выйдя изъ пролива, держались соединенно, почти упираясь въ корму «Скуратова», чтобы не потерять другъ друга изъ вида. Платье, сапоги—все снова промокло; холодъ и сырость пробирали до костей. Наступившій разсвѣтъ принесъ облегченіе—поднялся свѣжій вѣтерокъ, разогналъ туманъ, кое-гдѣ блеснуло голубое небо.

31-го іюля въ 9 часовъ утра, между островами Gierö и Renö экспедиція пересѣкла полярный кругъ, и совершилось наше оффиціальное вступленіе въ гиперборрейскія страны. За послѣдніе дни снѣговая линія значительно понизилась. Теперь уже на высотѣ не болѣе 500 футъ разстилались цѣлыя лощины, занесенныя снѣгомъ. Къ закату солнца вышли на плесъ, ограниченный Лофоденскими островами, черныя громады которыхъ четко рисовались на багровомъ горизонтѣ. Несмотря на облачное небо и набѣгавшіе временами шквалы съ дождемъ и туманомъ, на ночь не останавливались; да ея и не было—въ этой широтѣ она замѣнялась короткими сумерками.

1-го августа утромъ видѣли первый глетчеръ на горѣ Ледингс-Аскленъ, двумя руслами низко спускавшійся къ морю.

За Лофоденами характеръ окружающей мѣстности рѣзко и непонятно измѣнился. Еще у самаго Бергена шхеры имѣли дикій, непривѣтливый видъ. Мѣстами попадались хвойные лѣса, но, по мѣрѣ движенія къ сѣверу, они становились все рѣже и рѣже, и наконецъ исчезли вовсе, замѣнившись тощимъ мхомъ и растрепанными кустами можевельника. Вчера и третьяго дня вокругъ насъ возвышались одни иззубренныя, обнаженныя вершины, увѣнчанныя льдами и занесенныя снѣгомъ, сегодня же—зеленые, смѣющіеся склоны, покрытые травой, поросшіе низкой кудрявой березкой. Только нѣжные, изжелта-блѣдные тона зелени, ясно говорили о близкомъ сосѣдствѣ полюса, вызывая въ памяти, какъ невольное сравненіе, лѣса тропиковъ съ ихъ густой, темной, почти синей окраской травы и листьевъ. Но все-жъ это была жизнь, не мертвый холодный камень, и глазъ, утомленный однообразіемъ, отрадно отдыхалъ, созерцая робкую, приниженную, словно больную, растительность дальняго сѣвера. Мѣстами по берегамъ виднѣлись стада коровъ и фигуры людей; чаще и чаще попадались селенія; въ одномъ изъ нихъ, довольно обширномъ, въ киркѣ только-что кончилось богослуженіе (день былъ воскресный) и, несмотря на отвратительную погоду, изъ ея широко-раскрытыхъ дверей выходили толпы богомольцевъ. Мѣстные жители густымъ потокомъ

двигались по главной улицѣ: отдѣльныя группы въ нѣсколько человѣкъ по головоломнымъ тропинкамъ подымались въ горы, остальные же, видимо прибывшіе издалека, спѣшили къ берегу и разсаживались по шлюпкамъ для возвращенія домой. Кое-гдѣ въ ложбинахъ и на болѣе отлогихъ скатахъ отчетливо выдѣлялись правильные четыреугольники полей, перекрещенные изгородями, на которыхъ было аккуратно развѣшано и сушилось что-то. Но что именно? думалось мнѣ—ленъ? хлѣбъ? но какой? что можетъ созрѣвать въ подобномъ климатѣ?

Старикъ-лоцманъ разсѣялъ мои недоразумѣнія, но за то и удивилъ меня, объявивъ, что это сушится сѣно. Рыбная ловля и скотоводство—единственныя средства къ жизни мѣстнаго населенія. Лѣтомъ скотъ находитъ себѣ пищу на пастбищахъ, но, чтобы обезпечить его кормомъ на зиму, приходится употребить такіе труды и заботы, о какихъ и понятія не имѣютъ въ нашихъ благословенныхъ степяхъ. Прежде всего разыскиваютъ участокъ, возможно менѣе подверженный размыванію дождевыми и снѣговыми потоками, затѣмъ его очищаютъ отъ безчисленныхъ валуновъ и мелкаго камня, разрыхляютъ почву и сѣютъ траву. Послѣ покоса сѣно нельзя оставить раскинутымъ по землѣ на милость краснаго солнышка —при здѣшнихъ постоянныхъ ненастьяхъ оно непремѣнно сгніетъ. Для сушки по лугамъ протягиваются на козлахъ жерди, на нихъ тонкимъ слоемъ развѣшивается скошенная трава и, такимъ способомъ,

предотвращается гніеніе. Подумать только, что при такихъ тяжелыхъ условіяхъ молочное хозяйство въ Норвегіи не только существуетъ, но еще значительная часть его продуктовъ вывозится за границу въ видѣ сыра и главнымъ образомъ консервовъ, которые мы могли по достоинству оцѣнить въ нашемъ дальнѣйшемъ плаваніи. Есть чему подивиться, глядя на эту поразительную энергію.

Около 4-хъ часовъ дня мы проходили Ry-strom, узкій проливъ съ чрезвычайно быстрымъ теченіемъ, образующимъ мѣстами водовороты. На штурвалѣ стояло двое рулевыхъ, и едва справлялись, поминутно перекладывая руль съ борта на бортъ. Любознательные туристы никогда не пропускаютъ этого интереснаго мѣстечка, но кому довелось видѣть приливо-отливной сулой въ южно-китайскихъ шхерахъ, тому Ry-strom покажется слабой и блѣдной копіей.

Въ 7 ч. вечера «Малыгинъ» отдалъ якорь на рейдѣ города Тромсэ. Послѣдніе часы мы прибавили ходу, обогнали «Овцынъ» миль на семь, и, когда наши товарищи пришли и стали рядомъ съ нами, мы уже могли пригласить ихъ на ужинъ изъ свѣжей провизіи, а кто бывалъ въ морѣ, тотъ пойметъ, какую роскошь составляла эта маленькая подробность.

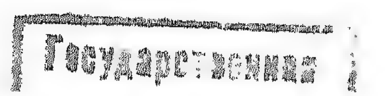
Тромсэ небольшой городокъ, раскинувшійся по склону горы на берегу узкой и глубокой бухточки. Въ воду выступаютъ солидныя деревянныя пристани и построенные на сваяхъ огромные сараи—склады угля и сушеной рыбы, ароматъ которой заполня-

етъ всѣ окрестности и, пока не принюхаешься, довольно скверно дѣйствуетъ на обоняніе. Съ рейда городокъ виденъ какъ на планѣ: одна улица идетъ невдалекѣ отъ берега—вдоль него, другая немного отступя—параллельно ей. Зданія тѣснятся главнымъ образомъ у пристаней—центра торговой дѣятельности; выше и всторонѣ они становятся рѣже и болѣе невзрачнаго вида. На горѣ изъ жиденькой лиственной рощи выглядываютъ чистые, даже красивые домики-особняки.

Населеніе—рослый, здоровый народъ. Мужчины выглядятъ немного хмурыми, но смѣлыми и рѣшительными, видимо—люди, привыкшіе къ борьбѣ и опасностямъ. Среди женщинъ попадаются очень миловидныя и кокетливо одѣтыя.

Бергенскій вице-консулъ говорилъ, что въ Тромсэ есть обсерваторія и можно провѣрить состояніе хронометровъ. Руководствуясь этими свѣдѣніями, я на слѣдующій же день утромъ, забравъ полухронометръ, съѣхалъ на берегъ въ сопровожденіи рулеваго.

Сначала мнѣ повезло. Едва выйдя на главную улицу, я встрѣтилъ какого-то прилично одѣтаго господина, который, увидя слѣдовавшаго за мной матроса, подошелъ, раскланялся и на чисто-русскомъ языкѣ, извинившись, «за можетъ быть неумѣстную назойливость», началъ разспрашивать о плаваніи экспедиціи, о нашихъ предположеніяхъ на будущее время. Удовлетворивъ его любопытство, я попросилъ въ свою очередь указать мѣсто обсерваторіи. Госпо-

динъ задумался, потомъ воскликнулъ: Ага! вспомнилъ! ступайте по этой улицѣ вверхъ, пока не увидите дороги, ведущей по гребню горы, тогда ворочайте направо,—идите все прямо—она приведетъ васъ къ самой обсерваторіи.

Поблагодаривъ незнакомца и радуясь точно извѣстному маршруту, я бодро зашагалъ впередъ. Однако тротуары скоро кончились, пришлось идти по глинистой, размытой ночнымъ дождемъ почвѣ, увязая въ липкой грязи по щиколотку. Несмотря на то, что въ воздухѣ было только $+5^0$ R, становилось жарко.

— Ваше благородіе! догналъ меня рулевой, совсѣмъ не способно идти! ежели бы взять накось черезъ поле—много бы лучше.

— Чего ты вздоръ болтаешь! раздражительно возразилъ я, видишь поле огорожено.

— Такъ точно, ваше благородіе! а только извѣстно—и у насъ загородь больше для скотины становится; человѣкъ много ли ёнъ повредить можетъ? опять же коли скажутъ: нельзя—значитъ, завсегда уйтить можно.

Я колебался... но какъ разъ въ эту минуту потерялъ калошу, не удержался, погрузился сапогомъ въ грязь и рѣшительно двинулся къ забору. Въ самомъ дѣлѣ, самое большее, что̀ могутъ сдѣлать—попросить о выходѣ. Но къ счастью и этого не случилось. Мы благополучно, никѣмъ не остановленные, достигли указанной дороги и пошли по гребню горы, зорко поглядывая по сторонамъ: не покажется

ли гдѣ флюгеръ, анемометръ, дождемѣръ или какой иной признакъ метеорологической станціи. Идемъ 15, 20 минутъ—нигдѣ ничего. Идемъ полчаса—тѣ же результаты. Кругомъ словно все вымерло, не видать ни души, спросить не у кого. Съ рѣшимостью отчаянія я выбралъ самый богатый на видъ домъ, смѣло позвонилъ у подъѣзда и заявилъ, что желаю видѣть хозяина. Ко мнѣ вышелъ человѣкъ пожилой, солидной наружности и - о, радость!—заговорилъ по-англійски. Съ первыхъ же словъ изъявивъ полную готовность оказать всякое содѣйствіе, онъ кликнулъ слугу и распорядился показать намъ дорогу къ обсерваторіи на горѣ. Наговоривъ другъ другу всякихъ любезныхъ словъ и добрыхъ пожеланій, мы разстались, и черезъ десять минутъ ходьбы я стоялъ передъ великолѣпной будкой съ вращающимся куполомъ и массивнымъ каменнымъ столбомъ для астрономическихъ наблюденій!..

Разочарованіе было такъ велико, что на языкѣ не находилось словъ его выразить. Направленный съ самаго начала по ложному слѣду, я даже въ разговорѣ съ англичаниномъ не выяснилъ ему, что не хочу дѣлать наблюденій самъ, а желаю лишь получить поправку отъ вывѣреннаго хронометра. Давъ лакею на чай и безнадежно махнувъ рукой, въ самомъ угнетенномъ состояніи духа я началъ спускаться съ горы. Цѣлое утро было потеряно изъ-за глупаго недоразумѣнія.

— Безсловесный народъ! нешто съ ними сообра-

зишь? ты ему одно—онъ те другое... да, вишь ты, и день-то послѣдній—въ понедѣльникъ съ утра вышли... философствовалъ сзади рулевой.

Но мнѣ было не до философіи. Ожесточенный на все и всѣхъ, а прежде всего на самого себя, я, не разбирая дороги, шлепалъ по грязи, стремясь въ городъ. Время завтрака уже прошло; благодаря солидному моціону, аппетитъ разыгрался не на шутку, но досада на нелѣпое происшествіе была сильнѣе голода. Я рѣшилъ отыскать консула и добиться отъ него истины. Въ довершеніе неудачъ въ полу-горѣ хлынулъ дождь, не оставившій на насъ сухой нитки. Въ конторѣ, надъ дверями которой красовался русскій гербъ, меня принялъ маленькій, худенькій, необыкновенно подвижной старичекъ, объявившій на мои вопросы, что про обсерваторію въ городѣ онъ не слыхалъ, но что приходящія суда «гдѣ-то» получаютъ поправку хронометровъ, и что это мѣсто, можно найти.

Все это онъ говорилъ, поспѣшно одѣвая пальто, шляпу, калоши, и кончилъ уже на улицѣ, по которой мы почти побѣжали. Мой спутникъ и собесѣдникъ, русскій вице-консулъ, прирожденный норвежецъ и мѣстный коммерсантъ, довольно правильно говорилъ по-русски и въ отвѣтъ на выраженное мной по этому поводу удивленіе объяснилъ, что 40 лѣтъ тому назадъ прожилъ 1½ года въ Архангельскѣ, а это «срокъ слишкомъ достаточный, чтобы выучиться какому-угодно языку». Нашъ первый визитъ былъ къ директору училища мореплаванія, отозвавшемуся

полнымъ невѣдѣніемъ и направившему насъ къ школьному учителю, который занимается метеорологіей и у котораго «кажется» есть хронометръ. Школьный учитель въ свою очередь сказалъ, что, дѣйствительно, хронометръ у него есть, но ходъ его неизвѣстенъ, а вотъ на телеграфѣ два раза въ недѣлю —въ среду и субботу, ровно въ 10 часовъ 0 м. 0 с. средняго гринвичскаго времени, непосредственно съ обсерваторіи въ Христіаніи подается сигналъ, и кто въ этотъ моментъ тамъ находится, можетъ по сигналу опредѣлить поправку своего хронометра. Сегодня-же былъ понедѣльникъ. Убѣдившись въ совершенной правдивости этихъ послѣднихъ свѣдѣній, я поблагодарилъ консула за хлопоты и, озлобленный, голодный, мокрый возвратился на пароходъ, чтобы тамъ глотать перегрѣтый супъ и жевать засушенное, твердое, какъ подошва, мясо.

Вечеромъ «Скуратовъ», гдѣ за кока плавалъ настоящій поваръ, попавшій по набору въ матросы, чтобы отплатить намъ за вчерашній ужинъ, устроилъ большой обѣдъ. Въ крошечной каютъ-компаніи не яблоку, но даже яблочному сѣмечку упасть было некуда. За то все, начиная съ супа и пирожковъ, удалось великолѣпно, а невозможная тѣснота только увеличивала общее веселое настроеніе духа. Разсчеты съ берегомъ были окончены, но, чтобы не выходить въ море въ понедѣльникъ, снялись съ якоря послѣ полуночи. Утромъ 3-го августа «Овцынъ» передалъ намъ на буксирѣ «Скуратова», а самъ,

давъ полный ходъ, пошелъ въ Hammerfest, чтобы тамъ принять, въ качествѣ пассажира, нашего консула Березникова, который еще письмомъ въ Бергенъ изъявилъ желаніе сопровождать экспедицію до Вардэ, гдѣ могли понадобиться его услуги. Разгулялся довольно свѣжій вѣтерокъ отъ NW, быстро гнавшій разорванныя облака. Солнце то выглядывало ненадолго, то снова пряталось. Въ воздухѣ было сыро и холодно—въ полдень $+5^1/_2$° R. Шхеры замѣтно рѣдѣли; плесы, открытые къ океану, становились все чаще и чаще, и на нихъ ходила значительная волна. Въ такихъ мѣстностяхъ подергиванія буксира— не кой-ропъ, а манильскаго троса— дѣлались весьма ощутительными; приходилось убавлять число оборотовъ; но въ закрытыхъ проливахъ, на тихой водѣ мы могли съ удовольствіемъ убѣдиться, что тащимъ «Скуратова» со скоростью $7^1|_2$ узловъ. День прошелъ благополучно, и въ 7 часовъ вечера мы были уже въ Hammerfest'ѣ, крошечномъ городкѣ, спрятанномъ въ глубинѣ небольшой, но прекрасно защищенной бухточки. Еще въ разстояніи 2—3 миль, высматривая въ трубу, не видать ли гдѣ «Овцына», стоитъ ли онъ здѣсь или уже прошелъ дальше—мы были поражены давно невиданнымъ зрѣлищемъ, огромнымъ числомъ русскихъ флаговъ, развѣвавшихся на мачтахъ судовъ въ гавани. Это были поморы, исключительно парусники, пришедшіе сюда съ грузомъ сушеной трески, распространявшей на цѣлую милю вокругъ свой специфическій, далеко не пріят-

ный, запахъ. Кому доводилось плавать за границей, тотъ знаетъ это чувство удовлетворенія, слегка щекочущее самолюбіе, которое испытываешь, придя въ иностранный портъ и видя въ немъ родной флагъ преобладающимъ даже надъ мѣстнымъ. Къ тому же здѣсь насъ окружали не пароходы богатыхъ субсидированныхъ компаній, а маленькія, неказистыя на видъ, промысловыя шхуны съ чисто-русскимъ экипажемъ, подъ командой самихъ владѣльцевъ или ихъ прикащиковъ—простыхъ поморовъ.

Существуетъ мнѣніе, что нашъ крестьянинъ, оторванный отъ земледѣлія, даже въ предѣлахъ Россіи не только не ассимилируетъ инородцевъ, но даже самъ понемногу принимаетъ ихъ обычаи, одежду и языкъ. Не знаю, насколько оно справедливо на сушѣ, но здѣсь я видѣлъ нѣчто совсѣмъ противное. Матросы коммерческихъ судовъ—это своего рода международное сословіе. Матроса вы всегда отличите въ толпѣ портоваго города по его ухваткамъ, по его костюму, почти одинаковому для всѣхъ націй свѣта. Въ этомъ отношеніи поморы составляютъ исключеніе. Шаровары, заправленныя въ высокіе сапоги, рубаха—часто красная—на выпускъ, подпоясанная ремешкомъ, на которомъ подвѣшенъ ключъ отъ «укладочки», а иногда и гребенка, на головѣ мѣховая шапка,—все признаки, ни на минуту не позволяющіе вамъ принять помора за его вѣковаго сосѣда норвежца, съ которымъ онъ находится въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Тѣ же широкія,

бородатыя, добродушныя лица, та же склонность къ зубоскальству и безпричинной ругани... Кругомъ развѣвались русскіе флаги; слышалась русская рѣчь; гдѣ-то весело пищала гармонія, чей-то голосъ съ берега упорно докликивался какого-то Петрухи на «Миколаѣ»... Чувствовалось, что близко Россія, что мы натолкнулись на ея передовой отрядъ.

Снялись съ якоря на другой день, 4-го августа, въ 6 часовъ утра. «Овцынъ» снова принялъ отъ насъ «Скуратова» и повелъ его на буксирѣ. Въ закрытой бухточкѣ Hammerfest'а былъ почти штиль, но въ морѣ, гдѣ вчерашній NW не только не стихъ, но даже усилился, довольно свѣжо. На каждомъ плесѣ, самомъ незначительномъ, изрядно покачивало. Барометръ медленно падалъ. Къ вечеру мы вышли изъ шхеръ, которыя окончились проливомъ Magerö-sund, отдѣляющимъ отъ берега о-въ Magerö съ мысомъ Nordkap, несправедливо считающимся сѣверной оконечностью Европы. Въ дѣйствительности самую сѣверную точку *материка* Европы составляетъ мысъ Nordkyn, лежащій къ востоку отъ Nordkap'а подъ широтой 71°6'. Отъ Magerö-sund'а до Vardö намъ предстояло совершить переходъ около 90 миль открытымъ океаномъ.

Едва только мы высунулись изъ пролива, какъ насъ подхватила и начала мотать крупная волна отъ NW. Вѣроятно со стороны «Малыгинъ» представлялъ довольно жалкое зрѣлище, потому что «Овцынъ» сдѣлалъ сигналъ: идти по способности, т. е. сообразу-

ясь съ обстоятельствами, или спѣшить впередъ, пользуясь преимуществомъ хода, или, если плохо придется, спрятаться въ какую-нибудь бухту. Разсчитывая — послѣ крещенія въ Нѣмецкомъ морѣ — на крѣпость своего парохода, мы усиленно завертѣли колесами и начали замѣтно уходить отъ «Овцына», который къ тому же держалъ мористѣе, надѣясь встрѣтить тамъ болѣе правильное волненіе. Впрочемъ до Nordkyn'а и близь берега волна, разведенная двухъдневнымъ, не особенно свѣжимъ, постояннымъ вѣтромъ, имѣла отлогій, океанскій характеръ. Около полуночи мы огибали Nordkyn—скопленіе сѣровато-бурыхъ, обнаженныхъ скалъ съ плоской, словно обрѣзанной, вершиной и отвѣсными боками, крутизна которыхъ скрадывалась гигантскими отсыпями щебня. Въ глубокихъ расщелинахъ у самой поверхности моря еще лежалъ не растаявшій снѣгъ. Освѣщенная сумрачнымъ, багровымъ отблескомъ зари, ярко пылавшей на сѣверѣ, не дававшимъ рѣзкихъ тѣней, сглаживавшимъ очертанія, громада мыса казалась какой-то особенно безобразной, безформенной, неуклюжей массой. Низко-нависшее изсиня-грязное небо еще усиливало впечатлѣніе безотраднаго унынія, холода и неподвижности вѣчной смерти. Здѣсь было бы достойное мѣсто сатанѣ въ минуты его мрачнаго безъисходнаго отчаянія.

За Nordkyn'омъ откуда-то взялась NO-овая зыбь, которая, въ соединеніи съ NW-овой волной, создала крайне непріятную толчею. «Малыгинъ» уже не ка-

чался правильно, а прыгалъ и метался во всѣ стороны. Нѣсколько разъ, выскочивъ изъ воды носовой частью, онъ при обратномъ паденіи такъ стремительно и грузно ударялся о поверхность, что, вспоминая примѣръ «Ливадіи», мы не безъ опасенія думали о нашемъ плоскомъ, тоненькомъ днищѣ. Такихъ прыжковъ не доводилось наблюдать и въ Нѣмецкомъ морѣ. Съ невольной завистью можно было смотрѣть на встрѣченный нами у самаго мыса китобойный пароходикъ. Небольшой, но видимо построенный со спеціальнымъ назначеніемъ плавать въ открытомъ океанѣ, онъ бойко шелъ противъ волны и вѣтра и, красиво и мѣрно раскачиваясь, легко всплывалъ на гребни, не принимая ни капли воды на палубу. Около 2 часовъ ночи нашелъ густой, холодный туманъ, но волна сдѣлалась ровнѣе. «Овцынъ» и «Скуратовъ», пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поставили паруса и за ночь такъ насъ нагнали, что 5-го августа въ 8 часовъ утра мы почти одновременно вошли въ гавань Vardö. Стали всѣ трое рядомъ, помѣстивъ «Скуратова» посрединѣ, и тотчасъ же принялись перегружать съ него наши 14-мѣсячные запасы, чтобы освободить трюмы баржи для угля

Въ Vardö мы застали капитана Виггинса съ его отрядомъ изъ трехъ судовъ. Пароходъ «Orestes» съ грузомъ 1,500 тоннъ рельсъ для сибирской дороги; пароходъ «Минусинскъ»—вѣрнѣе паровая шхуна, такъ какъ, имѣя значительную парусность, киль и надлежащіе обводы корпуса, онъ подъ парами шелъ

не болѣе 5—6 узловъ—нагруженный колоніальными товарами; Виггинсъ намѣревался продать въ Енисейскѣ и грузъ, и самый пароходъ. Наконецъ паровая арктическая яхта «Blankather», на которой находились капиталистъ Popham—компаньонъ Виггинса въ предпріятіи, двѣ англичанки, желавшія быть первыми европейскими дамами, посѣтившими устье Енисея, и спортсменъ-англичанинъ, намѣревавшійся безъ всякой видимой цѣли высадиться на Ялмалѣ и пройти пѣшкомъ въ Обдорскъ. Смѣясь, мы говорили между собой, что это, вѣроятно, особый родъ самоубійства.

II.

Встрѣча съ Виггинсомъ.—Вардэ—послѣдній европейскій портъ.—Переходъ до Югорскаго шара.—Первые льды въ проливѣ.—Плаваніе Карскимъ моремъ.—Отдѣленіе «Малыгина» отъ экспедиціи.

Свиданіе съ Виггинсомъ, опытнымъ полярнымъ мореплавателемъ, не разъ ходившимъ на Енисей, ожидалось нами съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Однако еще въ Петербургѣ нѣкоторые дальновидные люди не совѣтовали питать особо-радужныхъ надеждъ на раскрытіе тайнъ Карскаго моря, а больше разсчитывать на лотъ, компасъ, секстанъ, да собственное умѣнье и находчивость. Къ сожалѣнію, эти печальные пророки оказались почти правы. Планъ пути, предложенный Виггинсомъ, былъ самаго примитивнаго свой-

ства. Вѣроятно 200 лѣтъ тому назадъ на своихъ «кочахъ» наши поморы руководствовались тѣми же правилами. По этому плану слѣдовало послѣ пересѣченія Карскаго моря идти на сѣверъ вдоль берега Ялмала на безопасной 10—7 саженной глубинѣ. Держась той же глубины — т. е., идя все время по лоту—обогнуть о-въ Бѣлый и править на востокъ. Противъ устья Енисея, какъ-бы служа продолженіемъ впадины Енисейскаго залива, самой природой устроена довольно рѣзко очерченная котловина съ глубинами около 20 саженъ

Достигнувъ ея, надо ворочать на югъ и... попадете въ рѣку. Собственной, хотя бы грубой, карты, составленной на основаніи предъидущихъ плаваній, у Виггинса не было, по крайней мѣрѣ мы такой не видали. Набрасывая эти строки, я имѣю передъ собой обтрепанный, замасленный, много разъ подмоченный соленой водой, экземпляръ карты Сѣвернаго Ледовитаго океана и Карскаго моря изданія гл. гидр. упр. 1872 г., по которой совершалось наше плаваніе, и на которой красными чернилами нанесены указанныя Виггинсомъ исправленія. Они заключаются въ слѣдующемъ: двѣ отдѣльныя мели -- Шараповы кошки— замѣнены сплошной отмелью, тянущейся вдоль южной половины западнаго берега Ялмала; о-въ Бѣлый съ запада, сѣвера и востока обнесенъ сплошнымъ пунктиромъ, увеличивающимъ его площадь въ этихъ направленіяхъ отъ 7 до 10 миль; увеличенъ съ сѣвера о-въ Сибиряковъ, и рекомендовано не прибли-

жаться къ нему, такъ какъ здѣсь онъ вовсе не обслѣдованъ (послѣднее было очевидно, потому что и на картѣ сѣверный берегъ о-ва нанесенъ пунктиромъ). Важныя, послужившія намъ на пользу, свѣдѣнія доставлены относительно подхода къ самой Гольчихѣ (уже глубоко въ устьѣ) — означены двѣ подводныя косы, исправленъ лѣвый берегъ отъ Осмарева до Звѣрева на протяженіи 15 миль.

Весьма существенными явились бы указанія на несходство дѣйствительныхъ склоненій компаса съ показанными на картѣ, но произведенныя нами наблюденія, точность которыхъ до 1° несомнѣнна, дали мѣстами результаты, отличающіеся отъ сообщенныхъ Виггинсомъ на $3^1|_2$ и даже на $5^1/2^\circ$. Совѣты его, общаго характера, относительно плаванія въ сѣверныхъ моряхъ мы давно знали изъ описаній Норденшильда и другихъ полярныхъ путешественниковъ. Признаюсь, я былъ разочарованъ. Я ожидалъ большаго отъ человѣка, ходившаго 8 разъ на Енисей и посѣтившаго Обскую губу. Судя безпристрастно, наша экспедиція, совершившая только одинъ спѣшный рейсъ, въ дѣлѣ исправленія карты дала болѣе цѣнные и богатые результаты.

Разумѣется, ни однимъ словомъ изъ всего вышесказаннаго мною я не хочу ни на волосъ умалить личныя достоинства Виггинса или бросить тѣнь на его, вполнѣ заслуженную, блестящую репутацію смѣлаго и опытнаго капитана, — по всей вѣроятности въ своихъ плаваніяхъ онъ не имѣлъ ни того богатства

инструментовъ, какъ мы, ни того личнаго состава, которымъ обладала экспедиція.

По приглашенію начальника экспедиціи, Виггинсъ подробно осматривалъ наши суда и хотя по возвращеніи въ англійскихъ газетахъ отзывался о нихъ одобрительно и высказывалъ похвалы заводу Дени, но тогда, въ Vardö и послѣ, уже въ Енисеѣ, онъ былъ совершенно противнаго мнѣнія и, указывая на различные недостатки и несовершества, часто повторялъ съ ироніей: «Oh! It's Deny's patent!»

Когда же на «Малыгинѣ» спросили его, что онъ думаетъ относительно пригодности парохода для плаванія Карскимъ моремъ, то онъ, не отвѣчая на вопросъ, только усмѣхнулся и промолвилъ: «Very comfortable cabins...», что было совсѣмъ неутѣшительно.

Въ первый день нашего прибытія въ Vardö произошелъ любопытный и характерный случай. Едва «Малыгинъ» отдалъ якорь и завезъ съ кормы перлиня, какъ къ его борту пристала таможенная шлюпка. Находившійся въ ней чиновникъ безъ всякихъ предупрежденій взошелъ на палубу, и, сопровождаемый двумя помощниками, направился къ ближайшему открытому трюму. Пораженный такимъ нарушеніемъ международныхъ правилъ, я, какъ старшій офицеръ, загородилъ ему дорогу и обратился къ безцеремонному посѣтителю съ вопросомъ по-англійски: что ему нужно?

— Осмотрѣть грузъ и трюмы.

— Вы не имѣете на это права безъ разрѣшенія

командира. Вы вѣроятно забыли, что, стоя здѣсь, находитесь на иностранной территоріи.

— Развѣ судно... коронное?

— Обернитесь на корму и взгляните на флагъ.

— Да... да... запинаясь и съ недоумѣніемъ оглядываясь по сторонамъ, бормоталъ чиновникъ, теперь я вижу... англійскій военный флагъ.

— Не англійскій! почти крикнулъ я, взбѣшенный такимъ незнаніемъ, не англійскій, а военный флагъ русскаго императорскаго флота!

Таможенный смущенно поклонился, повернулся и какъ-то нерѣшительно направился къ шлюпкѣ.

Вышелъ командиръ, и я, не стѣсняясь выраженіями, передалъ ему о случившемся, удивляясь грубому невѣжеству таможни, не умѣвшей различать военныхъ флаговъ великихъ державъ. Впослѣдствіи оказалось, что нашъ незванный гость, хотя и плохо, но говорилъ по-русски. Впрочемъ, если въ то время онъ меня понялъ—я не особенно сожалѣю.

Въ гавани стояло много поморовъ на шхунахъ и совсѣмъ крошечныхъ одномачтовыхъ шнякахъ; здѣсь же, ихъ покровитель, правительственный пароходъ «Мурманъ», на которомъ находились кольскій исправникъ и священникъ пограничнаго лопарскаго прихода. Сѣдой бодрый старикъ, несмотря на свою бѣдную рясу, былъ полонъ такого достоинства, а въ его широкомъ лицѣ и сѣрыхъ глазахъ отражалось столько душевной ясности, незлобивости и простоты, что невольно хотѣлось, не для одного только исполненія

обряда, попросить его благословенія. Чуть ли не сорокъ лѣтъ живетъ онъ среди своей дикой, первобытной паствы, пользуясь общимъ уваженіемъ и обучая ребятишекъ, чуждый корысти и честолюбія. Дай Богъ русской церкви побольше такихъ незамѣтныхъ, неоффиціальныхъ миссіонеровъ.

Нельзя не отдать здѣсь должной справедливости г. Березникову, нашему консулу, прибывшему изъ Hammerfest'а. Только благодаря его хлопотамъ и стараніямъ, нагрузка угля, ведшаяся съ перерывами и крайне медленно, была закончена къ вечеру понедѣльника 9-го августа, причемъ работы продолжались и въ воскресенье. Мѣстный вице-консулъ—норвежецъ, самодовольный, флегматичный господинъ, безъ него оказалъ бы намъ очень мало содѣйствія. Отъ вице-консула мы узнали, между прочимъ, что заказанная для насъ морошка—противуцынготное средство, прославленное Норденшильдомъ—не будетъ доставлена въ виду полнаго неурожая. Весьма возможно, что неурожай былъ вызванъ крейсеромъ «Наѣздникъ», дѣятельно защищавшимъ въ эту навигацію наши промыслы отъ хищническихъ набѣговъ норвежцевъ; но такъ или иначе можно было заблаговременно послать извѣщеніе въ Архангельскъ, и оттуда прислали бы морошку вмѣстѣ съ теплымъ зимнимъ платьемъ.

6-го августа безпрерывное паденіе барометра разрѣшилось штормомъ отъ NW. Волна хлестала черезъ молъ, и зыбь ходила даже въ гавани.

Въ воскресенье утромъ мы сличили по телеграфу хронометры съ обсерваторіей въ Христіаніи, а вечеромъ были на берегу въ гостяхъ у В. А. Березникова, гдѣ провели нѣсколько часовъ въ дружескихъ разговорахъ, слушая его разсказы о жизни на дальнемъ сѣверѣ. Нынѣшнее лѣто онъ считалъ выдающимся по сырой и холодной погодѣ, хотя вообще здѣсь не бываетъ ни большой жары, ни сильныхъ морозовъ. Мѣстные жители круглый годъ ходятъ одѣтые въ шерсть съ головы до ногъ и къ теплу не привыкли. Въ прошломъ году выдались два дня съ температурой до 19° R, и всѣ задыхались «отъ нестерпимаго зноя».

Возвращаясь отъ консула въ 11 час. вечера и шлепая по грязи единственной улицы Vardö, мы, уроженцы болѣе счастливаго климата, ежились отъ холода, поднимали воротники пальто, шли ускореннымъ шагомъ—чуть не бѣжали, но даже и при этихъ условіяхъ могли убѣдиться, что человѣкъ остается вѣренъ себѣ отъ экватора до самаго полюса: по голой пустынной дамбѣ, у конца которой стояли наши суда, медленно двигались въ сумеречномъ свѣтѣ зари какія-то парочки, искавшія уединенія и боязливо смолкавшія при нашемъ проходѣ. Въ воздухѣ было 5°, сырой порывистый вѣтеръ трепалъ женскія платья и головные платки, волны, съ грохотомъ разбивавшіяся о стѣнку, обдавали ихъ пѣной и брызгами, но онѣ, какъ бы не замѣчая этихъ непріятностей, продолжали свою прогулку и свои тихіе разговоры.... о чемъ? не трудно было догадаться.

Въ Vardö мы приняли ледяныхъ лоцмановъ (ice-master), опытныхъ руководителей въ дѣлѣ плаванія среди льдовъ. Не стану утверждать, принесли или не принесли пользы лоцмана «Овцына» и «Скуратова», но могу по чистой совѣсти сказать, что малыгинскій былъ лишнимъ грузомъ и лишнимъ ртомъ, потому что ни на какомъ языкѣ, кромѣ родного, не говорилъ, мы же въ свою очередь не знали ни слова по-норвежски. Я часто дивился, какъ этотъ несчастный не впадетъ въ черную меланхолію и не лишитъ себя жизни, нроводя по нѣскольку недѣль въ положеніи глухо-нѣмаго.

Въ понедѣльникъ погода стихла. «Овцынъ» и «Малыгинъ» по очереди выходили въ море уничтожать девіацію, а къ вечеру этого дня, какъ я уже говорилъ, закончилась погрузка угля на «Скуратовъ». Уходъ назначили на завтра, во вторникъ, 10-го августа въ 5 час. утра. Виггинсъ въ тотъ же день посылалъ тихоходный «Минусинскъ», а самъ намѣревался уйти позже и догнать насъ въ Югорскомъ Шарѣ.

Въ назначенный часъ «Малыгинъ», какъ ближайшій къ воротамъ гавани, снялся съ якоря и вышелъ за молъ.

Стоялъ мертвый штиль и густой молочно-бѣлый туманъ. Мы осторожно подвигались впередъ, правя по компасу, между незримыхъ береговъ глубокой воронки, образуемой съ запада о-вомъ Vardö, а съ востока о-вомъ Renö и подводными камнями. Чрезвы-

чайно удачно, какъ разъ въ нужную минуту; ненадолго раздвинулась стѣна тумана, блеснуло солнце, и мы увидѣли крайній изъ нихъ. Обогнувъ его, повернули на востокъ и, тихо покачиваясь на еще неулегшейся зыби минувшаго шторма, пошли, поджидая «Овцына», впередъ, чуть ворочая колесами, временами вовсе останавливая машину и каждыя двѣ минуты давая сирену.

Я всегда думалъ, что названіе, данное этому аппарату, должно жестоко оскорблять богинь древности. Слушая современную паровую «сирену», если и затыкаютъ уши, то отнюдь не изъ боязни очарованія.

Въ 7 ч. мы услышали позади себя отвѣтные свистки «Овцына», а черезъ нѣкоторое время и самъ онъ темнымъ пятномъ обрисовался въ бѣловатой мглѣ тумана. Хотѣли уже прибавить ходу, какъ вдругъ «Овцынъ», достаточно сблизившись, сдѣлалъ сигналъ: идти назадъ. Въ полномъ недоумѣніи повернули обратно. «Овцынъ» вступилъ намъ въ кильватеръ. Вообще вблизи береговъ «Малыгинъ», какъ судно, не стѣсненное буксиромъ и болѣе свободное въ своихъ движеніяхъ, обыкновенно держался впереди. Въ данную минуту наше положеніе было не изъ пріятныхъ. Туманъ съузилъ горизонтъ до 2 кабельтововъ; за предъидущіе два часа мы шли такъ медленно, что показанія механическихъ лаговъ [1]) не могли быть вѣрными и курсъ точнымъ; при ничтожномъ пройденномъ пространствѣ

[1]) Механическій лагъ—приборъ показывающій пройденное разстояніе.

и большомъ промежуткѣ времени насъ могло значительно снести теченіемъ, сбить зыбью. Подвигались съ крайней осмотрительностью, напрягая зрѣніе и слухъ—лотъ не могъ быть путеводителемъ, такъ какъ дно моря здѣсь ровное, а берега подымаются почти отвѣсно съ глубины. Предположенія о томъ, что мы южнѣе счислимаго мѣста, вполнѣ подтвердились. Не прошло получаса, какъ неистовый крикъ невидимыхъ чаекъ указалъ намъ на близость берега.

Скоро къ этому крику присоединился глухой ревъ буруна, и мы въ 2 кабельтовахъ подъ носомъ увидали скалы острова Hornö —самаго крайняго. Поспѣшно отойдя къ сѣверу отъ непріятнаго сосѣда и зная теперь свое мѣсто, проложили новый курсъ и благополучно достигли цѣли въ 9 часовъ утра. Въ гавань не вошли, а отдали якоря подъ защитой острова Renö. Командиръ съѣздилъ на «Овцынъ» и узналъ причину возвращенія. Оказалось, что баржа при трюмахъ полныхъ угля получила диффферентъ на носъ и плохо слушалась руля. Сейчасъ же половинное число команды было послано на «Скуратовъ», и тамъ закипѣла работа. Изъ носового трюма уголь пересыпали въ мѣшки и складывали ихъ на кормовой части верхней палубы. Ими же заполнили кормовое, провизіонное отдѣленіе.

Въ 6-мъ часу вечера перегрузка была окончена, и мы снялись съ якоря для дальнѣйшаго плаванія. Туманъ разсѣялся, но зато небо заволокло тучами; задулъ свѣженькій SO, и разошлась волна. Принявъ всю провизію, имѣя полный запасъ угля, «Малыгинъ»

сѣлъ глубже нормы почти на цѣлый футъ, качался крайне стремительно и билъ кожухами о воду, какъ никогда. Пришлось убавить ходу. Всю ночь и слѣдующій день 11-го августа шли отъ 5 до 6 узловъ. Впереди «Овцынъ» со «Скуратовымъ» на буксирѣ, а за ними въ полу-милѣ «Малыгинъ». Солнце проглянуло только около полудня, да и то на нѣсколько секундъ. Удалось поймать высоту, опредѣлить широту по обсерваціи—оказалось, что за-ночь насъ снесло къ сѣверу миль на 15. Вообще наши плоскодонные корабли съ Богомъ не спорятъ и сбиваются туда, куда вѣтеръ дуетъ. Послѣ полудня начали набѣгать густыя полосы тумана; короткая крутая волна отрывисто била въ бортъ, толкая подъ руку и мѣшая писать.

— Вотъ онъ—мой четвертый океанъ! думалъ я, стоя на мостикѣ и оглядываясь кругомъ. Такой же, какъ и всѣ, сѣрый, холодный, непривѣтливый, а главное— однообразный и равнодушный. Я никогда не понималъ и не пойму громкихъ фразъ красивыхъ описаній бури, «какъ разъяренное море стремилось поглотить жалкую скорлупу», «какъ волны бѣшено бросались на судно»... Мнѣ кажется, писать такъ могутъ только случайные путешественники, а не люди, посвятившіе себя морю, проводящіе на немъ бо̀льшую часть жизни. Оно ни къ чему не стремится, волны ни на кого не бросаются. Вспѣненный океанъ поражаетъ воображеніе, дѣйствуетъ на душу человѣка именно своимъ стихійнымъ безстрастіемъ, своей слѣпой, всесокрушающей силой. Если вы на хорошемъ

суднѣ, во всеоружіи чесовѣческихъ знаній, вамъ не страшна его неразумная мощь—вы побѣдите. Оплошайте, потеряйтесь на мгновеніе—и онъ васъ сотретъ, уничтожитъ, но безъ злобы, безъ увлеченія. Погубивъ десятки и сотни жизней, та же волна покатится дальше тѣмъ же размѣреннымъ механическимъ движеніемъ.

Къ вечеру 12-го стихло, но высоко стоявшій барометръ началъ падать, и на сѣверѣ по горизонту образовалась полоса чистаго неба—примѣты, указывающія на скорое наступленіе сѣвернаго вѣтра. Дѣйствительно, облачная завѣса медленно сдвигалась къ югу; ночью даже вызвѣздило, но къ утру уже налетали отъ NO сердитые шквалы; тяжелыя тучи снова заволакивали небо; появилась все возрастающая зыбь. Всякій вѣтеръ изъ Nord'овой половины компаса встрѣчался нами съ особеннымъ неудовольствіемъ—онъ былъ злѣйшимъ врагомъ экспедиціи, наносившимъ ледъ въ Карское море и загромождавшимъ проливы. И безъ того въ Vardö разные «доброжелатели» въ виду господствовавшихъ за лѣто именно этихъ вѣтровъ совѣтовали бросить дѣло и не совершать безполезнаго, скучнаго рейса до Югорскаго шара и обратно.

Въ этотъ день, 13-го августа, обсерваціи не было вовсе. Послѣ полудня прошли меридіанъ Колгуева, но его не видали, можетъ быть, за дальностью разстоянія, а вѣрнѣе по причинѣ мглы, залегшей по всему горизонту. Къ вечеру NO засвѣжѣлъ и развелъ безпокойное, сбивчивое волненіе. Въ полночь хлынулъ дождь. Температура понизилась до +2°. Шли въ прежнемъ

порядкѣ, бросая лотъ каждыя 10 миль, а затѣмъ каждый часъ. Пригоняя на картѣ получавшуюся линію глубинъ, я все болѣе и болѣе убѣждался, что наши суда, легко покорявшіяся вѣтру и волнѣ, значительно подало къ S; но сказать точно, гдѣ мы находимся, было, разумѣется, невозможно. Въ 7 час. утра достали глубину 9 саж., и «Овцынъ» сдѣлалъ сигналъ: «Малыгину идти впередъ». Признаюсь въ такихъ обстоятельствахъ я предпочиталъ бы идти въ кильватеръ. Но тутъ, какъ разъ, судьба наконецъ смиловалась надъ нами. Разрѣшившіяся обильнымъ дождемъ тучи замѣтно рѣдѣли и скрывались за горизонтомъ, не замѣняясь новыми. Я думаю, никто послѣ ненастья не ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ перваго луча солнца, какъ штурманъ, не знающій своего мѣста. Съ секстаномъ въ рукахъ, въ борьбѣ между надеждой и разочарованіемъ, стоя на мостикѣ, ловилъ я счастливый моментъ, когда покажется «хотя краешекъ, самый маленькій краешекъ солнца».

Въ 7½ часовъ утра была взята первая высота солнца, въ 9—вторая и въ 10—третья, а черезъ нѣсколько минутъ на «Малыгинѣ» уже взвился сигналъ: обсервованная широта и долгота мѣста. Отъ счислимаго мы оказались на 20 миль къ S! Проложили новый курсъ и радостно заторопились впередъ.

Въ 12-мъ часу уже открылись острова Долгій и Голецъ. Въ 2 ч. обогнули островъ Матвѣевъ и направились ко входу въ Югорскій шаръ. Вѣтеръ почти стихъ; волна исчезла; надъ головой разстилалось

голубое небо; солнышко любовно свѣтило и грѣло; термометръ поднялся до 12°, и если бы нывшія кости не напоминали порой о тяжелой, безсонной ночи, проведенной подъ холоднымъ дождемъ, то казалось бы грѣшно желать бо́льшаго благополучія.

Къ числу затрудненій плаванія въ высокихъ широтахъ надо отнести господствующій здѣсь миражъ; не тотъ, который изображаютъ учебники географіи въ видѣ волшебныхъ картинъ, повисшихъ въ воздухѣ, а самый незатѣйливый, прозаичный, но крайне непріятный для моряка, измѣняющій очертаніе береговъ, мѣшающій опредѣлить мѣсто по отдаленнымъ мысамъ и горнымъ вершинамъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ намъ во всей послѣдовательности открывался Вайгачъ. Первоначально на горизонтѣ обозначились отдѣльныя черныя точки, то появляющіяся, то исчезающія и быстро движущіяся взадъ и впередъ — казалось, тамъ, надъ самой водой, носятся стаи спугнутыхъ птицъ. Затѣмъ, среди нихъ образовалось темное пятно, безпрерывно мѣнявшее свои очертанія. Оно все расплывалось въ стороны и приняло видъ островка, повисшаго въ воздухѣ. Мало-помалу средина его становилась болѣе спокойною, вытянулась книзу и слилась съ горизонтомъ. Съ дальнѣйшимъ приближеніемъ, на ней проступили острыя ребра скалъ, озаренныхъ солнцемъ; въ трубу можно было различить подробности береговой линіи, но края ея, уходящіе за горизонтъ, все еще висѣли въ воздухѣ, загнутые кверху, на подобіе роговъ полумѣсяца, дро-

жали, волновались и, съ удаленіемъ отъ центра, постепенно переходили въ тѣ же бѣгающія, безпокойныя точки.

Вотъ въ сторонѣ, совершенно неожиданно, всплыло черное бозформенное пятно гигантскихъ размѣровъ съ тремя колеблющимися отростками, поднятыми къ небу, словно щупальцы невѣдомаго морскаго чудовища. Черезъ четверть часа чудище обратилось въ рангоутное судно, въ которомъ мы безъ труда признали «Наѣздника», а около 7 уже стояли на якорѣ вблизи него, противъ мыса Гребени—SW оконечности Вайгача.

«Боже мой! какъ все на свѣтѣ условно!» думалось мнѣ въ то время, какъ наши суда, проходя мимо «Наѣздника», размѣнивались съ нимъ дружескимъ «ура!». Сколько разъ, глядя съ флагманскаго броненосца на крошечный клиперъ, рѣжущій корму, я вспоминалъ тѣсноту каютъ, способность жестоко качаться отъ малѣйшей волны и далеко не завидовалъ его обитателямъ, а теперь?—тотъ же самый клиперъ кажется гигантомъ въ сравненіи съ нашими скорлупами, и офицеры, столпившіеся на ютѣ, смотрятъ сверху внизъ на наши палубы, рубки и мостики.

Встрѣча была самая радостная и сердечная. Послѣ оффиціальныхъ визитовъ товарищи пріѣзжали къ намъ для подробнаго обзора пароходовъ, разспрашивали о Нѣмецкомъ морѣ, съ уваженіемъ осматривали треснувшій брусъ, и первый разъ со времени

начала плаванія мы услышали искреннія пожеланія успѣха. Кто-то привезъ букетъ незабудокъ, собранныхъ на берегу. Этотъ цвѣтокъ—единственный на Вайгачѣ и противоположномъ берегу материка—формой и окраской не отличается отъ растущаго у насъ, но его лепестки значительно больше и издаютъ тонкій пріятный запахъ. Попадается онъ во множествѣ, придавая цѣлымъ лужайкамъ свой нѣжно-голубой цвѣтъ.

На утлой долбленной лодчонкѣ пріѣхали мѣстные жители—семья самоѣдовъ и рослый красавецъ-зырянинъ. Привезли на продажу немного рыбы, но денегъ не брали, а ломаннымъ русскимъ языкомъ просили въ обмѣнъ сухарей. Хлѣбъ здѣсь очень дорогъ и составляетъ лакомство. Несмотря на довольно теплую погоду, самоѣды были одѣты въ олеьи шкуры, а зырянинъ—въ полушубокъ, который не снимается здѣсь круглый годъ. Гребла баба, глава же семьи помѣщался полу-лежа въ кормѣ и правилъ весломъ.

— Какъ живете? чѣмъ промышляете? спрашивали его.

— Рыба таскалъ, тюлень билъ, пояснялъ онъ, указывая на перевязанное бичевками оборжавленное кремневое ружье, лежавшее на днѣ лодки.

— И самъ-то какъ есть тюлень, замѣтилъ какой-то остроумецъ изъ команды.

Нельзя было не признать справедливости сравненія. Дѣйствительно неуклюже-развалившаяся фигура, скуластое лицо и широкій ротъ, раздвинутый безпричинной улыбкой, при несомнѣнномъ стремле-

ніи придать себѣ и своимъ краткимъ отвѣтамъ какъ можно больше солидности, производили впечатлѣніе чисто-тюленьей важности и самодовольства. Вдругъ изъ толпы матросовъ выступилъ Индрисъ и заговорилъ что-то по-своему. Самоѣды прислушивались, съ удивленіемъ глядѣли на него, но молчали.

— Индрисъ! ты по-каковски съ ними объясняешься? вѣдь они не изъ Астраханской губерніи.

— Это калмыки, вашэ благородіэ.

— Какіе тебѣ калмыки—самоѣды!

— Будто я нэ знаю калмыка, обиженно возразилъ упрямый татаринъ, – эта завсэмъ калмыкъ!

— Да ты видишь, они тебя не понимаютъ.

— Онъ очэнь атлична панимаетъ, онъ толькэ нэ признается.

Разъ Индрису запала въ голову какая-нибудь мысль, выбить ее оттуда не было никакой возможности, и онъ еще добрыхъ полчаса пытался заставить самоѣдовъ *признаться*.

— Скажи, какой упрямый челавэкъ! говорилъ онъ, покачивая неодобрительно головой и глядя вслѣдъ удалявшейся шлюпкѣ, —толькэ глазы пучитъ—ничэго нэ говоритъ.

Солнце сѣло багровымъ шаромъ безъ лучей; гладкая поверхность пролива приняла сѣро-свинцовый оттѣнокъ; затуманились, словно отодвинулись, безлѣсныя бурыя скалы берега; ярче загорѣлись штаговые огни судовъ на югѣ робко затеплились звѣзды; наступила тихая, но недобрая ночь. Съ востока над-

вигалась какая-то густая, тяжелая мгла, то поднимаясь надъ горизонтомъ въ видѣ облака, то приникая къ водѣ и расплываясь туманомъ; задувалъ легкій, едва ощутимый вѣтерокъ; образовалось теченіе изъ Карскаго моря; въ глубинѣ пролива начали появляться одна за другой бѣлыя точки, которыя, приближаясь, разрастались въ огромныя льдины и тихо проплывали мимо. Подъ вліяніемъ необычной обстановки плаванія—этой блѣдной ночи съ зарею на сѣверѣ, этихъ обнаженныхъ, мертвыхъ береговъ и плывущаго льда—странныя думы поднимались на сердцѣ.

Много испытано, много сдѣлано; пройденъ нелегкій путь, и вотъ,—мы въ Югорскомъ шарѣ, на рубежѣ таинственнаго ледянаго моря.

Что сулитъ эта загадочная туманная даль, откуда вѣетъ холодомъ и несутся разбитыя бѣлыя массы?.. Но ворота должны открыться—*русскій флагъ идетъ въ свое море!..*

Рано утромъ 15-го пришли «Orestes» и «Blankather». Восточный вѣтеръ такъ засвѣжѣлъ и развелъ такую волну, что мы не могли подойти къ борту «Скуратова» для пополненія нашихъ запасовъ угля. Послѣ полудня стало часто наносить сырой и холодный туманъ, осѣдавшій на всемъ крупными каплями. Палуба была мокрая, какъ послѣ дождя. «Blankather» ходилъ высматривать ледъ и, возвратясь, сдѣлалъ сигналъ: въ проливѣ льду мало, въ Карскомъ морѣ ничего. Это извѣстіе всѣхъ ободрило и обрадовало. Однако къ вечеру теченіе и ледоходъ такъ уси-

лились, что изъ опасенія за цѣлость каната и колесъ пришлось отталкивать шестами несшіяся на насъ льдины; вѣрнѣе «отталкиваться», потому что подъ дружнымъ напоромъ 18 человѣкъ, нашъ мелко-сидящій, легкій пароходъ самъ отходилъ въ сторону. Пользуясь теченіемъ, правили также рулемъ. «Овцынъ», взявъ «Скуратова» на буксиръ, снялся съ якоря, и, перемѣнивъ мѣсто, сталъ за «Orestes'омъ», какъ за моломъ. Ночь прошла тревожно. Въ ежеминутной готовности сняться съ якоря паровъ не прекращали. Команда спала, не раздѣваясь, готовая по первому свистку выскочить наверхъ. Одинъ обломокъ ледяной горы, колеблющійся, весь источенный волнами, чуть не сѣлъ на кожухъ; едва удалось избавиться отъ него общими силами.

Къ утру 16-го вѣтеръ отошелъ къ N, волненіе ослабѣло, и ледъ шелъ ближе къ матерому берегу, оставляя насъ въ покоѣ.

Пользуясь относительно благопріятной погодой, подошли къ баржѣ, стали бортъ о бортъ и принялись спѣшно грузиться углемъ.

Въ 2 часа пополудни появился наконецъ «Минусинскъ», объ участи котораго начинали серьезно безпокоиться.

17-го въ 5 час. утра послѣ тревожной предъидущей ночи я еще спалъ, какъ убитый, когда меня разбудилъ вахтенный словами: Вашбродь! ледъ идетъ!

Сна какъ не бывало. Я вскочилъ на койкѣ и, поспѣшно одѣваясь, спросилъ: густо идетъ?

— Страсть, Вашбродь! скрозь весь проливъ, какъ стѣна!

За тонкой переборкой зашевелился разбуженный переговорами командиръ, и черезъ 2—3 минуты мы были уже на мостикѣ. Ледъ шелъ дѣйствительно «скрозь» отъ берега до берега, оставляя кое-гдѣ рѣдкіе просвѣты. Держаться на якорѣ при такихъ условіяхъ было невозможно. На всѣхъ судахъ замѣчалось особое хлопотливое оживленіе; готовились къ походу, подтягивали канаты, и затѣмъ без уговора, безъ предварительныхъ сигналовъ, пароходы одинъ за другимъ снимались и бодро шли впередъ на встрѣчу движущейся бѣлой массѣ.

— Началось, подумалъ я, Господи, благослови.

Сохранять какой-нибудь порядокъ было немыслимо. Шли отъ полыньи до полыньи, пробираясь между льдинами. «Orestes» и «Blankather» жались больше къ правому берегу, нашъ отрядъ—къ лѣвому; сзади путался «Минусинскъ», и шествіе замыкалъ «Наѣздникъ», тоже снявшійся и провожавшій насъ нѣсколько миль. Но оглядываться назадъ не было времени. Наша жизнь—наши колеса могли ежеминутно поломаться о какой-нибудь подводный выступъ льдины, незамѣтной въ сумеркахъ ненастнаго утра. Приходилось зорко глядѣть впередъ, напрягать все вниманіе, чтобы избѣжать такой непріятной встрѣчи. У селенія Хабарова двѣ огромныя льдины стали подъ берегомъ на мель, открывая позади себя небольшое пространство чистой воды. Здѣсь отдали якорь и рѣ-

шили обождать, такъ какъ по свѣдѣніямъ, принесеннымъ наканунѣ Blankather'омъ, захватившій насъ ледоходъ могъ образоваться только изъ льда, накопившагося въ самомъ проливѣ, запасъ котораго долженъ былъ скоро истощиться.

Хабарово—это 5—6 юртъ, 2—3 убогіе домика, сложенные изъ привознаго лѣсу; въ сторонѣ небольшая бѣлая часовня съ зеленой крышей и огромный досчатый сарай. Жители—самоѣды и зыряне, причемъ послѣдніе занимаются спеціально кулачествомъ и эксплоатируютъ первыхъ. Виггинсъ, пользуясь остановкой, немедленно же завелъ торговыя сношенія, отправивъ на берегъ нѣсколько ящиковъ товаровъ въ промѣнъ на шкуры пушнаго звѣря и бѣлыхъ медвѣдей. Мы также добыли себѣ за рисъ и сухари рыбы, соленыхъ гусей и утокъ—пріятное разнообразіе среди неизмѣнныхъ консервовъ. Спортсменъ-англичанинъ передумалъ и вмѣсто Ялмала высадился здѣсь. Куда онъ пойдетъ отсюда, не знаю, но полагаю, что при такой измѣнчивости плановъ не уйдетъ далеко, и «Orestes» на обратномъ пути доставитъ его въ Англію.

Простояли часовъ 5. Наши фотографы любители снимали самоѣдовъ, охотившихся на тюленей. Способъ охоты самый незатѣйливый. Замѣтивъ плывущую льдину съ тюленями, осторожно догоняютъ ее на легкомъ челнокѣ, пристаютъ съ подвѣтра и, пользуясь неровностями, стараются возможно ближе подойти къ звѣрю. Стрѣлять съ большаго разстоянія

изъ ржаваго ружья — было бы безполезной тратой пороха. Я лично видѣлъ промахи на дистанціи 20—25 шаговъ и не знаю, кто виноватъ—оружіе или охотникъ. Промежутки же между выстрѣлами при заряжаніи съ дула таковы, что тюлень успѣваетъ не только уйти, но даже состариться.

Около часу пополудни ледъ порѣдѣлъ, и мы пошли дальше. Небо облачно, туманъ сгустился. Изъ Югорскаго Шара въ Карское море вышли, не видя береговъ, не видя другъ друга. Помнится, вслѣдствіе неожиданной съемки, между нами и англичанами не было условлено точнаго курса. «Orestes» пошелъ куда-то вправо, «Blankather» свистѣлъ далеко впереди и влѣво; сзади пищалъ «Минусинскъ». «Овцынъ» держалъ на NO, «Малыгинъ» ему въ кильватеръ на самой близкой дистанціи. Здѣсь выяснилось огромное значеніе того обстоятельства, что наши пароходы обладали двумя единственными въ отрядѣ сиренами, позволявшими намъ легко узнавать другъ друга «по голосу». По мѣрѣ удаленія отъ береговъ горизонтъ мало-по-малу очищался; выглянуло солнце, и передъ нами раскинулось свободное ото льда, лазурное море, подернутое легкой рябью.

— Вотъ такъ полярныя страны! смѣялись офицеры, и тепло, и хорошо, и не дуетъ. Что, какъ весь переходъ будетъ въ этомъ родѣ!

Разбросавшіяся суда нашего маленькаго флота собрались вмѣстѣ; установился порядокъ слѣдованія; шли двумя кильватерными колоннами — правая

русскій отрядъ, лѣвая—англичане. Изъ-за отстававшаго «Минусинска» пришлось уменьшить ходъ до средняго.

Однако похвалы, высказывавшіяся Карскому морю, оказались преждевременными. Отойдя миль десять, мы снова вступили въ область тумана. Началъ попадаться мелкій, разбитый ледъ, чѣмъ дальше, тѣмъ гуще и крупнѣе. Скоро всѣ спутники скрылись изъ глазъ; заревѣли сирены, загудѣли свистки; сохранять курсъ не было возможности; безпрерывно перекладывали руль съ борта на бортъ, бросаясь въ сторону отъ неожиданно выроставшихъ подъ носомъ гигантскихъ глыбъ; двигались малымъ ходомъ, придерживаясь только общаго направленія на NO и стараясь не разъединяться. Къ 6 часамъ вечера температура упала до 2°; туманъ стоялъ, какъ стѣна; мы уже не шли, а пробирались. Въ исходѣ 7-го со всѣхъ сторонъ понеслись тревожные свистки, всѣ показывали: стопъ машина. Въ то же время «Малыгинъ» уперся въ какое-то поле, край котораго и вправо, и влѣво тянулся прямой линіей, и, давъ сигналъ, тоже остановился. Прочія суда находились совсѣмъ близко; свистки ихъ звучали чуть не надъ ухомъ; слышался даже смутный говоръ, чьи-то окрики, но ничего не было видно.

Мы стояли такъ уже минутъ 10, не зная, гдѣ мы, что съ нами, что слѣдуетъ предпринять, въ безпомощномъ положеніи людей, которымъ въ самую важную минуту завязали глаза, простояли бы и еще,

не знаю сколько времени, какъ вдругъ, Богъ вѣсть откуда, налетѣлъ, посланный счастливой звѣздой, порывъ вѣтра, сорвалъ, унесъ далеко окутавшую насъ туманную завѣсу, и мы увидѣли впереди и позади, вправо и влѣво, отъ края до края горизонта... ледъ, ледъ и ледъ. Всѣ пароходы сбились кучей на небольшомъ пространствѣ чистой воды и словно замерли въ неподвижности. Изъ-за борта вѣяло холодомъ и сыростью; неровности и возвышенія отдѣльныхъ льдинъ скрывали отъ глазъ неширокіе проходы между ними; стоя на мостикѣ, казалось, что мы отовсюду окружены сплошнымъ кольцомъ льда; безъ компаса невозможно было оріентироваться, сказать, откуда мы пришли, какъ забрались въ эту кашу.

На самомъ дѣлѣ только впереди разстилалось длинное ледяное поле, расположившееся какъ разъ поперекъ курса и преградившее намъ путь. Тронулись къ югу въ обходъ его. Впереди шелъ «Blankather» — судно спеціально приспособленное для борьбы со льдами, деревянное, съ толстой дубовой обшивкой въ носовой части по ватерлиніи. Скоро открыли узкую щель въ желаемомъ направленіи и опять взяли на NO, т. е. пошли безпрерывно мѣняя курсъ отъ Nord'а до Ost'а. Туманъ, разсѣявшійся словно только затѣмъ, чтобы указать намъ дорогу, снова надвинулся, хотя уже не такой густой. Сквозь его сѣроватую мглу, въ сумеркахъ полярной ночи можно было различать неясныя очертанія судовъ и мутныя пятна отличительныхъ огней. Шли вразбродъ. Про-

странства между крупными льдинами были усѣяны мелкими обломками, вполнѣ безвредными для корпуса пароходовъ, но крайне опасными для нашихъ колесъ. Эти бѣловатыя пятна, державшіяся въ уровень съ водой, среди окружающей полу-тьмы съ трудомъ поддавались усталому напряженному глазу, и часто глухой, отрывистый стукъ въ кожухѣ болью и тревогой отдавался въ сердцѣ. Откуда-то появилась зыбь; начало покачивать, потянулъ слабый вѣтерокъ.

Если онъ засвѣжѣетъ и льдины разныхъ величинъ станутъ двигаться съ разными скоростями, сталкиваясь другъ съ другомъ, если онѣ сплотятся и, даже не раздавивъ, просто скуютъ своей массой всю экспедицію... что̀ насъ ожидаетъ? Такія мысли невольно возникали въ мозгу, но смутно и неясно, не задерживаясь тамъ подолгу.

Серьезность настоящей минуты, трудность управленія пароходомъ поглощали все вниманіе и не давали заглядывать въ будущее. Да и къ чему?—«что написано, то сбудется», а программа личныхъ дѣйствій всегда была ясна и очевидна: честно исполняя долгъ службы, до конца оставаться на своемъ посту.

И опять какая разница дѣйствительности съ картинами и описаніями. Не было гигантскихъ горъ, рисующихся на фонѣ неба своими причудливыми очертаніями, не было полей покрытыхъ тюленями и моржами; не было ничего красиваго, величественнаго,—туманъ, сѣрый сумракъ, темная, словно застывшая

вода и вокругъ мертвая пустыня, царство холода и вѣчныхъ льдовъ; они выростаютъ отовсюду безъ конца, безъ счета... кажется, не мы идемъ впередъ, а они медленно движутся намъ навстрѣчу, охватываютъ насъ кольцомъ, давятъ... однообразные, молчаливые, неотразимые... какъ смерть.

Въ 11 часовъ вечера на «Овцынѣ» испортилась машина. «Малыгинъ» взялъ его и «Скуратова» на буксиръ. Управляться стало еще труднѣе.

Благодаря Бога, послѣ полуночи зыбь улеглась, вѣтеръ стихъ—это была только угроза. Наконецъ въ 4-мъ часу утра выбрались на открытую воду и вздохнули свободнѣе.

Правя по курсу NOtO видѣли границу льдовъ, тянущуюся къ сѣверу и скрывающуюся за горизонтомъ. За истекшіе 12 часовъ было замѣчено, что при всякомъ уклоненіи къ югу ледъ значительно рѣдѣлъ. Казалось, экспедиція идетъ по окраинѣ сплошныхъ льдовъ, находящихся къ NW и N отъ ея пути, вслѣдствіи чего являлось предположеніе, что, взявъ по выходѣ изъ Югорскаго Шара курсъ ближе къ параллели, можно было бы совсѣмъ избѣгнуть встрѣчи съ ними.

По мѣрѣ того какъ льды оставались все дальше и дальше позади, атмосфера дѣлалась чище; къ полудню термометръ показывалъ $6\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла, но тяжелыя, низко-нависшія тучи такъ густо покрывали небо, что за весь день 18-го августа не удалось «поймать солнце», а между тѣмъ опредѣлить мѣсто по обсер-

ваціи было бы весьма желательно. При постоянныхъ измѣненіяхъ курсовъ и скоростей счисленіе не могло быть надежнымъ.

Съ двумя судами на буксирѣ шли не болѣе 4 узловъ, и это, вынужденное непредвидѣнными обстоятельствами, уменьшеніе скорости почти вдвое нагоняло скуку и раздраженіе. Зато поѣли, выспались и обсушились.

Въ 6-мъ часу вечера на встрѣчу задулъ сырой вѣтерокъ, температура упала до 3°R., и скоро впереди по всему горизонту протянулась зубчатая линія льдовъ. По счастью, въ это время «Овцынъ» окончилъ исправленіе машины. Можно было освободиться отъ буксира. Пользуясь остановкой, смѣрили температуру на глубинѣ. На 20 саженяхъ получили — 0,5° С, тогда какъ на поверхности + 3,2° С. Глубина моря 40 саж.

Благодаря отсутствію тумана и практикѣ минувшей ночи, чувствовали себя много увѣреннѣе, чѣмъ наканунѣ. Ледъ былъ значительно рѣже; часто попадались обширныя совсѣмъ чистыя пространства. Въ 11 часовъ пересѣкли узкую, но очень густую полосу льдовъ, вытянувшуюся по прямой линіи съ NW на SO, словно полоса пѣны, сбитой прибоемъ. Проходы въ ней были такъ узки и извилисты, что, пробираясь впередъ, чуть ворочая колесами, все время держали наготовѣ отпорные шесты и кранцы. Въ эту ночь мы впервые увидѣли живыхъ обитателей Карскаго моря. «Blankather», шедшій правѣе насъ, ми-

ляхъ въ 2—3, неожиданно началъ стрѣлять. Смотрю въ бинокль,—оказывается, вблизи яхты цѣлое стадо китовъ, и туристы, соскучась однообразіемъ плаванія, занимаются безцѣльной пальбой по драгоцѣннымъ животнымъ, которыя здѣсь еще не научились бояться человѣка.

Въ 3 часа пополуночи 19-го августа область льдовъ была пройдена; тучи порѣдѣли; мгла, лежавшая по горизонту, разсѣялась, и онъ обозначился рѣзкой линіей. Въ 10 часовъ утра удалось взять высоту солнца, въ полдень вторую и опредѣлить свое мѣсто. За 45 часовъ насъ снесло на 19 миль къ OSO Почти въ то же время открылся высокій, ровный берегъ Ялмала; экспедиція повернула вдоль него на сѣверъ.

Мы пересѣкли Карское море. Впереди предстояло считаться только съ невѣрными картами и бурными погодами. Могучій врагъ—ледъ, для борьбы съ которымъ мы не имѣли силъ, ни средствъ, остался далеко позади. Наступилъ мертвый штиль. Надъ зеркальной поверхностью воды, то и дѣло, появлялись черныя точки—головы тюленей—иногда совсѣмъ близко отъ борта. Шли, держась стараго порядка—двухъ колоннъ. Въ 7 ч. вечера съ «Овцына» былъ сдѣланъ сигналъ: «Малыгину идти проливомъ, произвести рекогносцировку». Сблизившись, мы получили еще словесное распоряженіе: изъ пролива идти въ Енисей; въ случаѣ успѣшнаго, скораго плаванія поджидать экспедицію у Крестоваго о-ва. Окончательное рандеву—Гольчиха.

Тотчасъ же дали полный ходъ и взяли курсъ ближе къ берегу, торопясь въ тотъ же день войти въ проливъ, чтобы на завтра съ утра приняться за изслѣдованія.

III.

Отдѣльное плаваніе «Малыгина».—Соединеніе съ эскадрой въ Гольчихѣ.—Плаваніе главнаго отряда.—Гольчиха.—Гибель баржъ.—Аваріи нашихъ судовъ.—Результаты экспедиціи.

Проливъ Малыгина, куда, согласно полученнаго приказанія, мы направились, отдѣляетъ островъ Бѣлый отъ сѣверной оконечности полуострова Ялмала и нанесенъ на карту по описи лейтенанта Малыгина, производившаго ее около 150 лѣтъ тому назадъ. Не говоря уже про естественныя измѣненія рельефа береговъ и дна за такой значительный періодъ, но и въ виду несовершенства мореходныхъ инструментовъ и методовъ того времени, нельзя было особенно полагаться на карту и слѣдовало ожидать всякихъ случайностей. Послѣ лейтенанта Малыгина въ проливѣ былъ одинъ изъ спутниковъ Норденшильда на паровомъ катерѣ, но, войдя со стороны Карскаго моря, онъ не прошелъ въ Обь, а вернулся обратно, причемъ изъ-за тумана, мѣшавшаго видѣть оба берега, не могъ точно нанести полученныя глубины.

Когда мы взяли курсъ между входными мысами — «Малыгинъ» на Бѣломъ и «Скуратовъ» на Ялмалѣ— солнце уже сѣло; наши спутники скрылись изъ виду,

и мы остались одни. Въ это же время послѣдовало первое предостереженіе: достали глубину 12 футъ тамъ, гдѣ на картѣ означено 7 саж. Около полуночи, находясь по разсчетамъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, смутно увидѣли оба берега и рѣшили стать на якорь ближе къ Бѣлому, такъ какъ тучи, появившіяся на сѣверѣ, заслоняли свѣтъ зари, а при наступленіи ночнаго холода съ поверхности нагрѣтой за день воды подымался легкій туманъ. Малымъ ходомъ, безпрерывно бросая лотъ, начали приближаться къ острову. Глубины шли ровныя, 5—6 саж., до берега оставалось больше мили; вдругъ послѣ $5^1|_2$ саж. лотовый крикнулъ: 12 футъ! и едва успѣли застопорить машину, какъ пароходъ вздрогнулъ и остановился. Мы сѣли на мель. Дали полный ходъ назадъ—безуспѣшно. Сейчасъ же спустили шлюпку и завезли съ кормы верпъ[1]) на глубину, искать которой пришлось недолго,—въ то время какъ подъ носомъ мы имѣли 4 ф., подъ кормой было 12 ф., а въ 20—30 саж. сзади 5 саж. Мель подымалась такъ круто, что едва только взяли перлинь отъ верпа на шпиль, какъ пароходъ сошелъ съ нея и очутился на свободной водѣ. Въ ожиданіи солнца, отдали якорь и отправились спать не столько встревоженные, сколько изумленные неожиданностью этого перваго приключенія. Ночью вода на верхней палубѣ замерзла. Это было первый разъ, что термометръ опустился до 0°.

Въ 4 часа меня разбудила суматоха въ машинѣ,

[1]) Верпъ—небольшой якорь.

отдѣленной отъ моей каюты только переборкой. Я поспѣшно выскочилъ узнать въ чемъ дѣло и въ первую минуту былъ самъ ошеломленъ. Машина работала среднимъ ходомъ, машинисты метались изъ угла въ уголъ, осматривая клапаны и краны—все было исправно, паръ ни откуда не могъ попасть въ цилиндры, а между тѣмъ колеса вертѣлись; но стоило взглянуть за бортъ, чтобы загадка разрѣшилась крайне просто. Якорный канатъ вытянулся, какъ струна; подъ носомъ кипѣлъ бурунъ, за кормой ложилась струя; мимо неслись клочья пѣны, куски дерева—это было отливное теченіе, которое здѣсь въ первый получасъ послѣ полной воды достигало скорости 4 узловъ. Явленіе не въ пользу судоходности пролива и до сихъ поръ не упоминавшееся никѣмъ изъ путешественниковъ. Командиръ тоже поднялся изъ-за шума и хотѣлъ сниматься съ якоря, но косые лучи только что вставшаго солнца еще не въ силахъ были разогнать утренній туманъ, почему рѣшили обождать и пока заняться изслѣдованіемъ любопытной мели.

Съ этою цѣлью я отправился на шлюпкѣ съ четырьмя гребцами въ промѣръ, и послѣ 3-хъ часовъ работы выяснилось, что вдоль южнаго берега Бѣлаго, въ разстояніи отъ него 1—1½ мили, тянется нѣчто вродѣ барьернаго рифа, но не каменнаго, а изъ плотнаго мелкаго песку. Въ горлѣ пролива онъ понижается, становится шире и сливается съ береговыми отмелями. Чѣмъ глубже въ проливъ, тѣмъ стѣна его круче, а вершина уже и мельче.

Во время промѣра меня и моихъ гребцовъ забавляли тюлени, высовывавшіе изъ воды свои круглыя морды у самыхъ веселъ и съ любопытствомъ слѣдившіе за невиданными, странными животными, нарушившими ихъ уединеніе. Нѣкоторые даже плыли за шлюпкой. Первый разъ былъ я свидѣтелемъ такого довѣрчиваго, безбоязненнаго отношенія звѣря къ человѣку и сердитымъ рѣшительнымъ отказомъ встрѣтилъ просьбы двухъ астраханцевъ поохотиться.

— Вашбродіе! вѣдь самъ въ руки идетъ! убѣждали они съ разгорѣвшимися глазами.

— Времени нѣтъ, да и не къ чему—все равно убьешь попусту, а потомъ придется бросить, далъ я безапелляціонное рѣшеніе.

Пускай приходятъ ловцы, думалось мнѣ, и хозяйничаютъ здѣсь, какъ угодно, а до тѣхъ поръ не мое дѣло просвѣщать добродушныхъ животныхъ, насколько опасны для нихъ пароходъ и шлюпка.

Но гдѣ же эти миріады птицъ, населяющихъ во время лѣта полярныя страны? мы не видѣли ни одной. Единственную жизнь представляли собою тюлени. Все кругомъ—и воздухъ, и желто-бурые обнаженные скаты берега—все было мертво и пустынно.

Послѣ полудня мы снялись съ якоря и пошли на востокъ, придерживаясь берега Ялмала. Онъ былъ не такой грустный и мрачный, какъ берегъ Бѣлаго. Хотя по крутымъ скатамъ, обращеннымъ къ сѣверу, лежалъ снѣгъ, но зато вершины холмовъ и долины, от-

крытыя животворнымъ лучамъ солнца, блистали ярко-изумрудной зеленью.

Фарватеръ—если только вообще онъ существуетъ въ проливѣ—былъ крайне извилистъ. Косы, отмели, банки попадались ежеминутно и притомъ часто совершенно неожиданно, круто подымаясь со дна. Около 2-хъ часовъ пополудни мы запутались между мелями и наконецъ сѣли на одну изъ нихъ, но благополучно сошли заднимъ ходомъ. Я отправился на шлюпкѣ искать глубину и чуть не рядомъ, въ полукабельтовѣ разстоянія, нашелъ $4\frac{1}{2}$ сажени.

Въ 4-мъ часу, пройдя мысъ Хаенъ на берегу Ялмала, взяли курсъ черезъ Обскую губу на мысъ Матте-Сале—крайнюю точку полуострова, раздѣляющаго устья Оби и Енисея. Предполагалось, что проливъ пройденъ; впереди и слѣва—океанъ; глубины колебались отъ 2 до 4 саженъ, и повидимому все обстояло благополучно. Но едва только позади насъ началъ скрываться Ялмалъ, какъ прямо по курсу, на горизонтѣ забѣгали черныя точки, скоро превратившіяся въ сплошную линію берега. Прежде всего слѣдовало рѣшить, что это за земля. Отъ мѣста, гдѣ она открылась, до ближайшей точки Бѣлаго, не только по старой картѣ, но даже по пунктиру Виггинса, было больше 10 миль. Ялмалъ находился далеко къ югу. До противуположнаго берега оставались десятки миль. Ясно, что это могъ быть только островъ, или острова, въ Обской губѣ, не нанесенные на карту. Рѣшили обогнуть неизвѣстную землю съ сѣвера, со стороны

открытаго моря, и, приблизясь къ берегу, пошли вдоль него на N.

Однако по мѣрѣ того какъ мы двигались впередъ, и берегъ открывался дальше. Черезъ часъ онъ началъ сперва незамѣтно, а потомъ все круче и круче заворачивать къ западу. Предположеніе, что это все тотъ же островъ Бѣлый, казавшееся прежде невозможнымъ, мало-по-малу пріобрѣтало вѣроятіе, а къ 8 ч. вечера стало несомнѣнымъ. Берегъ повернулъ на SW, и на югѣ смутно обрисовались холмы Ялмала. Въ 10-мъ часу, когда мы находились миляхъ въ пяти отъ нашей вчерашней стоянки и шли по 5-ти саж. глубинѣ, лотовый вдругъ закричалъ: совсѣмъ мелко! Вслѣдъ затѣмъ мы врѣзались во что-то и остановились. На этотъ разъ не пришлось даже давать задняго хода: носъ, вслѣдствіи собственной тяжести, самъ сползъ па глубину. Это былъ нашъ старый знакомый—барьерный рифъ, подымавшійся здѣсь почти отвѣсной стѣной. Тучи скрывали зарю; берегъ заволакивался туманомъ,—мы отдали якорь.

Приключеніе казалось и смѣшнымъ, и обиднымъ. Потерять цѣлыя сутки времени, сжечь три тонна угля, работать до устали... и вернуться на старое мѣсто. Положимъ, теперь мы знали, что Бѣлый своимъ южнымъ берегомъ покрываетъ Ялмалъ, какъ полумѣсяцъ и по параллели значительно длиннѣе, чѣмъ показанъ на картѣ, но это все же ни на шагъ, не приближало насъ къ Енисею. Въ 3 часа утра, 21-го августа, начали сниматься. Командиръ полагалъ, что цѣль реко-

гносцировки достигнута. Быстрыя приливо-отливныя теченія, безчисленныя мели, извилистый фарватеръ— самое существованіе котораго являлось сомнительнымъ — достаточно выясняли несудоходность пролива при современномъ состояніи карты. Поэтому онъ рѣшилъ, опасаясь новыхъ задержекъ, выдти обратно въ Карское море и обогнуть Бѣлый съ сѣвера. Проходя горло пролива при свѣтѣ дня, мы могли замѣтить, что островъ, самовольно протянувшійся дальше, чѣмъ слѣдуетъ, къ востоку отъ мыса Малыгина и на западѣ также вышелъ изъ указанныхъ ему на картѣ рамокъ, захвативъ отъ моря полосу въ 5—10 миль.

Погода измѣнилась къ худшему. По небу быстро бѣжали разорванныя тучи, и поминутно налетали заряды. Зарядъ это мѣткое поморское слово, означающее явленіе весьма обычное въ полярныхъ странахъ.

Небо облачно. Дуетъ слабый вѣтерокъ. Небольшая волна чуть покачиваетъ судно. Вдругъ навѣтрѣ горизонтъ затуманивается; вы замѣчаете какое-то бѣлое марево, быстро несущееся на васъ; мигъ — и все кругомъ задергивается снѣжной пеленой; вѣтеръ свиститъ и гудитъ въ снастяхъ; бѣшеная мятель залѣпляетъ вамъ глаза, ротъ, уши... Такъ проходитъ нѣсколько минутъ; затѣмъ, какъ по волшебству, все прекращается; вы видите удаляющуюся бѣлую стѣну, а снавѣтра уже мчится новый зарядъ.

Послѣ полудня повернули къ востоку. Къ вечеру погода немного улучшилась. Въ 7-мъ часу увидѣли сѣверный берегъ Бѣлаго и нѣкоторое время шли вдоль

него. Оказывается, и въ этомъ направленіи загадочный островъ требуетъ значительной надбавки. Отсюда взяли курсъ на Матте-Сале. Командиръ хотѣлъ пройти въ виду этого мыса, чтобы сдѣлать, какія возможно, исправленія карты. Около 3 час. ночи по самой серединѣ Обской губы видѣли какую-то землю, нигдѣ не означенную.

Въ 7-мъ часу утра 22-го августа я вышелъ наверхъ. Чистый, незатуманенный горизонтъ, ясное небо, яркое солнце и мертвый штиль—погода на рѣдкость, особенно въ этихъ широтахъ. По обычаю я сейчасъ же запеленговалъ солнце, чтобы провѣрить поправку компаса; командиръ, стоявшій съ 4-хъ утра на вахтѣ, передалъ мнѣ записанный на клочкѣ бумаги пеленгъ въ моментъ восхода; въ самомъ благодушномъ настроеніи отправился я въ рубку, сдѣлалъ вычисленіе... Что это, во снѣ, или на яву?.. провѣряю выкладки—результатъ тотъ же: поправка отличается отъ вчерашней на нѣсколько градусовъ! Пораженный, встревоженный, бѣгу къ компасу, повторяю нѣсколько разъ наблюденія — все то же... Осматриваю котелокъ, картушку, нактоузъ и... вытаскиваю желѣзный болтъ съ гайкой, засунутый подъ колонку. Убираю его— поправка разнится отъ вчерашней около 1°, ошибка, возможная и предвидѣнная вслѣдствіи перемѣны мѣста. Какъ въ лихорадкѣ, бросаюсь къ картѣ. На счастье ночью только разъ, и то незначительно, измѣнили курсъ. Прокладку и счисленіе можно еще исправить. Оказывается, мы много южнѣе, чѣмъ полагали, и

Матте-Сале находится къ сѣверу отъ насъ. Хорошо, что свѣтитъ солнце, что ошибка замѣчена своевременно. Куда, къ чему могъ бы привести испорченный компасъ въ пасмурную, туманную погоду!

Въ короткихъ словахъ передаю командиру свое открытіе. Вчера болта не было. Я готовъ присягнуть. Послѣ полудня еще показывалось солнце, и я провѣрялъ поправку. Болтъ несомнѣнно положенъ подъ компасъ человѣческими руками. Намѣренно или по невѣдѣнію—вопросъ другой. Командиръ, взволнованный не менѣе меня, пожимаетъ плечами. Слава Богу,—говоритъ,—что во-время замѣтили. Будемъ молчать и слѣдить. Мы безсильны. Огласка, дознаніе ничему не помогутъ,—виновный, кто бы онъ ни былъ, себя не выдастъ. Не говорите мнѣ ничего, и я самъ не хочу высказывать никакихъ догадокъ—кто онъ? Обвиненіе слишкомъ серьезно.

На этомъ порѣшили, и, я думаю, ни одна полиція въ мірѣ не учреждала такого строгаго, негласнаго надзора за преступникомъ, какъ трое офицеровъ «Малыгина» за своимъ компасомъ. Однако, загадочный случай никогда болѣе не повторялся.

Въ семь часовъ открылся берегъ на югъ, а затѣмъ прямо по курсу, на востокъ. Придя на глубину четырехъ саженъ, повернули къ сѣверу и пошли вдоль линіи невысокихъ холмовъ. Она закончилась обрывистымъ мысомъ. Полагая, что это и есть Матте-Сале, обогнувъ его, взяли на Ost. Предположеніе какъ бы подтвердилось тѣмъ, что берегъ, шедшій съ

S на N, за мысомъ снова круто повернулъ къ S— фигура, соотвѣтствовавшая изображенной на картѣ. Такъ какъ глубина уменьшилась до 11 футъ, взяли къ сѣверу, въ сторону открытаго моря и... попали на 5 футовъ. Повернули назадъ. Идемъ малымъ ходомъ, безпрерывно бросая лотъ, ожидая увидѣть на SW мысъ, пройденный 2 часа тому назадъ, какъ вдругъ появляется берегъ на NW. Всеобщее удивленіе. Берегъ высокій, каменистый; къ S отъ него какъ ни ищемъ прохода—сплошная мель, къ востоку глубины для насъ достаточныя. Командиръ держится прежняго мнѣнія, что утренній мысъ былъ Матте-Сале, а ново-открытая земля—островъ къ сѣверу отъ него, слѣдовательно, надо найти фарватеръ и править на востокъ. Стали искать. Бродили по 7, 6, даже по 5 футамъ... Не разъ подъ днищемъ слышался зловѣщій шорохъ—пароходъ ползалъ по грунту... наконецъ, остановился на мели. Сошли заднимъ ходомъ, счастливо угодили на 10 ф. и отдали якорь. Хорошо, что стоялъ мертвый штиль, при ясномъ, безоблачномъ небѣ. Съ утра у меня было уже нѣсколько высотъ солнца; курсы и плаванія записывались аккуратно, а теперь, на якорѣ, я могъ опредѣлиться по обсерваціи весьма точно. Получили астрономическій пунктъ. Оказывалось, что по картѣ мы находимся въ открытомъ морѣ къ NW отъ Матте-Сале, на глубинѣ 7 саж.—полное противорѣчіе грустной дѣйствительности. Съ верхушки мачты можно было видѣть, какъ линія берега идетъ сна-

чала на N, потомъ заворачиваетъ къ Ost'у и пропадаетъ. Мнѣніе командира какъ бы подтверждалось обстоятельствами. Рѣшили, чѣмъ путаться среди банокъ и искать выхода назадъ между мысами, идти на востокъ. Къ тому же посланная шлюпка нашла въ желаемомъ направленіи 14-ти футовый фарватеръ.

Въ 4 часа снялись съ якоря и пошли вдоль берега. Неизмѣнно доносившійся съ бака протяжный крикъ лотоваго: «14 футъ!.. 14 футъ!..» давалъ надежду, что мы на хорошей дорогѣ. Но вотъ низменная, волноприбойная полоса отдѣлилась отъ берега и протянулась песчаной косой, удаляясь отъ него, заворачивая къ югу, заставляя ворочать и насъ. Погода испортилась; небо заволокло тучами; въ воздухѣ носился не то туманъ, не то изморось; быстро темнѣло, горизонтъ съузился—мы видѣли только косу, съ разбросаннымъ по ней плавникомъ; держали уже на SO; глубина постепенно уменьшалась.

Въ 8-мъ часу достигли оконечности косы, но здѣсь фарватеръ исчезъ. Тщетно ворочали мы во всѣ стороны... «6 футъ! 5 футъ!» Ахъ, эти зловѣщіе пять футъ, послѣ которыхъ такъ и ждешь шороха подъ днищемъ! Хотѣли вернуться назадъ — и не могли... Въ 9-мъ часу «Малыгинъ» остановился, плотно засѣвъ всѣмъ корпусомъ, и не поддавался заднему ходу... Быстро наступала ненастная ночь. Съ востока уже налетали сердитые шквалы со снѣгомъ. Дорогà была каждая минута... Въ одно мгновеніе сбросили на воду шлюпку съ верпомъ, но на сто сажень кру-

гомъ она не нашла глубины больше 6 футъ. Начали стягиваться туда — другаго выбора не было... Вся команда налегла на шпиль; машина работала полнымъ ходомъ назадъ; «Малыгинъ» медленно ползъ по дну, а глубина за кормой не увеличивалась.

Скверное подозрѣніе закрадывалось въ душу. Снова послали шлюпку и... на мѣстѣ брошеннаго верпа достали пять футъ.

Вода несомнѣнно сбывала, и вотъ почему мы не могли найти дороги назадъ. Остановили шпиль, застопорили машину, отдали якорь. Приходилось ждать. Въ этотъ вечеръ на «Малыгинѣ» не было ни шутокъ, ни смѣха. Усталая за день команда, молча, улеглась спать, не собираясь, по обычаю, у фитиля поболтать и позубоскалить. Офицеры сидѣли въ каютъ-компаніи за чаемъ и обсуждали возможные выходы изъ труднаго положенія. Если мы «сѣли» въ самую полную воду, можетъ быть, еще увеличенную какою-нибудь случайною причиною — напримѣръ, вѣтромъ, — то могли остаться на мели очень долго... до будущаго года. Но этотъ вопросъ не разбирался. Еслибы такое предположеніе оказалось справедливымъ, мы имѣли впереди слишкомъ достаточно времени для разсмотрѣнія его во всѣхъ подробностяхъ. Въ данную минуту слѣдовало рѣшить, куда идти въ благопріятномъ случаѣ, если вода прибудетъ и мы снимемся съ мели. Командиръ продолжалъ утверждать, что мы находимся между материкомъ и какимъ-то островомъ, т. е. въ проливѣ, что надо всѣми средствами пробиваться на

SO въ Енисейскій заливъ, отъ котораго насъ отдѣляетъ всего нѣсколько миль.

Я не соглашался. Наскоро проложивъ въ крупномъ масштабѣ курсы и плаванія минувшаго дня и набросавъ очертанія видѣнныхъ береговъ, я полагалъ, что мы попали въ заливъ—какой неизвѣстно,—но имѣющій только одинъ выходъ, потому что, несмотря на быстрое паденіе уровня воды, отливное теченіе было незначительно, а въ проливѣ это являлось мало вѣроятнымъ. Стоило вспомнить проливъ Малыгина. По моему мнѣнію, слѣдовало вернуться назадъ.

— Не знаю, чѣмъ кончатся попытки пробиться на SO, въ Енисейскій заливъ, но по этой картѣ я берусь вывести «Малыгинъ» въ Обскую губу безъ всякихъ приключеній.

Командиръ, на половину убѣжденный, ушелъ къ себѣ. Я остался въ кают-компаніи одинъ, занятый своей картой, стараясь возстановить въ памяти мельчайшія подробности видѣннаго за-день. Невеселыя мысли шевелились на сердцѣ. Восточный вѣтеръ все свѣжѣлъ, а вѣдь онъ гналъ воду изъ бухты. «Случай первый», оставленный безъ разсмотрѣнія вставалъ грознымъ призракомъ. Каковы могли быть его послѣдствія?

Первое и главное—неудача экспедиціи, впервые снаряженной подъ руководствомъ офицеровъ военнаго флота. Несомнѣнно, что «Овцынъ», не видя насъ, отправится на поиски по берегамъ и, при полномъ несоотвѣтствіи картъ съ дѣйствительностью, легко мо-

жетъ очутиться въ положеніи, подобномъ нашему. Что будетъ дальше? Выдержимъ ли мы зимовку на желѣзныхъ судахъ, безъ запаса топлива — сомнительно... Если даже уцѣлѣютъ люди, то весенніе льды поломаютъ и унесутъ пароходы, ввѣренные нашему знанію, нашей опытности... Конечно, тѣхъ, кому удастся вернуться домой, никто не упрекнетъ, не осудитъ, но развѣ эта неудача во взятомъ на себя дѣлѣ, о которомъ говорятъ и въ Россіи, и за границей, развѣ она не наполнитъ ѣдкой горечью всю остальную жизнь... развѣ мы сами себя не осудимъ... Тяжелая ночь, грустныя думы...

Мнѣ захотѣлось встряхнуться, освѣжиться. Я вышелъ изъ каютъ-компаніи. Было совсѣмъ темно. Вѣтеръ уныло свистѣлъ и плакалъ между снастями, сердито крутя снѣжные хлопья. Все вокругъ подернулось бѣлой пеленой. Разошлась волна. У праваго, навѣтреннаго борта, словно у крутаго берега, образовался прибой, взбрасывавшій на площадки и палубу пѣну съ пескомъ, который хрустѣлъ подъ ногами. На бакѣ, озаренная мерцающимъ свѣтомъ штаговаго огня, тихо двигалась взадъ и впередъ одинокая фигура вахтеннаго. Я окликнулъ его, и мы вмѣстѣ обошли весь пароходъ, заглянули въ трюмы, смѣрили глубину кругомъ.

Въ 2 часа ночи воды оставалось только 1½ фута, и я былъ свидѣтелемъ зрѣлища чрезвычайно рѣдкаго въ морской практикѣ — видѣлъ лапу собственнаго якоря, торчащую изъ воды. Томительно долго тяну-

лось время. Наконецъ въ началѣ 5-го часа вода пошла на прибыль. Уровень ея поднимался такъ же быстро, какъ вчера падалъ. Около пяти «Малыгинъ» всплылъ! Тотчасъ же подняли якорь и верпъ; несмотря па мятель, розыскали наши желанные 14 ф. и стали на якорь пережать погоду. Послали шлюпку произвести промѣръ во всѣ стороны отъ парохода—по радіусамъ. Другаго фарватера, кромѣ того, которымъ пришли наканунѣ, не оказалось нигдѣ. Всюду глубины постепенно уменьшались до 4 ф. Командиръ, убѣдясь, что ни на Ost, ни на SO дороги нѣтъ, согласился на мой планъ и рѣшилъ возвращеніе назадъ.

Снялись съ якоря, но, пройдя не больше мили, принуждены были остановиться. Надвинулся густой, какъ стѣна, туманъ. Къ полудню начало разъяснивать. Стали налетать одинъ за другимъ «заряды»—предвѣстники перемѣны погоды. Въ промежуткахъ между ними проглядывало солнце. Пользуясь его проблесками и ворочаясь на мѣстѣ, уничтожили девіацію. Временами на N и на S неясно обозначался берегъ. Среди нашей команды былъ сигнальщикъ, сдѣлавшій заграничное плаваніе. У этихъ людей, вслѣдствіи постоянной практики, вырабатывается замѣчательный морской глазъ, и онъ утверждалъ, что видитъ берегъ также и на SO. Только въ 4-мъ часу пополудни могли снова тронуться дальше. Сначала все шло прекрасно. Глубины соотвѣтствовали курсамъ; берега открывались согласно составленной картѣ; но, подойдя къ самому выходу, мы наткнулись на уменьшающуюся глубину, и скоро

съ бака раздалось: «6 футъ»! Взяли правѣе, взяли лѣвѣе, отошли къ югу—все то же! Послали впередъ шлюпку, и она сдѣлала странное открытіе. Оказалось, что между входными мысами тянется нѣчто въ родѣ 6-ти футоваго бара, за которымъ дно быстро понижается и начинаются почти сразу морскія глубины. Вѣроятно, наканунѣ мы какъ-нибудь незамѣтно перескочили черезъ него. Сейчасъ же дали ходъ, подняли шлюпку. Черезъ полчаса лотовые уже радостно кричали: «5 саж.! 6 саж.! 7 саж.!» и, увѣряю васъ, что эти крики звучали намъ слаще самой дивной аріи знаменитаго пѣвца. Въ 8 час. достали 10 саж.! «Малыгинъ» мѣрно покачивался на высокой, отлогой зыби несомнѣнно океанскаго происхожденія. Мы были въ открытомъ морѣ. Всѣ выглядѣли счастливыми именинниками, вырвавшись изъ проклятой мышеловки. Взяли курсъ N. Въ 10 часовъ вечера глубина уменьшилась до 6½ саж.; по носу и вправо открылся берегъ—знакомый сѣверный входной мысъ и его продолженіе. Было бы крайне желательно переждать ночную темноту и съ разсвѣтомъ обогнуть невѣдомую землю съ внѣшней стороны, чтобы нанести на карту истинный Матте-Сале — самый сѣверный пунктъ Обь-Енисейскаго полуострова, но командиръ, опасаясь недостатка въ углѣ, а главное боясь, что «Овцынъ» пойдетъ насъ розыскивать, не рѣшился на новую задержку. Отойдя отъ берега на безопасную глубину 12 саж., мы снова повернули на N, а въ 2 часа ночи на NO. Валилъ густой, мокрый снѣгъ. Слабый вѣтерокъ отъ

West'а засвѣжѣлъ и развелъ волну Изрядно покачивало; но, просыпаясь на койкѣ отъ неожиданныхъ толчковъ, я только радовался этимъ признакамъ глубины и открытаго моря.

Въ 8 часовъ утра, находясь подъ широтой 74°, свернули на Ost. Стали попадаться мелкія разбитыя льдинки, а слѣва, на сѣверѣ, обозначилась зубчатая линія высокаго сплошнаго льда, ярко бѣлѣвшаго на солнцѣ. Тюлени и моржи высовывались изъ воды у самаго борта парохода. Къ полудню настолько разъяснило, что удалось опредѣлить мѣсто по обсерваціи, послѣ чего взяли курсъ на портъ Диксонъ, руководствуясь данной для него Норденшильдомъ счислимой широтой и долготой. По этимъ свѣдѣніямъ портъ Диксонъ находится въ 27 миляхъ къ сѣверо-западу отъ того мѣста, которое было ему назначено на старой русской картѣ. Шли все время въ виду льдовъ, тянувшихся слѣва параллельно нашему курсу, миляхъ въ 3—4.

24-го августа, въ 3½ часа пополудни, впереди открылся скалистый берегъ, даже раньше, чѣмъ слѣдовало по Норденшильду. Это была сѣверная оконечность праваго берега Енисейскаго залива и прилегающая къ ней группа островов Сѣверо-Восточныхъ. Воздухъ сдѣлался необычайно прозраченъ. Въ бинокль ясно различались отдѣльныя вершины, острые хребты утесовъ, маленькіе островки, камни. Трудно передать, съ какимъ чувствомъ радости и даже торжества разглядывали мы эти обнаженныя, дикія скалы, изборож-

денныя рытвинами, глубокія пади, занесенныя снѣгомъ, и бѣлую полосу прибоя надъ отмелями. Будущее никого не пугало. Неужели мы, привыкшіе бороться съ океаномъ, не справимся съ рѣкой, какова бы она ни была! Весь день шли полнымъ ходомъ вдоль высокаго праваго берега. Лѣвый не былъ виденъ. Въ полночь, полагая, что подходимъ къ архипелагу островов, начинающихся Крестовымъ, стали на якорь и пустили ракету на случай, если здѣсь насъ поджидаетъ «Овцынъ». Отвѣта не послѣдовало.

25-го августа утромъ, при тихой, но пасмурной погодѣ тронулись дальше. Заливъ съузился, показался и лѣвый берегъ. Къ полудню окрестность начало заволакивать туманомъ. Временами шелъ крупный, теплый дождь. Вѣтру не было вовсе.

Въ 2 часа чуть не ощупью проходили Корсаковскіе острова, совершенно невѣрно нанесенные на карту. Около 4, за густымъ туманомъ не видя ничего вокругъ, отдали якорь. Черезъ часъ туманъ порѣдѣлъ. Оказалось, что стоимъ подъ правымъ берегомъ не больше какъ въ полумилѣ отъ высокой горы—мыса Чаячнаго.

Отсюда до узкости между Сопочной каргой и мысомъ Отмаревымъ оставалось еще 4—5 миль Снялись и пошли среднимъ ходомъ, безпрерывно бросая лотъ. Скоро горизонтъ совсѣмъ очистился, и мы увидѣли оба мыса. Отмарево—это просто довольно тупой исходящій уголъ, образуемый поворотомъ рѣки, но Сопочная карга—нѣчто оригинальное—хорошее

примѣтное мѣсто. Изъ правильной линіи высокаго, обрывистаго берега выступаетъ полуостровомъ гора съ тупой вершиной—можетъ быть встарину сопка – и отъ ея подножія къ серединѣ фарватера тянется низменная коса съ причудливыми нагроможденіями плавника—лѣса, принесеннаго съ верховьевъ во время весенняго половодья. Эти груды стволовъ, перепутавшихся сучьями и корнями, принимаютъ самыя странныя очертанія. Такъ намъ долго казалось, что мы видимъ буддійскую часовню съ торчащими вокругъ нея флагштоками, и только на разстояніи нѣсколькихъ кабельтововъ, при помощи зрительной трубы, удалось обнаружить обманъ.

Однако Сопочная карга, пользующаяся на Енисеѣ скверной репутаціей, видимо не хотѣла пропустить насъ миролюбиво. Въ то время, какъ мы огибали прилегающую къ ней отмель, неожиданно налетѣлъ такой жестокій шквалъ отъ SW, что нашъ легкій пароходъ съ пустыми угольными ямами замѣтно для глаза понесло къ берегу. Глубина быстро уменьшалась. Повернувъ противъ вѣтра и давъ полный ходъ, едва отгребли на середину фарватера. Въ нѣсколько минутъ на рѣкѣ разошлась короткая, крутая волна. На штурвалѣ стояло двое рулевыхъ и насилу справлялись. Носъ такъ и кидало въ стороны, сбивая съ курса.

Оно и неудивительно—израсходовавъ уголь, сидя въ водѣ всего около 3 ф., «Малыгинъ» своей надводной частью, мостикомъ, рубкой, трубой представлялъ вѣтру огромную площадь сопротивленія.

Счастливо миновавъ узкость, пошли въ виду обоихъ береговъ. Быстро наступала ночь. Вѣтеръ такъ и свистѣлъ прямо въ лобъ. До Гольчихи оставалось не больше 10—12 миль, но какъ распознать въ темнотѣ это мѣсто и подходъ къ нему?

Въ 9 часовъ пустили ракету, затѣмъ вторую.

И вотъ далеко впереди по темному, облачному небу яркимъ букетомъ разсыпались горящія звѣзды — нашъ сигналъ увидѣли, намъ отвѣчали. Никогда въ жизни, ни на одинъ фейерверкъ не глядѣлъ я съ такимъ удовольствіемъ, ни однимъ такъ не любовался. Команда не спала. Несмотря на холодъ, вѣтеръ и брызги изъ-за борта, матросы кучкой сбились на бакѣ у фитиля, пытливо всматриваясь въ непроглядную, черную даль.

Въ половинѣ 10-го изъ-за низкаго мыса блеснули огни нашей эскадры. Свѣжій встрѣчный вѣтеръ, а можетъ быть и теченіе, малая нагрузка дѣлали то, что «Малыгинъ», работая полнымъ ходомъ, чрезвычайно медленно двигался впередъ. Увидѣвъ штаговые огни въ половинѣ 10-го, мы подошли къ нимъ только въ половинѣ 12-го. Здѣсь явилась новая забота,— гдѣ стать на якорь. Глубины повсюду огромныя, не соотвѣтствующія нашимъ скромнымъ 45-ти саженнымъ канатамъ. Попробовали встать назади «Овцына» и «Скуратова» на 18 саж., но насъ стремительно понесло къ берегу—якорь не держалъ Съ 18 саж. мы очутились на 10 футахъ. Темь непроглядная; за кормой, совсѣмъ близко, реветъ и пѣнится бурунъ. Работая малымъ ходомъ впередъ, чтобы не сѣсть на

мель, снова подняли якорь и отправились искать другаго, болѣе счастливаго, мѣста. Въ это время «Овцынъ» и «Скуратовъ» зажгли фальшфейеры по правому борту. Руководствуясь этимъ указаніемъ, вышли вправо и впередъ отъ нихъ и здѣсь отдали якорь. Опять не держитъ! Сквозь шумъ вѣтра и грохотъ каната слышимъ что-то кричатъ... Что—понять невозможно. Разбираемъ только... «грунтъ ледъ!..» Отдаемъ второй якорь и, продрейфовавъ еще саженъ 200, наконецъ останавливаемся. Слава Богу! было бы совсѣмъ обидно и даже глупо потерпѣть крушеніе, придя къ цѣли. Когда все успокоилось и на бакѣ загорѣлся штаговый огонь, съ «Овцына» пріѣхалъ штурманъ, лейтенантъ Ц., поздравить съ благополучнымъ приходомъ и разспросить о плаваніи. Кромѣ новостей онъ захватилъ съ собой пару свѣжихъ, только сегодня на охотѣ убитыхъ куропатокъ. Какія это были великолѣпныя птицы! Несмотря на то, что нашъ кокъ [1]) зажарилъ ихъ, какъ только могъ хуже, черезъ нѣсколько минутъ отъ нихъ осталось одно воспоминаніе. Пока командиръ ѣздилъ на «Овцынъ» къ начальнику экспедиціи, мы, сидя въ каютъ-компаніи, передавали нашему гостю о своихъ приключеніяхъ и слушали его разсказы о плаваніи главнаго отряда.

19-го августа, потерявъ изъ виду «Малыгина», «Овцынъ», имѣя на буксирѣ «Скуратова», продолжалъ совмѣстно съ англичанами свой путь къ сѣверу. На высотѣ Бѣлаго было замѣчено рѣзкое

[1]) Кокъ—судовой поваръ.

уменьшеніе солености моря—вліяніе близкаго сосѣдства Оби—и началъ попадаться плавникъ. Стволы деревьевъ видимо долго находились въ водѣ, потеряли кору и сучья, сохранивъ только черные узловатые корни, которые, тихо колеблясь межъ гребнями невысокихъ волнъ, не разъ смущали суевѣрныхъ матросовъ.

Въ 4-мъ часу утра 20-го повернули на востокъ. Всю ночь и слѣдующій день погода стояла измѣнчивая. При облачномъ небѣ то проглядывало солнце, то сыпалъ снѣгъ и крупа. Тѣмъ не менѣе удалось опредѣлить мѣсто по обсерваціи. Послѣ поворота глубины съ 12—15 саж. уменьшились на 9. Береговъ не видали. Съ утра отъ West'а шла небольшая зыбь. Наибольшая температура за сутки была +3° R. Пользуясь попутнымъ вѣтеркомъ, ставили паруса, но къ вечеру совсѣмъ заштилѣло.

Странно, что ни «Овцынъ», ни «Малыгинъ», пересѣкая Обскую губу, не наблюдали ощутительнаго постояннаго теченія на N. Вѣроятно въ это время года, при низкомъ уровнѣ воды въ рѣкѣ, теченіе въ губѣ ослабѣваетъ, дѣлается незамѣтнымъ, но весной въ половодье оно должно быть весьма значительно. Иначе какъ объяснить эти нагроможденія плавучаго лѣса на отмеляхъ, которыя мы видѣли, и которыя мѣстами образуютъ цѣлые мысы—какъ напримѣръ Дровяной.

Въ полночь отъ N пошла небольшая зыбь, показывавшая, что въ этомъ направленіи море свободно

отъ льдовъ. Около 3 часовъ утра встрѣтили длинное ледяное поле, а у его сѣверной оконечности отчетливо обрисовалось судно, идущее подъ парусами. Повернули къ нему навстрѣчу, но съ приближеніемъ оно оказалось остаткомъ ледяной горы. Вскорѣ открылись впереди и влѣво тѣ самые льды, которые видѣлъ «Малыгинъ» три дня спустя. Но мы, подойдя къ нимъ, сейчасъ же начали склонять курсъ къ S, «Овцынъ» же продолжалъ идти на востокъ, среди мелкаго разбитаго льда, который, чѣмъ дальше, тѣмъ становился гуще. Приходилось, какъ въ Карскомъ морѣ, выбирать дорогу отъ полыньи до полыньи. «Blankather», производя развѣдки, держался еще лѣвѣе, т. е. сѣвернѣе, а «Orestes» значительно отсталъ. Въ полдень, получивъ мѣсто по обсерваціи и поджидая англичанъ, занялись опредѣленіемъ девіаціи компаса. За все время совмѣстнаго плаванія, согласно обычаю военнаго флота, мы сообщали другъ другу сигналами результаты астрономическихъ наблюденій—обсервованную широту и долготу мѣста въ полдень. Но Виггинсъ никогда не слѣдовалъ этому примѣру и довольствовался тѣмъ, что поднималъ: «согласенъ».

Послѣ полудня «Овцынъ» склонился къ югу, а въ 3 часа сдѣлалъ сигналъ англичанамъ, шедшимъ позади: «рекомендую курсъ OSO», которому они и послѣдовали. Такимъ образомъ «Овцыну» досталась честь указать всему отряду путь въ Енисейскій заливъ.

Входъ «Овцына» въ Енисейскій заливъ совершился при условіяхъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ «Малыгина». По горизонту лежала мгла; временами набѣгалъ туманъ, и берегъ открылся не сразу. Первыми показались въ $4^1/_2$ ч. пополудни два южные островка Сѣверо-Восточнаго архипелага, а затѣмъ только чрезъ полчаса обозначился и материкъ.

Приблизясь къ берегу, «Овцынъ» направился вдоль него къ S. Англичане шли позади въ разстояніи около двухъ миль.

Здѣсь обнаружилось, что очертаніе береговой линіи въ устьѣ Енисея—не широты и долготы, а самый контуръ—нанесены на старой русской картѣ вѣрнѣе, чѣмъ у Норденшильда. Мы пользовались русской картой, только считая, что весь берегъ слѣдуетъ перенести на 30 миль къ NO, и не замѣтили никакихъ несообразностей. «Овцынъ» же, идя по картѣ Норденшильда, имѣя глубины 13—16 саж., прокладывалъ свои курсы берегомъ, а ночь стоялъ на сухомъ пути—полное противорѣчіе съ дѣйствительностью.

Съ разсвѣтомъ 22 августа пошли дальше. При съемкѣ и постановкѣ на якорь наблюдалось слабое приливо-отливное теченіе. Температура воды на днѣ 0°, на поверхности +5° С. Въ Енисейскомъ заливѣ, какъ и въ Обской губѣ, ни «Овцынъ», ни «Малыгинъ» не замѣтили опредѣленно выраженнаго рѣчнаго теченія. Можетъ быть, оно сказывается въ усиленіи отливнаго и ослабленіи приливнаго теченій, но для выясненія этого вопроса необходимы были

систематическія наблюденія, на которыя мы не имѣли времени.

У острова Крестоваго «Овцынъ» бросилъ двѣ вѣхи съ досками и надписями: «не ждите, идите въ Гольчиху». Проходя здѣсь черезъ трое сутокъ, мы ихъ не видѣли.

Около полудня пришли на глубину 5 саж. Виггинсъ сталъ разыскивать болѣе глубокій фарватеръ, но не нашелъ и сильно отсталъ.

Съ 4 ч. глубина увеличилась, пошли полнымъ ходомъ въ виду обоихъ береговъ. На этотъ разъ Сопочная карга не сдѣлала никакого сюрприза. Погода стояла тихая и ясная. Въ 7½ час. вечера при закатѣ солнца показались мачты и флаги судовъ, стоящихъ въ Гольчихѣ, а въ 8½ среди всеобщей радости, при взрывахъ ракетъ и свѣтѣ фальшфейеровъ «Овцынъ» сталъ на якорь, совершивъ благополучно переходъ изъ Шотландіи въ Енисей и приведя на буксирѣ «Скуратова». Здѣсь застали гидрографическую партію лейтенанта З. на паровомъ барказѣ «Бардъ», купленномъ въ Красноярскѣ и пароходъ купца Гадалова «Графъ Игнатьевъ», на которомъ находились посланные губернаторомъ для оказанія намъ содѣйствія туруханскій отдѣльный приставъ Чуевскій, помощникъ енисейскаго пристава Игноратовъ и, самъ пожелавшій встрѣтить русскія суда, священникъ Михаилъ Сусловъ. Радость встрѣчи была тѣмъ сильнѣе, что въ Гольчихѣ почти потеряли надежду на нашъ приходъ.

Лѣто стояло холодное; преобладали сѣверные вѣтра, и по мнѣнію мѣстныхъ жителей льды должны были

преградить путь экспедиціи. Часа черезъ два послѣ «Овцына» пришелъ англійскій отрядъ. Любопытно, что Виггинсъ, самъ указавшій на Гольчиху, какъ мѣсто выгрузки, не призналъ ее и держалъ съ Popham'омъ пари на 20 фунтовъ стерлинговъ, что русскія суда стоятъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и что до Гольчихи надо пройти еще около 40 верстъ. Разумѣется, онъ проигралъ, такъ какъ и сама рѣчка Гольчиха съ часовней и магазинами, и приказчики, живущіе здѣсь круглый годъ, были на лицо.

На слѣдующій же день было приступлено къ выгрузкѣ Orestes'а, для чего имѣлось 6 деревянныхъ баржъ. Три изъ нихъ, приведенныя лейтенантомъ З., на которыя онъ въ предвидѣніи свѣжихъ погодъ, положилъ добавочныя скрѣпленія, еще казались сносными, за то гадаловскія, особенно самая большая — *старый пароходъ, изъ котораго за вѣтхостью была вынута машина*—не внушали никакого довѣрія.

До нашего прихода, т. е. за три дня, выгрузили 500 рельсъ, а всѣхъ ихъ около 6.000. Не стихающая зыбь перегибаетъ, раздергиваетъ баржи и бьетъ ихъ о борта Orestes'а. Работа еще замедляется тѣмъ, что баржи не приспособлены къ принятію такого груза, какъ рельсы, имѣютъ сплошную верхнюю палубу съ небольшими люками, вслѣдствіи чего приходится каждый рельсъ сначала спустить въ трюмъ однимъ концомъ и затѣмъ тащить этотъ конецъ по днищу, пока верхній не подойдетъ къ краю люка и не грохнется внизъ.

Очевидно, эти удары, среднюю силу которыхъ мож-

но считать въ 50 пудофутовъ, неблагопріятно отзываются на крѣпости самихъ баржъ.

Теперь нѣсколько словъ о мѣстѣ стоянки и выгрузки. Выраженіе стоять «въ Гольчихѣ», принятое всѣми, неправильно, слѣдовало бы говорить «у Гольчихи». Гольчиха—это рѣчка съ мелководнымъ баромъ, впадающая въ Енисей. Войти въ нее при малой осенней водѣ нельзя. Близь устья построена часовня, бѣлая, съ зеленой крышей, сооруженная енисейскимъ купцомъ Кытмановымъ по обѣту, данному во время шторма. Тутъ же находится лавка, торгующая съ инородцами, и магазины для склада рыбы, доставляемой промышленниками. Постоянные жители—Сѣровъ, прикащикъ Кытманова, владѣльца лавки, и рыбакъ Иголкинъ съ женой и двумя ребятишками.

Относительно условій якорной стоянки трудно найти что-либо хуже. Здѣсь соединяются своими вершинами двѣ воронки; одна—Енисейскій заливъ - обращена на N и NW, другая на S и SW—огромный плесъ Бреховскихъ о-въ, достигающій по ширинѣ 20 миль. При всякомъ вѣтрѣ изъ западной половины компаса у Гольчихи расходится высокая, крутая волна. При вѣтрахъ близкихъ къ N или S она имѣетъ хотя нѣкоторую правильность, но когда заревѣтъ W, то двѣ системы волнъ – изъ залива и съ плеса —соединяясь на злополучномъ мѣстѣ и отражаясь отъ береговъ, порождаютъ жестокую толчею. Штормы, сгоняя воду, вызываютъ въ узкомъ каналѣ быстрыя теченія, которымъ вѣроятно и обязана своимъ проис-

хожденіемъ глубокая рытвина у Гольчихи, доходящая до 24 саж. Какъ только вѣтеръ ослабѣваетъ, согнанная вода устремляется обратно; подъ вліяніемъ борющихся между собой вѣтра и теченія, суда становятся лагомъ къ волнѣ, и начинается качка, во время которой и думать нельзя о работѣ. Наша двухънедѣльная стоянка—это была какая-то оргія штормовъ. Самопишущій барометръ рисовалъ линіи, которыя можно встрѣтить только въ учебникахъ метеорологіи, какъ характерные образчики. Казалось, всѣ минимумы сѣверной Сибири избрали себѣ прямой путь черезъ Гольчиху. Мы могли наблюдать явленіе циклоновъ во всей ихъ послѣдовательности. Задувалъ вѣтеръ, усиливался до степени шторма, измѣняя свое направленіе; барометръ стремительно падалъ, затѣмъ на нѣсколько часовъ наступалъ штиль; барометръ стоялъ неподвижно, потомъ быстро шелъ кверху, и штормъ ревѣлъ съ новой силой отъ румба, противуположнаго тому, на которомъ стихъ. Лейтенантъ З., прибывъ на Енисей, еще въ іюнѣ извѣщалъ телеграммой Виггинса о непригодности Гольчихи для выгрузки и указывалъ со словъ мѣстныхъ пароходовладѣльцевъ на «Луковую протоку», природную гавань, находящуюся на 200 верстъ вверхъ по рѣкѣ отъ Гольчихи, но Виггинсъ категорически отвѣтилъ, что дальше указаннаго имъ пункта идти не можетъ. Впослѣдствіи же это рѣшеніе сдѣлалось уже неизмѣняемымъ, такъ какъ пароходъ и грузъ были застрахованы только до Гольчихи. Равнымъ образомъ Виг-

гинсъ не соглашался перейти къ берегу, противуположному Гольчихѣ, у селенія Звѣрево, говоря, что тотъ берегъ ему совершенно неизвѣстенъ, что тамъ нѣтъ рѣчки, въ которую могли-бы въ случаѣ надобности укрыться баржи и мелкія суда, грунтъ—ледъ, прикрытый тонкимъ слоемъ ила и, по слухамъ, имѣются многочисленныя мели.

Между тѣмъ за время стоянки выяснилось, что у Звѣрева дно рѣки понижается медленно и ровно, образуя обширную площадь съ глубинами 5—7 саж. и вязкимъ илистымъ грунтомъ, что при господствовавшихъ западныхъ вѣтрахъ Гольчиха являлась входящимъ угломъ берега, обращеннымъ къ нимъ раструбомъ, а Звѣрево исходящимъ угломъ берега, обращеннымъ вершиною отъ нихъ, благодаря чему суда экспедиціи не разъ находили себѣ тамъ спокойное и безопасное убѣжище отъ штормовъ.

Къ сожалѣнію, когда изъ горькаго опыта двухъ-недѣльныхъ бѣдствій всѣ эти преимущества Звѣрева передъ Гольчихой стали очевидны, и Виггинсъ 5-го сентября сдался и перешелъ къ противуположному берегу—было ужъ поздно...

Но не будемъ забѣгать впередъ.

26-го августа погрузка продолжалась; къ вечеру задулъ NW; пошелъ снѣгъ; температура упала до 0°.

Утромъ 27-го у насъ были гости—Чуевскій и Игноратовъ. Въ противоположность намъ они съ охотой ѣли консервы и не дотронулись до свѣжей рыбы—роскоши нашего стола. Рыба во всѣхъ видахъ и оле-

нина—ихъ постоянная пища. Странно было слушать этихъ людей, которые считали, что двѣ—три недѣли значитъ скоро, а 500—600 верстъ - совсѣмъ близко. Лѣтомъ сообщеніе поддерживается только по рѣкѣ и ея притокамъ, зимой по тундрѣ на оленяхъ. Чуевскій говорилъ, что прошлую зиму посѣтилъ *нѣкоторые главнѣйшіе* пункты своей области и сдѣлалъ при этомъ 6.000 верстъ.

— Ну, какъ живете? не очень скучаете? спросилъ я и тотчасъ же подумалъ: «что это, какой нескромный, глупый вопросъ! заброшенные среди полудикихъ кочевыхъ племенъ, отрѣзанные отъ міра... жестоко даже упоминать объ этомъ, бередить больное мѣсто». Но приставъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ добрыми, блѣдными глазами на худощавомъ лицѣ, оказался не изъ тѣхъ, что̀ унываютъ и падаютъ духомъ.

— Какъ живемъ?—повторилъ онъ, пожавъ плечами и усмѣхнувшись, да ничего себѣ—служимъ! Самъ просился — не силкомъ сюда затащили. Кто пьетъ, тому въ глуши конечно плохо—заскучаетъ, пропадетъ... а я—ни вина, ни водки. Возьметъ тоска—въ отъѣздъ. Куда ѣхать—найдется: вѣдь я одинъ на какой край! Зиму рыщемъ по кочевьямъ, лѣтомъ промышленники понаѣдутъ, пароходы прибѣгутъ; съ ними тоже хлопотъ не мало—народъ озорной. Смотришь—годъ-то и проскочилъ и не видать его.

— А потомъ еще такъ возьмите, — продолжалъ онъ, сколько надо мной раньше начальства было? только и думаешь, какъ повернуться, что сказать...

а теперь—самъ себѣ голова, позовутъ къ отвѣту—есть что̀ и отвѣтить. Что тихо у насъ, да не шумно,—такъ и слава Тебѣ Господи! чего лучше тишины...

Я слушалъ его, молча, и въ душѣ... завидовалъ. Въ самомъ дѣлѣ, это спокойствіе не лучше ли нашего цыганскаго мыканья по бѣлу-свѣту безъ семьи, безъ своего угла...

Кто полнѣе живетъ? онъ или мы? скажутъ—лежачій камень, но вѣдь еще вопросъ, кто свободнѣе, лежачій ли камень, который лежитъ тамъ, гдѣ легъ, или камень, который катится чаще всего не по своей волѣ, а подъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ и куда—не знаетъ: думаетъ только, что впередъ...

— Одно вамъ скажу, круто измѣнилъ онъ разговоръ, напрасно вы здѣсь стали. Вѣрьте мнѣ, не будетъ добра съ этой стоянки—самое худое мѣсто!

— Что дѣлать! теперь не перемѣнишь!..

А худое мѣсто давало себя знать. Къ полудню съ устья пошла такая зыбь, что пришлось прекратить погрузку. Лейтенантъ З. одну изъ своихъ баржъ, уже нагруженную, завелъ въ рѣчку. Вѣтеръ все свѣжѣлъ, переходя отъ NW къ N. Большая гадаловская баржа не удержалась на якоряхъ, начала быстро дрейфовать вверхъ по рѣкѣ, но, къ счастью, пройдя мили 1½ и не задѣвъ ни за что, остановилась. «Овцынъ» пошелъ слѣдомъ и отдалъ якорь рядомъ съ нею, чтобы быть въ готовности подать помощь немедленно. На «Малыгинѣ» отдали второй якорь и подняли пары. Къ полночи уже ревѣлъ штормъ.

Волна хлестала черезъ бортъ; пѣнистые гребни, разбиваясь о кожухи, взбрасывались на мостикъ и сбѣгали съ него каскадами. Мелкій, острый снѣгъ рѣзалъ лицо, ослѣплялъ глаза. Ноги едва держались на мокрой обледенѣвшей палубѣ. «Овцынъ» и «Скуратовъ» имѣли якорные канаты длиною 60 саж., «Малыгинъ» же, предназначенный къ плаванію въ верховьяхъ рѣки, —только 45. Поэтому въ то время, какъ первые два еще успѣшно отстаивались противъ шторма, насъ начало дрейфовать прямо на «Orestes», находившійся за кормой. Исходъ удара нашего суденышка въ 270 тоннъ о носъ парохода въ 3,000 тоннъ былъ внѣ всякаго сомнѣнія. Слѣдовало перемѣнить мѣсто, не теряя ни одной минуты. Но едва начали поднимать якоря, какъ оказалось, что, ползя по дну, они перепутались между собою. Чтобы расклепать и развести канаты требовалось много времени, можетъ быть часы, а черная громада за кормой съ каждой секундой все росла и становилась ближе. Выпустить канаты за бортъ, бросить якоря—но съ чѣмъ же мы останемся, не имѣя запасныхъ? Тогда рѣшили испробовать средство рискованное, но единственное: дѣйствуя машиной, стащить якоря по дну всторону. Положили руль на бортъ, дали ходъ... «Малыгинъ» кинулся къ серединѣ рѣки; канаты вытянулись, какъ струны, лязгая въ клюзахъ... Стопъ машина!.. носъ задержался; корма по инерціи вылетѣла впередъ; пароходъ сталъ лагомъ; началась бѣшеная качка; волна хлестала черезъ

всю палубу... такъ прошло нѣсколько тяжелыхъ мгновеній, — наконецъ корма покатилась обратно, носъ пришелъ противъ вѣтра... Руль на бортъ! ходъ впередъ!.. и опять то же самое. Не помню, сколько разъ повторялся этотъ маневръ. При каждомъ толчкѣ носовая часть парохода тряслась и скрипѣла... Казалось, вотъ-вотъ легкая постройка не выдержитъ напряженія, форштевень свернется... 40 минутъ продолжалась отчаянная борьба... Потомъ мы вздохнули свободнѣе. Насъ несло между Orestes'омъ и Blankather'омъ. Одна опасность миновала, но приближалась другая — высокій крутой берегъ подвѣтромъ, невидимый среди ночной тьмы и мятели. Вытравили оба каната до жвака-галса [1]), отдали верпъ на на перлинѣ — наша послѣдняя надежда — движеніе замедлилось; нѣсколько тихихъ толчковъ — и мы задержались. На долго ли? это былъ праздный вопросъ, который всякій гналъ прочь.

— На мѣстѣ стоимъ! раздавался съ бака веселый и бодрый крикъ лотоваго.

Кромѣ насъ въ ту же ночь дрейфовалъ «Минусинскъ». «Овцынъ» и «Скуратовъ» удержались. «Orestes» на своихъ двухъ якоряхъ при стосаженныхъ канатахъ стоялъ непоколебимо.

Около 3-хъ часовъ утра разсвѣло; за кормой и вправо смутно обрисовался берегъ, занесенный снѣгомъ въ разстояніи 200—300 саж.

---

[1]) Жвака-галсъ — коренной конецъ якорного каната, закрѣпленный на суднѣ.

Къ утру 28-го августа вѣтеръ, мѣняясь противъ часовой стрѣлки, отошелъ къ West'у и началъ дуть порывами съ мгновеньями затишья. Барометръ тронулся кверху. Все предвѣщало близкое окончаніе шторма; въ 2 часа пополудни налетѣлъ шквалъ отъ SW; волна обратилась въ толчею; насъ поставило поперекъ; розмахи качки доходили до 22°. Большую гадаловскую баржу опять понесло прямо на берегъ. «Овцынъ» успѣлъ сняться, подхватить ее на буксиръ и пошелъ къ Звѣреву. Мы съ охотой послѣдовали бы его примѣру, но волна, хлеставшая черезъ нашъ низенькій фальшбортъ на бакѣ, не давала возможности приступить къ разводкѣ канатовъ.

Съ 5-ти часовъ стало по-немногу стихать. Въ 6 часовъ могли приняться за работу, которую закончили къ 11 часамъ вечера. Втеченіи дня насъ все время медленно и незамѣтно подавало назадъ, и теперь отъ кормы до берега оставалось не болѣе 100 саженъ. Ввиду этого подняли якорь и верпъ—съ послѣднимъ долго возились, такъ какъ его перлинь перепутался съ якорными канатами—пошли къ противуположному берегу и около часу пополуночи стали вблизи «Овцына» на ровной шести-саженной глубинѣ. Здѣсь было почти тихо. Легкая зыбь чуть покачиваетъ пароходъ. Грунтъ—вязкій илъ; якорь держитъ прекрасно. И невольно все тотъ же досадливый вопросъ лѣзетъ въ голову: отчего не стоять здѣсь? зачѣмъ жаться къ Гольчихѣ? Теперь тамъ еще ходитъ огромная волна, а здѣсь можно было бы про-

должать погрузку! Но скоро всѣ вопросы уходятъ куда то вдаль, пропадаетъ способность разсуждать и сердиться... Натянутые нервы ослабѣваютъ; усталость беретъ свое; всѣ кости ноютъ — 40 часовъ проведено безъ сна, больше сутокъ на ногахъ, чуть не поколѣно въ холодной водѣ, среди мятели, на морозномъ вѣтру... все существо проникается сладкимъ сознаніемъ, что до утра можно поѣсть и выспаться, ничѣмъ не тревожась... Черезъ часъ «Малыгинъ» обращается въ сонное царство. На другой день вернулись къ Гольчихѣ. Зыбь понемногу улегалась. Приступили къ разгрузкѣ. Рѣшено, пользуясь затишьями, производить работы день и ночь посмѣнно наемными рабочими и командой съ нашихъ судовъ. Вечеромъ отъ SW набѣжалъ туманъ, и повалилъ мокрый снѣгъ, но вѣтра не было. Ночь прошла тихо и спокойно. Если такъ продолжится, то Виггинсъ надѣется покончить съ рельсами въ 2—3 сутокъ.

30-го августа въ Гольчихѣ первый разъ за время ея существованія торжественно праздновался день тезоименитства Государя Императора. Священникъ Сусловъ служилъ въ часовнѣ молебенъ, на которомъ присутствовали команда и офицеры; въ полдень суда расцвѣтились флагами. Стоялъ мертвый штиль; сквозь разорванныя тучи проглянуло даже давно невидѣнное солнце, но не надолго. Къ вечеру заморосилъ дождь, потомъ подморозило, и пошелъ снѣгъ. Въ этотъ день «Минусинскъ» отправился въ Енисейскъ, везя съ собой наши те-

леграммы, которымъ, прежде чѣмъ попасть на аппаратъ, предстояло сдѣлать 2,100 верстъ по рѣкѣ!

Всю ночь и весь слѣдующій день погоду можно было назвать благопріятной. Дули слабые, перемѣнные вѣтра изъ сѣверной половины компаса, разводя незначительную волну, не мѣшавшую лихорадочно-спѣшной погрузкѣ. Но къ вечеру 31-го августа вѣтеръ перешелъ къ SW и засвѣжѣлъ. Въ это время большая гадаловская баржа, на которую было погружено уже 1,367 рельсъ, а полный ея грузъ предполагался въ 1,900 рельсъ, стояла у борта Orestes'а. Какъ только волненіе усилилось, на ней открылась течь. Въ виду того, что работы пришлось прекратить, а баржа сильно билась о бортъ парохода, Виггинсъ отдалъ швартовы и спустилъ ее за корму, гдѣ она стала на якорь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ безуспѣшно призывалъ свистками «Игнатьева», чтобы тотъ взялъ баржу и отвелъ ее на тихую воду. «Графъ Игнатьевъ», колесный пароходъ съ осадкой 6—7 футъ и машиной вдвое сильнѣе, чѣмъ у «Малыгина», имѣлъ передъ нами еще то преимущество, что его колеса разобщались, т. е. при надобности работали одно впередъ, другое назадъ, и онъ могъ ворочаться почти на одномъ мѣстѣ. Однако капитанъ Богатковъ не рѣшился идти на помощь своей баржѣ, уже разъ спасенной «Овцынымъ», боясь погубить пароходъ. А вѣтеръ все свѣжѣлъ, и волненіе росло. На несчастной баржѣ едва успѣвали откачивать воду. Ветхій кузовъ расходился по всѣмъ швамъ.

Наконецъ въ 4 часа утра треснуло днище, и волна хлынула въ трюмъ. Для спасенія своей жизни рабочіе обрубили якорные канаты, и тонущая баржа въ нѣсколько мгновеній была выкинута на прибрежную отмель. Экипажъ спасся, счастливо миновавъ грозные буруны, но сама баржа погибла безвозвратно. Всю ее изогнуло и въ двухъ мѣстахъ переломило. Черезъ 2 часа навѣтренный бортъ былъ разрушенъ прибоемъ, постройки на верхней палубѣ смыты... Каждая волна уносила что-нибудь.

Ночью вѣтеръ, все свѣжѣя, перешелъ къ Ost'у и достигъ скорости 13 метровъ въ секунду. За все время стоянки это были единственные 9 часовъ, когда дулъ восточный вѣтеръ, а слѣдовательно единственный случай, когда берегъ Гольчихи, прикрывая насъ, служилъ защитой, а не угрозой крушенія. Съ утра половинное число команды съ нашихъ судовъ, вмѣстѣ съ рабочими гидрографической партіи, были заняты выгрузкой на берегъ рельсъ съ баржи, заведенной въ рѣчку. Этимъ способомъ надѣялись избѣгнуть отправки части груза обратно въ Европу, такъ какъ съ гибелью большой баржи у насъ не хватало плавучихъ средствъ. Но при отсутствіи какихъ бы то ни было приспособленій работа подвигалась крайне медленно. Каждую штуку вѣсомъ около 16-ти пудовъ—приходилось на рукахъ вынимать изъ трюма, нести на берегъ по наскоро устроеннымъ мосткамъ и оттаскивать въ мѣсто безопасное отъ наводненія.

*

Межъ тѣмъ барометръ все падалъ. Къ полудню онъ стоялъ на 728 m. m.—такъ низко мы его никогда не видали. Наступилъ штиль. Очевидно minimum проходилъ черезъ Гольчиху, и надо было ждать обратнаго шторма. Дѣйствительно, около 4 час. пополудни, вслѣдъ за обманчивымъ затишьемъ налетѣлъ жестокій шквалъ отъ NW. Въ 5 час. скорость вѣтра достигла 18 метровъ въ секунду!

Въ воздухѣ закружился мелкій острый снѣгъ. Термометръ показывалъ 0°. При новомъ направленіи вѣтра у насъ за кормой опять очутился «Orestes»; опять сдалъ якорь, и насъ понесло на него. Едва успѣли сняться и, видя, что здѣсь все равно не удержишься, измаявшись отъ безпрерывной качки, рѣшили идти укрываться къ Звѣреву. Переходъ черезъ рѣку—всего 3 мили—продолжался 1½ часа. Волна была сбоку высокая и крутая. Качка хуже, чѣмъ въ Нѣмецкомъ морѣ. Всю дорогу часовой колоколъ на бакѣ звонилъ, какъ на погребеніе. Но зато... какое блаженство, какой рай ожидалъ насъ промокшихъ, измученныхъ на томъ берегу! Крутые высокіе холмы отнимали вѣтеръ — онъ мчался гдѣ-то поверху. Внизу — поверхность рѣки чуть колыхалась отраженной зыбью. Ровная небольшая глубина; сзади, подвѣтромъ цѣлыхъ три мили свободной воды—дрейфуй, сколько угодно! Какъ глубоко чувствуется прелесть такихъ условій, когда онѣ являются неожиданнымъ контрастомъ только-что минувшаго безпокойства.

Въ то время, какъ мы отдыхали душой и тѣломъ,

на противоположномъ берегу не все обстояло благополучно. Кромѣ Orestes'а всѣ суда дрейфовали. Даже «Скуратовъ», съ самаго начала ставшій весьма удачно—вѣроятно попалъ на хорошій грунтъ—и выдержавшій всѣ предъидущіе вѣтра, сползъ со своего счастливаго мѣста и, хотя остановился, пройдя 2—3 кабельтова, но, разъ потревоженные, якоря уже не внушали прежняго довѣрія. Дрейфовалъ «Овцынъ», «Игнатьевъ», «Blankather», баржи. «Бардъ» укрылся въ рѣчкѣ.

Съ утра 3-го сентября штормъ понемногу началъ ослабѣвать. Къ вечеру, въ нашемъ укромномъ уголкѣ стало тихо, какъ въ чашкѣ воды. Команда обсушилась, отдохнула; на бакѣ раздались веселыя пѣсни. Въ 7 часовъ пополудни снялись съ якоря и пошли къ своимъ. По срединѣ рѣки и у берега Гольчихи еще ходила крупная зыбь, не позволявшая возобновить работы. Отъ большой баржи Гадалова не осталось никакого слѣда, кромѣ буруна, бѣлѣвшаго на мѣстѣ крушенія. Выбирая мѣсто, гдѣ бы отдать якорь, мы съ тревогой оглядывали скученное расположеніе судовъ, точно нарочно собравшихся вокругъ Orestes'а. Въ случаѣ новаго шторма это обстоятельство могло служить большой помѣхой къ удачному маневрированію.

Во второмъ часу ночи я внезапно проснулся, точно меня кто-нибудь толкнулъ. Одѣлся, вышелъ изъ каюты. Вѣтеръ опять свѣжѣетъ отъ SSW; барометръ падаетъ; вмѣсто зыби уже катится значительная волна; начинаетъ погромыхивать въ кожухахъ. Въ три часа востокъ слегка побѣлѣлъ—занимался

несчастный день 4-го сентября. Къ 5 часамъ утра ревѣлъ штормъ. Баржи одна за другой поднимали флаги до половины, что̀ означало: «терплю бѣдствіе». Насъ стало дрейфовать въ буруны на барѣ Гольчихи. Начали поднимать якоря. Вдругъ видимъ «Скуратовъ» несетъ къ берегу, и онъ держитъ сигналъ: «требую немедленной помощи». Проходя мимо него, хотѣли подать буксиръ, но сила вѣтра не позволяла докинуть бросательнаго конца, пришлось спускать его по теченію на буйкѣ, работая среднимъ ходомъ впередъ и удерживая такимъ образомъ свое мѣсто. На бѣду какъ разъ въ это время налетѣлъ жестокій шквалъ. «Малыгинъ» потерялъ ходъ, пересталъ слушаться руля, сталъ лагомъ и, подхваченный бѣшенымъ порывомъ, былъ брошенъ подъ носъ «Овцыну». Его канаты попали намъ подъ днище и между лопастями колесъ. Поневолѣ должны были остановить машину и въ полномъ безсиліи ждать столкновенія. Раздался первый относительно слабый ударъ въ середину кожуха, прогнувшій его внутрь; затѣмъ второй—въ переднюю кожуховую площадку. Ея основа изъ толстаго угловаго желѣза изогнулась и скомкалась, словно бумажная. Обносный брусъ толщиною въ 6 дюймовъ и деревянная настилка—разлетѣлись въ щепки. На обоихъ судахъ все замерло. Слышался только зловѣщій трескъ.. Послѣ втораго удара «Малыгинъ» отпрыгнулъ всторону, какъ мячикъ; колеса освободились; прежде чѣмъ новая волна успѣла подхватить его, мы дали задній ходъ, и третій

ударъ пришелся уже вскользь по носовой части, раздробивъ дубовый планширь и слегка погнувъ фальшбортъ. Но этимъ еще не все кончилось. Не убранный якорь, мотавшійся отъ качки, перекинулся черезъ канатъ «Овцына». Мы сцѣпились съ нимъ, сорвали его съ якорей и начали дрейфовать вмѣстѣ одинъ позади другаго въ разстояніи 20—30 саж. прямо на баржу № 3, уже нагруженную рельсами, за которой пѣнился недалекій бурунъ. Единственное средство спасти оба парохода было пожертвовать нашимъ якоремъ и канатомъ. Якорь отдали. Принялись спѣшно расклепывать канатъ. Не знаю, хватило ли бы на это времени, но судьба поработала за насъ; можетъ быть вслѣдствіи напряженія при ударѣ, можетъ быть отъ того, что нашъ канатъ сучился черезъ овцынскій— этотъ послѣдній лопнулъ. Суда разъединились,—пріобрѣли свободу дѣйствій, и, на ходу подымая якоря, стали выбираться на просторъ. Волна достигла 18 футъ высоты; вѣтеръ сшибалъ съ ногъ —къ сожалѣнію, я не имѣлъ свободной минуты измѣрить его скорость по анемометру. Начальникъ экспедиціи кричалъ намъ, чтобы мы заботились о себѣ и шли укрываться къ Звѣреву. Дѣйствителъно для искалѣченнаго «Малыгина», степень поврежденій котораго еще нельзя было опредѣлить, при его слабой машинѣ и большой поверхности сопротивленія вѣтру, было бы отчаянной смѣлостью пробовать описать циркуляцію у самыхъ буруновъ съ тѣмъ, чтобы вторично подать буксиръ «Скурато-

ву». Начальникъ экспедиціи хотѣлъ сдѣлать это на двухъ-винтовомъ «Овцынѣ», но на короткой, высокой волнѣ винты поминутно оголялись, и пароходъ, едва выгребая противъ вѣтра, былъ сброшенъ на канаты Blankather'а. Къ счастью, онъ только прочертилъ по нимъ бортомъ и днищемъ, не повредивъ себѣ ни руля, ни лопастей винтовъ. Ввиду невозможности управлять судномъ, пришлось отказаться отъ намѣренія идти спасать «Скуратова», и «Овцынъ» также направился къ Звѣреву. Удаляясь, мы могли видѣть, какъ «Скуратовъ», отдавъ все, что̀ могъ, якоря, верпъ и даже шлюпочные дреки.[1])—наконецъ задержался подъ кормой «Игнатьева», пройдя вдоль его борта почти вплотную. Явилась надежда, что «Игнатьевъ», хорошо отстаивавшійся до сихъ поръ, обладая сильной машиной и уже извѣстной способностью ворочаться на мѣстѣ, въ случаѣ надобности, подастъ ему помощь. Въ то время, какъ мы пересѣкали рѣку, гадаловская баржа съ грузомъ 750 шт. рельсъ, находившаяся на бакштовѣ Orestes'а, не смотря на безпрерывное откачиваніе воды, стала замѣтно погружаться. Виггинсъ перебралъ къ себѣ на пароходъ молившихъ о спасеніи рабочихъ, а затѣмъ, чтобы грузъ не погибъ, затонувъ на глубинѣ, обрубилъ бакштовъ. Въ нѣсколько секундъ вѣтромъ и теченіемъ баржа была выкинута на отмель, и скоро отъ нея остались одни обломки.

У Звѣрева, по обыкновенію, ходила лишь неболь-

[1]) Дрекъ—шлюпочный якорь.

шая зыбь. Мы стояли на ровной глубинѣ и тихой водѣ, но этотъ разъ счастливому сознанію собственной безопасности не было мѣста. Тревога объ участи невольно покинутыхъ товарищей, невозможность помочь имъ, горькое сознаніе своего безсилія, тяжелымъ гнетомъ ложились на сердце. Сколько разъ въ этотъ долгій, томительный день поднимался я къ сторожевой бочкѣ, высматривая, что дѣлается «тамъ», но въ сѣроватой мглѣ, окутавшей окрестность, нельзя было разглядѣть что-нибудь опредѣленное—темнѣли какіе-то кузовы, бѣлѣли буруны... На досугѣ осматривали поврежденія и... подивились своему счастью. Первымъ ударомъ, какъ сказано выше, смяло наружную стѣнку кожуха. Между прогнутыми желѣзными листами и внѣшней гранью лопастей оставался зазоръ всего въ два дюйма. Будь ударъ хоть немного сильнѣе—колеса были бы заклинены, и гибель «Малыгина» являлась неизбѣжной. Не менѣе счастливо было то обстоятельство, что второй, самый сильный ударъ пришелся въ кожуховую площадку. Въ этомъ случаѣ она съиграла роль пружины, принявъ на себя всю силу удара, которая израсходовалась на раздробленіе дерева, гнутіе и срываніе желѣзныхъ крѣпленій. Не будь ея,—мы несомнѣнно имѣли бы пробоину.

Корпусъ «Овцына», принимавшаго удары форштевнемъ, нисколько не пострадалъ. Зато онъ потерялъ правый якорь съ частью каната и едва не лишился лѣваго. Трудно сказать, когда именно и по-

чему—вслѣдствіи ли удара лопастью, толчка или натяженія—одно звено втораго каната лопнуло, разогнулось и контра-форсъ выскочилъ. Надо было удивляться, какимъ чудомъ удержались на немъ сосѣднія звенья во время подъема якоря. Послѣ полудня барометръ тронулся кверху, и вѣтеръ, сдѣлавъ свое дѣло, началъ быстро стихать. Въ 6-мъ часу «Овцынъ» отправился къ Гольчихѣ. Часъ спустя въ сумеркахъ наступающей ночи показались отличительные огни, и къ намъ почти вплотную подошелъ «Игнатьевъ». Окликнули его, спрашивали о послѣдствіяхъ шторма. Богатковъ охрипшимъ, надорваннымъ голосомъ прокричалъ въ отвѣтъ, что все кончено, всѣ баржи погибли.

— А «Скуратовъ»! что съ нимъ?

— «Скуратовъ» разбился... офицеры и команда спаслись на берегъ... Пришлите шлюпку! у меня нѣтъ ни одной—всѣ потерялъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Богатковъ уже сидѣлъ у насъ въ каютъ-компаніи. Онъ поблѣднѣлъ, осунулся; руки дрожали; провалившіеся глаза блестѣли лихорадочно... Штормъ подѣйствовалъ на него потрясающе. Онъ нѣсколько разъ принимался разсказывать, но на половинѣ фразы вдругъ хватался руками за голову, безсмысленно повторялъ: «Нѣтъ! знаете... знаете... это такое...» и кончалъ нервнымъ смѣхомъ. Бѣдняга никогда не видалъ и не зналъ моря. Совершенно растерявшись, онъ не только не могъ ободрить свою команду—простыхъ мужиковъ—но и самъ заражался ихъ паническимъ ужасомъ. Ничего не пред-

принимая, ни на что не рѣшаясь, всѣ они съ тупымъ отчаяніемъ ждали неминуемой гибели.

— ... Двое сутокъ не спалъ... не ѣлъ... Господи! что это такое!.

Мы позвали фельдшера, давали ему чего-то нерво-успокоительнаго, накормили почти силкомъ. Онъ немного успокоился; возбужденіе улеглось, но зато усталость вступила въ свои права. Богатковъ, проведя двое сутокъ безъ пищи и сна, теперь поѣвъ, отдохнувъ, едва глядѣлъ и засыпалъ, сидя. Такъ мы и не добились ничего опредѣленнаго; однако изъ полусловъ могли заключить, что первоначальное сообщеніе, сдѣланное подъ впечатлѣніемъ пережитаго ужаса, было сильно преувеличено.

Въ ночь наступилъ мертвый штиль.

5-го сентября съ разсвѣтомъ вернулся «Овцынъ», ведя на буксирѣ «Скуратова». Его появленіе было встрѣчено общей искренней радостью.

— Зря напужалъ «сѣрый»! Жива наша баржа! толковали среди команды. Нѣкоторые даже крестились. Подъ «сѣрымъ» разумѣлся Богатковъ—добродушное матросское прозвище, придаваемое всякому новичку въ морскомъ дѣлѣ.

Отъ офицеровъ «Овцына» мы узнали слѣдующія подробности. «Скуратовъ», задержавшись на нѣкоторое время, снова началъ дрейфовать, но очень медленно, почти незамѣтно. Находясь всего въ 20—30 саж. за кормой «Игнатьева», командиръ просилъ Богаткова подать ему буксиръ. Тотъ отка-

зался, боясь, что потащитъ и его. Между тѣмъ «Скуратовъ» продолжалъ тихо, но безпрерывно приближаться къ отмели. Раздался первый ударъ—ахтерштевень коснулся грунта—и затѣмъ съ каждой новой волной удары повторялись, становясь все сильнѣе и рѣзче. Скоро кормовое отдѣленіе было залито водой. Вода показалась и въ слѣдующемъ отдѣленіи—подъ каютъ-компаніей.

Бурунъ ходилъ черезъ всю палубу съ носа до кормы, сшибая и унося все на своемъ пути. Командиръ, остававшійся наверху, былъ сбитъ съ ногъ и уже по дорогѣ за бортъ счастливо задержанъ подскочившимъ матросомъ. Тогда, видя ясно, что экипажъ безполезно подвергается серьезной опасности, и не имѣя никакихъ средствъ и возможности предпринять что-либо для спасенія судна, онъ рѣшилъ прежде всего спасти ввѣренную ему команду. Переправа на берегъ черезъ буруны совершилась благополучно. Едва успѣли они, промокшіе до послѣдней нитки, пронизываемые холоднымъ вѣтромъ, добраться до зданій Гольчихи, какъ штормъ началъ быстро стихать. «Скуратовъ» не дрейфовало больше. Онъ оставался въ прежнемъ положеніи—носъ на свободной водѣ, корма бьется объ отмель. По приходѣ «Овцына», экипажъ возвратился на судно и приступилъ къ разводкѣ и очисткѣ канатовъ и перлиней.

На берегу пришлось оставить только одного боцмана, который отъ изнуренія и простуды лежалъ пластомъ и едва говорилъ. Въ ночь и на слѣдую-

щій день отъ тѣхъ же причинъ захворала почти половина команды.

Что касается баржъ, то всѣ баржи лейтенанта З.—двѣ стоявшія на рѣкѣ и одна, укрывавшаяся въ Гольчихѣ—уцѣлѣли. За время нашего отсутствія погибла только третья—послѣдняя—баржа Гадалова съ грузомъ 819 рельсъ. Ее сорвало съ якорей, выбросило на отмель и разбило. Шесть человѣкъ рабочихъ на ней въ теченіи нѣсколькихъ часовъ находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, пока не были сняты на овцынскую шлюпку мичманомъ К.

Послѣ прибытія къ Звѣреву и осмотра подводной части водолазами, оказалось, что у «Скуратова» сломанъ и потерянъ руль, сломанъ и потерянъ ахтерштевень и часть дейдвуда, причемъ образовалась пробоина, въ которую свободно пролѣзалъ человѣкъ. Въ отдѣленіи офицерскихъ каютъ въ днищѣ не было замѣтныхъ поврежденій. Вода, собиравшаяся подъ каютъ-компаніей, вѣроятно, проникала туда черезъ ослабнувшіе швы и заклепки непроницаемой переборки и легко откачивалась ручной помпой. Задѣлать пробоину своими средствами являлось немыслимымъ, но, снабдивъ «Скуратова» фальшивымъ рулемъ, можно было безопасно продолжать плаваніе съ кормовымъ отдѣленіемъ, залитымъ водой.

Послѣ полудня пришелъ къ Звѣреву и «Orestes». «Бардъ» перевелъ сюда же свои баржи. Съ той, которая стояла въ рѣчкѣ, успѣли за это время сгрузить больше 300 рельсъ, и теперь занялись попол-

неніемъ ея груза. Погода—штиль, иногда туманъ и дождь. Ночью морозъ.

Мѣстные жители предсказываютъ раннюю зиму, такъ какъ лебеди уже отлетѣли.

6-го сентября «Малыгинъ» и «Скуратовъ» дѣятельно чинились, и одновременно шла догрузка баржъ. Этотъ день ознаменовался первымъ несчастнымъ случаемъ на отрядѣ. Скуратовскій штурманъ, мичманъ Б., изслѣдовалъ не взорвавшуюся ракету, при чемъ по неосторожности она взорвалась почти у него въ рукахъ. Осколки жестянаго корпуса поранили лицо, руки, ноги. Двѣ довольно глубокія раны въ животъ внушали доктору серьезное опасеніе. Это несчастіе произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Бѣдствіе, даже гибель во время крушенія не казались такими ужасными, какъ потеря товарища изъ-за простой случайности. Докторъ перебрался жить на «Скуратовъ», чтобы имѣть постоянное наблюденіе за больнымъ.

Весь день 7-го сентября «Овцынъ» провелъ въ поискахъ своего якоря, но безуспѣшно, вслѣдствіи чего начальникъ экспедиціи купилъ на Orestes'ѣ стопъ-анкеръ съ надлежащимъ количествомъ каната.

Въ четыре часа по-полудни работы закончились. Баржи не могли принять бо̀льшаго груза. На Orestes'ѣ оставалось около 1,100 рельсъ. Перегрузить ихъ на берегъ мы не имѣли времени, такъ какъ по произведенному опыту на это требовалось не менѣе двухъ недѣль, а между тѣмъ зима приближалась;

ледъ на верхней палубѣ лежалъ по нѣскольку дней, и въ самомъ контрактѣ Виггинсомъ было указано, что крайній срокъ ухода баржъ изъ Гольчихи — 8-го сентября.

Итакъ результаты разгрузки въ Гольчихѣ выразились слѣдующими цифрами: изъ 6,000 рельсъ, составлявшихъ грузъ Orestes'а, 2,936 были разбросаны по отмелямъ. Мѣстные крестьяне Сѣровъ, Бычевъ и Кошкаровъ взялись собрать рабочихъ и вытащить ихъ зимой въ безопасное мѣсто по 60—65 к. за штуку. 300 съ чѣмъ-то рельсъ (точная цифра у меня не записана) лежали на берегу. «Orestes» долженъ былъ сдать въ Архангельскѣ свои 1,100 штукъ, а остальные мы надѣялись благополучно довести до мѣста назначенія.

Результаты не блестящіе, но мы—можетъ быть, немного эгоистично — радовались хотя тому, что часть предпріятія, порученная непосредственно военному флоту, удалась вполнѣ.

«Овцынъ», «Малыгинъ» и «Скуратовъ» были благополучно приведены изъ Англіи въ Енисей, и незначительныя аваріи не мѣшали ихъ дальнѣйшей службѣ. «Бардъ» и три его баржи были цѣлы и несли полный грузъ. Правда, всѣ баржи Гадалова погибли, но, не входя въ разсмотрѣніе причинъ, вызвавшихъ это несчастіе, мы, во всякомъ случаѣ, не являлись отвѣтственными за успѣхъ или неуспѣхъ частнаго лица, нанятаго казной.

Осталось распредѣлить, кому что буксировать.

Во время штормовъ баржи № 2 и № 3 потеряли рули и теперь управлялись веслами, которымъ изъ-за недостатка подходящаго лѣса нельзя было придать надлежащей длины. Ввиду этого, Богатковъ, напуганный всѣмъ перетерпѣннымъ, рѣшительно отказался отъ нихъ и просилъ дать ему «Скуратова». Просьба его была уважена.

Что касается баржъ, то «Овцынъ» взялъ №№ 1 и 2, а «Малыгинъ»—№ 3 (№№ баржъ соотвѣтствовали ихъ величинѣ—№ 1 самая большая).

IV.

Отплытіе изъ Гольчихи.—Послѣдній штормъ.—Морозы.—Вверхъ по рѣкѣ.—Осиновскій порогъ.—Прибытіе въ Енисейскъ.

8-го сентября, чуть начало свѣтать, снялись съ якоря. Тихая погода, державшаяся двое сутокъ, стала портиться. Съ полночи барометръ круто пошелъ внизъ. Только-что тронулись, задулъ NW, и посыпалъ густой снѣгъ. Наша баржа совсѣмъ плохо управлялась со своимъ короткимъ весломъ и сильно рыскала. Равнымъ образомъ выяснилась недостаточность скуратовскаго фальшиваго руля. Онъ тоже изрядно кидался въ стороны. «Бардъ» снайтовился съ нимъ и нѣкоторое время помогалъ держать на курсѣ, но скоро принужденъ былъ отойти, такъ какъ разошедшаяся волна стала бить ихъ бортами и грозила поломкой.

держали вдоль лѣваго берега рѣки. Отъ Звѣрева до Дорофеева онъ идетъ почти съ N на S, а затѣмъ круто изгибается къ West'у, образуя Бреховскій плесъ.

Достигнувъ этого мыса, мы взяли курсъ поперекъ рѣки, намѣреваясь идти дальше подъ правымъ берегомъ, между которымъ и Бреховскимъ архипелагомъ пролегаетъ широкое и глубокое русло —Каменный Енисей.

Тутъ неожиданно замела настоящая сибирская пурга. Шли по компасу, не видя другъ друга, все время бросая лотъ. Около 11 часовъ утра по курсу открылся высокій, обрывистый берегъ и полуразвалившіяся избушки зимовья Кореповскаго. Сначала предполагали стать здѣсь на якорь, но снѣгъ порѣдѣлъ, горизонтъ очистился, и потому пошли дальше. «Игнатьева» со «Скуратовымъ» нигдѣ не было видно — какъ провалились.

Отъ мыса Дорофеева въ направленіи OSO тянется черезъ рѣку отмель; навстрѣчу ей отъ противоположнаго берега выступаетъ Яковлева коса; подводное продолженіе косы и отмель заходятъ другъ за друга, а можетъ быть даже соединяются.

Виггинсъ, который ѣдетъ въ Енисейскъ на «Овцынѣ» въ качествѣ пассажира, разсказывалъ, что онъ на «Темзѣ» искалъ здѣсь фарватера двѣ недѣли и насилу нашелъ 12 футъ. Этотъ вопросъ представляется существенно-важнымъ и заслуживаетъ рѣшенія посредствомъ основательнаго промѣра, такъ какъ если рѣка дѣйствительно перегорожена 12-ти-футо-

вымъ баромъ, то доступъ въ нее глубоко-сидящимъ морскимъ судамъ закрытъ; если же фарватеръ существуетъ, то дальнѣйшія глубины позволяютъ большимъ пароходамъ подыматься за Дудинку, а при хорошихъ лоцманахъ и гораздо дальше. Не знаю, въ какой системѣ производилъ Виггинсъ свои изысканія, можетъ быть онъ искалъ глубину посрединѣ рѣки или ближе къ лѣвому берегу,—но мы, придерживаясь праваго, не имѣли меньше 16-ти футъ.

Шли одной колонной въ такомъ порядкѣ: «Бардъ», «Малыгинъ», «Овцынъ». Подвигались впередъ со всѣми предосторожностями, безпрерывно бросая лотъ, такъ какъ наткнуться на мель при попутномъ вѣтрѣ и волнѣ, значитъ, засѣсть плотно. Въ 5 часовъ пополудни, пройдя Яковлеву косу, попали опять въ мятель и потеряли «Барда». Берегъ скрылся. Убавили ходъ до малаго. Между прочимъ, замѣтили, что наша баржа рыщетъ не столько потому, что у нея вмѣсто руля весло, какъ потому, что этимъ весломъ правятъ очень лѣниво; нѣсколько краснорѣчивыхъ пожеланій и посуловъ, обращенныхъ къ рабочимъ, на время помогали ей держаться на курсѣ, но съ наступленіемъ сумерекъ дѣло пошло хуже,—на яростный окликъ офицера: «баржа-а! правь рулемъ!» раздавался постоянный отвѣтъ: «пра-авятъ!», но отъ этого ничего не измѣнялось. Въ 7-мъ часу солнце сѣло; быстро наступала ненастная, бурная ночь, и наше положеніе дѣлалось все затруднительнѣе. Мы шли впереди: «Овцынъ» слѣдомъ за нами. Между

тѣмъ командиръ и я, разложивъ передъ собой три карты, тщетно ломали головы, стараясь угадать, гдѣ мы находимся.

По картѣ Норденшильда, передъ нами еще лежало обширное пространство свободной воды. По русской картѣ 72-го года нѣсколько миль отдѣляло насъ отъ широкаго русла Каменнаго Енисея.

Наконецъ по третьей литографированной картѣ рѣки и устья мы входили въ узкій проливъ между правымъ берегомъ и крайнимъ изъ группы Бреховскихъ острововъ. Очертанія берега на разныхъ картахъ были также различны: на однѣхъ онъ тянулся прямой линіей, на другихъ имѣлъ изгибы. Чему вѣрить? что ближе къ истинѣ?.. А вѣтеръ все свѣжѣлъ, и волненіе увеличивалось...

Рѣшили приблизиться къ берегу, искать бухты, мыса, гдѣ бы можно было укрыться отъ задувавшаго шторма. При слабомъ отблескѣ зари, пробивавшейся сквозь сѣровато-бѣлую мглу мятели, увидѣли какъ бы два высокіе мыса и между ними провалъ — точно бухта. Направились туда, но провалъ оказался межгорной лощиной, выходящей къ рѣкѣ; глубины стали уменьшаться, и вскорѣ по курсу обозначился низкій плоскій берегъ, совершенно открытый вѣтру. Повернули назадъ. «Овцынъ» за нами. Но идти противъ скрѣпчавшаго вѣтра было совсѣмъ не то, что попутнякомъ Волна хлестала черезъ бортъ, обдавая весь пароходъ морозной водяной пылью. Холодъ пронизывалъ до костей. Ноги не держались на палубѣ отъ

стремительныхъ розмаховъ. Острый снѣгъ кололъ и рѣзалъ лицо. Совсѣмъ стемнѣло. И среди этой тьмы при ревѣ шторма и бѣшеной качкѣ, началось блужданіе наугадъ въ поискахъ за глубиной... «Овцынъ» кружилъ, подобно намъ. Мы видѣли его огни то справа, то слѣва, то близко, то далеко... Наконецъ раздались два рѣзкіе звука сирены — сигналъ начальника экспедиціи: «стать на якорь». Но надо-жъ было стать, имѣя подъ вѣтромъ увеличивающуюся, а не уменьшающуюся глубину, надо было привести противъ вѣтра... это оказалось невозможнымъ.

Рабочіе на баржѣ, придя въ отчаяніе, совсѣмъ бросили править, развели костеръ и усѣлись вокругъ него, грѣясь и просушивая платье. Едва мы пришли въ-полвѣтра и подставили его напору свою огромную боковую площадь кожуховъ, мостика и рубки, какъ баржа, которую почти не сносило вслѣдствіи ея ничтожной надводной поверхности, оказалась у насъ на вѣтрѣ. Вытянувшіеся буксиры удерживали нашу корму и парализовали дѣйствіе руля, стремившагося отбросить ее подъ вѣтеръ. Имѣя руль на бортѣ, мы только-только держались на курсѣ WNW—6 румбовъ отъ вѣтра. Лотъ показывалъ, что впередъ двигаемся мало, что насъ тащитъ куда-то влѣво, въ непроглядную тьму, откуда рано или поздно должны были появиться многочисленные Бреховскіе острова.

Напрасно кричали мы: «Баржа! правь рулемъ!» угрожая бросить ихъ на произволъ судьбы. Они не трогались съ мѣста. Иногда отъ костра подымалась

какая-нибудь фигура и, махнувъ рукой въ нашу сторону, снова садилась...

Чего бы я не далъ въ ту минуту, чтобы какимъ-либо чудомъ перенестись туда и силой, оружіемъ заставить ихъ повиноваться! Какъ глубоко ненавидѣлъ я это «сѣрое» мужичье, которое страшилось борьбы больше самой смерти, которое своимъ малодушіемъ, своей тупой покорностью готовило гибель и себѣ, и намъ!.. Всегда спокойный командиръ сжималъ кулаки въ безсильной ярости и сыпалъ бѣшеными ругательствами... Наконецъ наступила роковая минута.

Послѣ 11 саженъ лотовый закричалъ 14 и сейчасъ же 12 фут. Командиръ бросился къ навѣтренному борту.

— На баржѣ! черти! правь рулемъ!.. Брошу!.. Пропадете!..

Два-три человѣка встали и снова сѣли къ огню...

— Все равно... потопнемъ... долетѣло къ намъ по вѣтру.

— 10 футъ! 9 футъ! слышалось съ баку.

Выбора не было: или бросить баржу и спасать пароходъ, или раздѣлить съ ней ея участь ..

Командиръ повернулся ко мнѣ... Нѣсколько мучительно долгихъ мгновеній простояли мы, судорожно ухватившись за поручень, чтобы не слетѣть съ ногъ, и глядя въ глаза другъ другу... Онъ не рѣшался приказать - я не рѣшался совѣтовать...

— 7 футъ! меньше 7 футъ! не по обычаю—на-

распѣвъ, а коротко и отрывисто прокричалъ лотовый.

Медлить становилось преступленіемъ.

— Рубите! хрипло прокричалъ командиръ... Отдавай всѣ якоря! Отдавай якоря! якоря!.. заревѣлъ онъ не своимъ голосомъ въ сторону баржи.

Я кинулся на переднюю часть мостика, перегнулся внизъ и полный ужаса и жалости скомандовалъ: руби буксиры!...

— Есть! обрублены буксиры! раздался отвѣтъ съ кормы, гдѣ видимо съ нетерпѣніемъ ждали этого приказанія.

Я слышалъ, какъ плеснулись о воду разомъ ослабшіе перлиня, а потомъ... потомъ...

Мнѣ кажется, до конца жизни я не забуду этого дикаго, нечеловѣческаго вопля, застывшаго въ воздухѣ. Такъ можно кричать, только обезумѣвъ отъ ужаса, когда все существо охвачено безобразнымъ, животнымъ страхомъ передъ лицомъ неотразимой жестокой гибели. Этотъ вопль предсмертной муки и отчаянія холодилъ сердце, шевелилъ волосы на головѣ... Я зажмурилъ глаза, словно видѣлъ ихъ передъ собою съ искаженными, растерянными лицами вмѣстѣ молящихъ и проклинающихъ...

Но у насъ на рукахъ оставался еще пароходъ и 18 человѣкъ команды, слѣпо вѣрившихъ въ насъ, отъ насъ ждавшихъ своего спасенія. Надо было дѣйствовать. Дали ходъ назадъ, потомъ полный впередъ.

— Покатился къ вѣтру, вашбродіе, доложилъ рулевой.

— 12 футъ! бодро и радостно закричалъ лотовый,—5 саженъ! 11 саженъ!

Перекинувшись черезъ линію вѣтра, мы уходили на NO отъ роковаго мѣста. Дальше этотъ курсъ велъ къ берегу, а потому снова повернули на NW, полагая по картѣ, что такимъ образомъ будемъ имѣть передъ собой чистую воду—всю ширину Бреховскаго плеса. Чтобы облегчить приведеніе къ вѣтру, растянули на ютѣ между шлюпбалками брезенты, уравновѣсивъ этимъ способомъ давленіе на носовую часть, загроможденную постройками, и на низкую открытую корму.

Позади ярко пылалъ костеръ баржи. Значитъ, они еще не разбились, значитъ якоря задержали—при ничтожномъ возвышеніи баржи надъ поверхностью воды и малой глубинѣ это было весьма вѣроятно.

— Дай Богъ! помоги имъ, Господи, спаси ихъ!.. проносилось въ мозгу.

Гдѣ-то всторонѣ мелькнули огни «Овцына». Однако и на новомъ курсѣ глубина вдругъ стала уменьшаться. Послѣ 10 саж.—14 футъ. Такъ какъ вѣтеръ дулъ почти вдоль рѣки—мы пришли сюда попутнякомъ—то рѣшили править противъ него, держась такъ, пока не разсвѣтетъ; идти хоть до Гольчихи, если раньше не упремся въ какое-нибудь прикрытіе. Началась бѣшеная скачка съ гребня на гре-

бень. Длинный «Малыгинъ» не успѣвалъ всходить на крутую, короткую волну и поминутно бралъ носомъ. На палубѣ образовалась гололедица.

Удары въ днище были таковы, что въ командномъ помѣщеніи, въ носу, толчки сбрасывали съ койки, и матросы, не имѣя пристанища, столпились подъ мостикомъ поколѣна въ водѣ.

Напрасно, придя въ Гольчиху, поторопились мы снять наши продольные крѣпительные брусья—теперь съ кормы можно было на глазъ видѣть, какъ перегибается пароходъ на волнѣ.

Глубина сначала держалась ровная, 11 саженъ, потомъ начала убывать. Очевидно, къ чему-то приближались, къ отмели или берегу — неизвѣстно. Штормъ ревѣлъ по прежнему, но волна какъ будто уменьшилась. Придя на 14 футъ, застопорили машину и сейчасъ же достали 18 ф.—значитъ, подъ вѣтромъ было чисто. Отдали якорь. Онъ сразу хорошо задержалъ. Грунтъ—плотный, вязкій илъ.

По крайней мѣрѣ на время мы могли считать себя въ безопасности, могли отдохнуть и запастись силами. Съ 11 часовъ утра я ничего не ѣлъ, не пилъ и ни разу не садился, но теперь, спустившись въ каютъ-компанію, съ трудомъ проглотилъ стаканъ чаю, пошелъ къ себѣ, хотѣлъ заснуть... и не могъ. Едва закрывались глаза, какъ воображеніе рисовало грозный бурунъ, разметывающій по кускамъ слабый деревянный корпусъ, прыгающіе по волнамъ обломки, за которые окоченѣвшими отъ холода руками хватают-

ся захлебывающіеся люди, а въ ушахъ раздавался и звенѣлъ отчаянный вопль о помощи.

Я вышелъ на палубу. Снѣгъ пересталъ. Волна била въ кожухи и грохотала въ колесахъ. Мы порывисто качались; канатъ сильно дергало, но якорь не сдавалъ. За тучами разгоралось сѣверное сіяніе, и при его синеватомъ, мерцающемъ свѣтѣ по носу и справа обрисовался близкій, высокій берегъ. Все жъ это было лучше неизвѣстности. Позади... тамъ не свѣтилось ни одного огонька...

Около фитиля собралась кучка матросовъ. Я направился къ нимъ, думая закурить папироску, но, не дойдя, остановился и началъ прислушиваться. Не видя меня въ темнотѣ, они продолжали толковать о брошенной баржѣ, и въ ихъ разговорѣ я подмѣтилъ нѣчто невѣроятное, что̀ и заставило меня остановиться. Въ немъ не было и тѣни той жалости, того состраданія къ чужому несчастью, которое является характерной чертой русскаго матроса; они казались даже озлобленными...

— Да какъ забѣгали, да какъ закричали! откуда и ходъ взялся!—вспоминалъ одинъ, словно посмѣиваясь.

— Небось! завертишься, какъ оно тебя прижметъ! проговорилъ другой, выколачивая трубку, спуску не будетъ—запляшешь!

— А допрежъ того, все равно, говорятъ, потопнемъ, молъ!—ну, вотъ и потопли, вмѣшался третій.

— Позвольте, господа, раздался пришепетываю-

щій голосъ фельдшера, все-таки христіанскія души бросить пришлось; можно сказать они по невѣжеству...

— Завсэмъ сэрый народъ! злобно зашипѣлъ Индрисъ, зачэмъ такой сэрый мужыкъ на вода хадилъ? лажись на пэчка—сыди смирна, на баржи хадилъ— дэржи руль, пока башка кончалъ!

Я понялъ ихъ и отчасти согласился. Эти люди, воспитанные въ понятіяхъ дисциплины, обязывающей до конца оставаться на своемъ посту, не покидать его въ минуты самой страшной опасности, не могли простить «сѣрымъ» брошеннаго руля.

Ночь прошла безпокойно, въ опасеніи, выдержатъ ли якорь и канатъ безпрерывныя подергиванія. Въ пятомъ часу начало свѣтать; барометръ тронулся кверху. Въ шесть часовъ вѣтеръ перешелъ къ NW, значительно ослабѣлъ и дулъ порывами. Тучи порѣдѣли; проглянуло солнце; горизонтъ совершенно очистился. Я поднялся въ сторожевую бочку и оглядывалъ окрестность. Мы стояли въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ праваго берега рѣки, имѣющаго здѣсь небольшую впадину къ востоку. На югъ миляхъ въ 5 виднѣлся рангоутъ «Овцына» и мачты двухъ его баржъ. На западѣ по горизонту тянулась полоса плоскаго низменнаго берега—несомнѣнно Бреховскіе острова. Слѣдовательно, мы, не подозрѣвая того, вошли въ Каменный Енисей, и всѣ три карты были одинаково невѣрны. Въ это время Индрисъ, взобравшійся выше меня, подъ самый клотикъ, чуть не обрушился мнѣ на голову.

— Наша баржа, наша баржа! кричалъ онъ, неистово размахивая руками.

— Чего орешь! говори толкомъ — гдѣ? взволнованно спрашивалъ я, боясь вѣрить этому сообщенію.

— Права отъ «Овцынъ» гляды, вашэ благородіэ! нэмного права!

Навелъ трубу... Дѣйствительно, правѣе «Овцына», на ясномъ небѣ, чернѣла одинокая мачта. Я радостно перекрестился. Просіялъ командиръ, мрачно шагавшій взадъ и впередъ по мостику. Матросы, еще вчера находившіе, что «сѣрые» заслужили свою погибель, высыпали наверхъ.

— Что? Живы «ерёмы» [1]). Уберегъ ихъ Миколаугодникъ! Онъ милосливъ! А, поди, натерпѣлись страху! Я, чай, и не думали быть цѣлы! раздавались ихъ бодрыя, веселыя замѣчанія. У всѣхъ словно камень съ души свалился.

Въ сторонѣ Бреховскихъ островов показался дымъ, и скоро подъ нимъ обрисовался «Бардъ». Страшно было смотрѣть, какія штуки продѣлывалъ крошечный пароходикъ на еще не улегшейся, крупной волнѣ. Когда онъ приблизился, мы подали ему бакштовъ, спустили на концѣ шлюпку, и къ намъ пріѣхалъ лейтенантъ З. Видимо, ему досталось не меньше нашего. Онъ едва держался на ногахъ отъ усталости и, опустившись на диванъ въ каютъ-компаніи, прежде всего спросилъ себѣ горячаго чаю.

---

[1]) «Ерёма» на матроскомъ жаргонѣ равносильно «сѣрому».

— Цѣлыя сутки жили на сухаряхъ—не то что сварить супу, воды скипятить нельзя было... Ни одной минуты не спали.

Онъ разсказалъ намъ, что наканунѣ, около 5 час. вечера, потерявъ насъ во время мятели и видя приближающійся штормъ, укрылся за Яковлевой косой. Сначала стоять было сносно, но какъ только вѣтеръ пошелъ мѣняться отъ Nord'а къ West'у, въ его убѣжищѣ появилась волна. Неистово мотаясь цѣлую ночь и дергая канатъ, «Бардъ» полегоньку дрейфовалъ къ берегу и къ разсвѣту оказался у самыхъ отмелей. Рѣшивъ, что оставаться здѣсь дольше невозможно, пошли въ «протоку» [1]), между Бреховскими островами—излюбленный фарватеръ мѣстныхъ лоцмановъ и капитановъ, не жалующихъ широкій, но открытый сѣвернымъ вѣтрамъ Каменный Енисей. Подходя къ протокѣ, лоцманъ ошибся; «Бардъ» попалъ въ буруны и сталъ биться килемъ о грунтъ.

— Я такъ измучился, говорилъ З.,—что на меня нашло какое-то равнодушіе... Далъ полный задній ходъ—единственное, что можно было сдѣлать—и жду совершенно спокойно; сойдемъ или разобьемся... никакого волненія, тревоги... Однако, ничего—сошли.

Выбравшись изъ буруновъ, замѣтили подъ берегомъ нашу трубу и направились сюда повидать живыхъ людей, разспросить, куда дѣлись остальные. «Игнатьева» и «Скуратова» онъ не встрѣчалъ и не

---

[1]) На Енисеѣ говорятъ не протокъ, а протока.

знаетъ, гдѣ они могутъ быть, вѣроятно, тоже отстаиваются. Относительно ихъ мы не особенно безпокоились: «Игнатьевъ» — прекрасный пароходъ, а въ случаѣ нужды со «Скуратова» могли всегда указать, какъ поступить, что предпринять.

На нѣсколько часовъ «Бардъ» обратился въ сонное царство. Хотя, стоя у насъ на бакштовѣ, онъ при каждой набѣгавшей волнѣ бросался въ стороны, переваливался съ боку на бокъ, шлепался то носомъ, то кормой, но на языкѣ его обитателей такое положеніе называлось «довольно сноснымъ».

Въ 3-мъ часу пополудни начали сниматься. Во время подъема якоря замѣтили, что «Овцынъ» тоже снялся и, забравъ всѣ три баржи, направился къ югу.

Черезъ нѣсколько минутъ «Малыгинъ» и «Бардъ» спѣшили ему въ догонку. Удаляющійся штормъ пустилъ на прощанье нѣсколько «зарядовъ» отъ West'а, послѣ которыхъ заштилѣло. Зыбь быстро улеглась. Шли то среднимъ, то полнымъ ходомъ по глубинѣ 7—9 саженъ. Слѣва подымался высокій, крутой нагорный берегъ, справа тянулись низменные Бреховскіе острова. Въ 6 часовъ догнали «Овцына» и по сигналу вмѣстѣ съ «Бардомъ» пошли впереди его.

Тучи разсѣялись; солнце сѣло на ясномъ горизонтѣ, блистая ярко-золотистымъ цвѣтомъ и суля на завтра хорошую погоду.

Въ исходѣ 8 го поблѣднѣла заря; окрестность затуманилась; принуждены были остановиться на ночь.

у острова Чаячнаго. Слегка подмораживало; холодный вѣтерокъ щипалъ за уши, а на душѣ было такъ легко и весело. Наконецъ-то мы дѣйствительно въ рѣкѣ: вода прѣсная, замѣчается теченіе къ сѣверу хотя еще слабое, но постоянное; откуда ни зареви штормъ, всегда можно укрыться; да и какая волна на ширинѣ 1—1½ мили!

— Здорово насъ оттаскало, ну, да ужь это въ послѣдній разъ! говорили всѣ.

Овцынскіе разсказывали, какъ они провели памятную ночь съ 8-го на 9-ое сентября. «Овцынъ», у котораго изъ двухъ баржъ, задняя—№ 1 имѣла руль, ни разу не терялъ способности управляться. Потерявъ насъ изъ виду и найдя подходящую глубину, онъ сталъ на якорь. Вскорѣ съ баржи № 2—ближайшей—послышались крики о помощи. Спустили шлюпку. Начальникъ экспедиціи вызвалъ охотниковъ,—охотниками оказались всѣ. Отправились мичманъ К. и постоянные гребцы. Шлюпка сдавалась къ баржѣ по вѣтру и теченію на концѣ, поданномъ съ «Овцына», помощью веселъ сохраняя желаемое направленіе. Съ большимъ трудомъ и опасностью приставъ къ баржѣ и спустясь въ трюмъ, К. нашелъ ее дѣйствительно въ печальномъ состояніи. На глазъ было видно, какъ перегибались бимсы и шпангоуты, ходили пилерсы. Корпусъ скрипѣлъ и стоналъ каждымъ пазомъ, каждымъ стыкомъ. Воду едва успѣвали откачивать. Однако рабочіе, ободренные появленіемъ офицера и военной команды, заявили, что еще попро-

буютъ отстоять баржу, а если надежды не будетъ, дадутъ знать на «Овцынъ», чтобы ихъ сняли.

Шлюпка возвратилась на пароходъ. На разсвѣтѣ овцынскіе съ изумленіемъ увидѣли кромѣ своихъ двухъ баржъ еще и третью, стоящую невдалекѣ на якорѣ. «Малыгина», вслѣдствіи его малаго возвышенія надъ поверхностью воды, какъ ни высматривали, найти не могли. Когда стихло, пошли брать баржу № 3. Это оказалось довольно затруднительнымъ, такъ какъ она была окружена мелководьемъ, не позволявшимъ приблизиться на длину буксира. Воспользовались теченіемъ: «Овцынъ» сталъ на глубинѣ, позади баржи, она снялась съ якоря и была перехвачена на ходу. Остальное извѣстно.

10-го сентября въ 6½ часовъ утра пошли дальше. «Овцынъ» взялъ баржи №№ 1 и 3—самую большую и самую маленькую – «Малыгинъ»—№ 2 - среднюю. «Бардъ» держался впереди, указывая дорогу. Всю ночь сыпалъ густой снѣгъ, и столько его навалило на палубу, что приходилось сгребать за бортъ лопатами. Дуетъ слабый, но морозный сѣверный вѣтеръ. Станицы лебедей и гусей тянутся къ югу. Зима близится—успѣемъ ли дойти до мѣста?

Въ 11-ть часовъ обогнули мысъ Муксунинскій -- кончился Каменный Енисей. Пущенная про него молва, будто онъ изобилуетъ подводными опасностями, что̀ видно изъ самаго названія—совершенно несправедлива. Держась середины, мы имѣли ровныя глубины отъ 7 до 9 саженъ. То же продолжается и теперь.

Когда-то здѣсь дѣйствовали вулканическія силы; на многихъ островахъ подымаются коническія вершины потухшихъ сопокъ, съ довольно обширными кратерами.

Не видя нигдѣ «Скуратова» и «Игнатьева», не тревожились, полагая что Богатковъ идетъ Бреховской протокой.

Послѣ полудня разъяснило, но и на солнцѣ температура не поднималась выше 0°. Около 5-ти часовъ вечера прошли мысъ и мѣстечко Караульное—двѣ-три избушки и аккуратный домикъ, съ бѣлыми оконными рамами и зелеными ставнями. Въ этотъ день разсчитывали добраться до Луковой протоки, но, не дойдя трехъ верстъ, принуждены были за темнотой стать на якорь у мыса Курейкинъ хвостъ.

Ночью тучи окончательно разсѣялись; на небѣ вспыхнули яркія звѣзды, отражаясь въ зеркальной рѣкѣ и слабымъ, разсѣяннымъ свѣтомъ озаряя бѣлые откосы береговъ. Глубокая тишина царила кругомъ. Скрипъ шаговъ по обледенѣлой, посыпанной пескомъ палубѣ, неясный шорохъ въ прибрежномъ кустарникѣ, неожиданный всплескъ волны, повторяемые рѣчнымъ эхомъ, долго стояли въ неподвижномъ воздухѣ и замирали гдѣ-то въ отдаленіи. Морозъ крѣпчалъ. Къ утру уже было — 7°. Рѣка задымилась. Окрестности скрывались въ сухомъ, холодномъ туманѣ; но вотъ первые лучи вставшаго солнца пронизали густыя облака морознаго пара, и, то вздымаясь широкими клубами къ небу, то низко разстилаясь по

землѣ, онъ снялся съ рѣки и медленно поплылъ на сѣверо-западъ, гдѣ еще густѣлъ предразсвѣтный сумракъ.

Мы перешли къ Луковой протокѣ и стали здѣсь въ ожиданіи «Игнатьева». Его отсутствіе начинаетъ всѣхъ серьезно безпокоить. Если онъ не будетъ сегодня—завтра одинъ изъ пароходовъ пойдетъ его искать. Перспектива возвращенія въ Гольчиху, блужданія по неизвѣстнымъ берегамъ, въ поискахъ за товарищами, съ которыми легко и разойтись—никого особенно не прельщала. Наконецъ около 2-хъ часовъ пополудни появились изъ-за Курейкина хвоста «Игнатьевъ» и «Скуратовъ». Они шли снайтовившись бортъ о бортъ.

Луковая протока—это природная, глубокая гавань между правымъ берегомъ и небольшимъ островомъ, совершенно закрытая отъ вѣтровъ. Вотъ еслибы «Orestes» разгружался здѣсь, мы окончили бы работы въ 2 — 3 дня, не потеряли бы не только ни одной баржи, но даже ни одного рельса.

Такъ какъ нашего запаса угля не могло хватить до самаго Енисейска, то здѣсь былъ заготовленъ цѣлый паузокъ дровъ, который, вслѣдствіи убыли воды, оказался на мели.

Съ прибытіемъ «Игнатьева», суда немедленно зашли въ протоку. Къ борту паузка поставили въ рядъ три наши баржи, потомъ сталъ «Овцынъ» и крайнимъ «Малыгинъ». Начали спѣшно принимать дрова.

«Скуратовъ» представлялъ собой плавучій лаза-

ретъ, мичманъ Б. лежалъ раненый, командиръ въ последній день въ Гольчихѣ поскользнулся на трапѣ, упалъ и вывихнулъ себѣ колѣнку. Оставался одинъ лейтенантъ П., да и тотъ еле бродилъ, мучаясь ревматизмомъ ногъ. Половина команды хворала простудными болѣзнями. Къ счастью теперь всѣ поправлялись.

Скуратовцы разсказывали намъ свои похожденія, которыя были по истинѣ анекдотическаго свойства.

Во время пурги у мыса Дорофеева, когда суда экспедиціи скрылись въ снѣгу, они замѣтили, слѣдя по компасу, что «Игнатьевъ» сначала метался то вправо, то влѣво, а потомъ сталъ забирать все больше и больше къ сѣверу, наконецъ пошелъ прямо противъ вѣтра—обратнымъ курсомъ. Офицеры баржи, разговаривая между собой, хвалили осторожность Богаткова. Быстро падавшій барометръ указывалъ приближеніе шторма; береговъ не было видно и, по ихъ мнѣнію, онъ, не привыкшій бороться съ непогодой, весьма мудро рѣшилъ вернуться назадъ и отстояться. Черезъ нѣсколько часовъ открылся берегъ.

«Игнатьевъ» и «Скуратовъ» отдали якоря и здѣсь довольно спокойно провели, тяжелую для насъ, ночь съ 8-го на 9-е сентября. Утромъ, когда начало стихать и проглянуло солнце, стали готовиться къ съемкѣ. Вдругъ съ «Игнатьева» приходитъ шлюпка. Оказывается тамъ большой переполохъ—не могутъ понять, гдѣ находятся.

— Шли мы вчерашній день, слава тебѣ Господи, сколько времени! держали на Бреховскіе. Ну, ви-

димъ берегъ—стали. Думаемъ завтра, какъ стихнетъ, въ протоку; а нонче смотримъ—солнышко-то не съ той стороны восходитъ...

Взрывъ гомерическаго хохота и здоровыхъ и больныхъ покрылъ это наивное признаніе. Докторъ даже увѣрялъ, что отъ веселья и смѣха его паціентамъ стало сразу лучше.

— Какъ солнце не съ той стороны? Какіе Бреховскіе? Да вѣдь мы вернулись! Мы близъ Гольчихи!

— Это точно... какъ солнце взошло, и я самъ вижу, что неладно... а вы-то какимъ манеромъ говорите, что въ Гольчихѣ?

— Да по компасу, милый человѣкъ! зачѣмъ тутъ солнце?

Оказывается, «Игнатьевъ» плаваетъ безъ компаса! То-есть при покупкѣ парохода они были и даже не одинъ, но магниты изъ нихъ давно вынуты на игрушки дѣтямъ, а самыя тумбы уничтожены.

Механикъ, первый и ближайшій помощникъ капитана, искренно дивился, глядя на картушку.

— Ишь, ты, какая штука! восклицалъ онъ, какъ ты его ни верти, а енъ все одно направленіе дёржитъ!...

Однако ни въ этомъ забавномъ приключеніи, которое могло кончиться весьма печально, ни въ предъидущихъ промахахъ я ни на волосъ не виню Богаткова. Это былъ вполнѣ добросовѣстный и порядочный человѣкъ, дѣлавшій все, что могъ и умѣлъ. Отвѣтственность падаетъ всецѣло на пароходовладѣль-

ца, который изъ экономическихъ соображеній не рѣшается выписать хорошаго шкипера и, рискуя грузомъ и судномъ, стоющимъ десятки тысячъ, довольствуется прикащикомъ съ золотыхъ пріисковъ, благо тотъ не проситъ значительнаго содержанія [1]).

Наступила ночь тихая и звѣздная, какъ наканунѣ, но полная шума и оживленія. Рабочіе развели на берегу два огромныхъ костра, къ которымъ поминутно подбѣгали покурить и погрѣться. Багровыя пятна и длинныя черныя тѣни ложились по снѣжнымъ скатамъ и темной, чуть подернутой рябью, рѣкѣ. Въ морозномъ воздухѣ звонко раздавался смѣшанный говоръ толпы, крики, перебранка, грохотъ бросаемыхъ дровъ; звучно раскатывался дружный хохотъ надъ полетѣвшимъ въ воду носильщикомъ; неслась чья-то пѣсня; въ ближнемъ селѣ—версты три вверхъ по теченію – злобно заливались собаки.

Развѣтъ засталъ насъ за работой. Съ утра погода измѣнилась. Задулъ сырой южный вѣтеръ; небо покрылось тучами; температура повысилась до— $^1|_2$°R. Нѣкоторые изъ офицеровъ отправились на охоту—раздобыть свѣжей дичинки.

Мнѣ захотѣлось поразмять себѣ ноги. Перебираясь съ баржи на баржу, я достигъ берега и началъ карабкаться вверхъ по крутому склону, проваливаясь, увязая по колѣна въ снѣгу и хватаясь за вѣтви низкорослаго, тощаго кустарника, черной щети-

---

[1]) Съ трудомъ вѣрится, но мнѣ сообщали, что капитаны енисейскихъ пароходовъ получаютъ до 25 рублей въ мѣсяцъ!

ной торчавшаго изъ-подъ бѣлой пушистой пелены. Этотъ кустарникъ, не смотря на свой невзрачный видъ, пріятно ласкалъ глазъ. Онъ показывалъ, что мы приближаемся къ границѣ лѣсовъ, готовимся покинуть мрачное царство мха и голаго камня. Взобравшись на вершину откоса — около 120 футъ — я съ непривычки задохнулся и сѣлъ. Потомъ всталъ, оглянулся... Передо мной развертывалась унылая, величественная панорама. Къ сѣверу, востоку и югу тянулась необозримая тундра нагорнаго берега. Ни дерева, ни кустика не возвышалось надъ ея поверхностью. Все ровно, бѣло и мертво. Подъ ногами съ хрустомъ подавался замерзшій мохъ; мѣстами на кочкахъ выглядывали изъ-подъ снѣга жесткія, пожелтѣвшія метелки какой-то травы. На западѣ — широко раскинувшійся Енисей медленно катилъ свои волны, казавшіяся почти черными въ бѣлой рамкѣ покрытыхъ снѣгомъ береговъ. Какъ на картѣ, лежали передо мной группы низкихъ, намывныхъ островов; тускло поблескивали между ними мелкіе, уже замерзшіе протоки. Дальше подымалась стѣна лѣваго берега и за ней — опять безконечная, однообразная тундра... Далеко внизу скучились подъ самымъ обрывомъ наши пароходы и баржи. Крошечные люди копошились тамъ, что-то дѣлая, бѣгая взадъ и впередъ... Сюда доносился смутный гулъ голосовъ, стукъ дерева и шипѣнье пара, но какимъ жалкимъ, ничтожнымъ казался этотъ маленькій уголокъ, полный кипучей жизни, среди необъятнаго мертваго

простора. Пустыня дикая! проснешься ли ты когда-нибудь?.. Вѣтеръ уныло свистѣлъ въ ушахъ, словно жалуясь на свое одиночество; низко бѣжали тяжелыя дымныя тучи... Чувство тоски и унынія просилось въ сердце...

Я поспѣшно спустился внизъ поближе къ живымъ людямъ. Тамъ было неладно. Южный вѣтеръ сгонялъ воду; баржи могли сѣсть на мель. Въ 3 часа, не кончивъ погрузки, оставивъ на паузѣ нѣсколько саженъ дровъ, рѣшили уходить.

«Малыгинъ», взявъ свою баржу, благополучно вышелъ на рѣку. Здѣсь мы нѣкоторое время крейсировали, въ ожиданіи остальныхъ, потомъ стали на якорь. Погода испортилась; безпрерывно набѣгалъ туманъ; наступила оттепель съ пронизывающей сыростью—много хуже мороза.

Въ 6-мъ часу начало смеркаться, а «Овцынъ» все еще не выходилъ. «Бардъ» что-то дымилъ и двигался взадъ и впередъ по протокѣ.

— Неужто опоздали? подымался въ душѣ тоскливый вопросъ.

Придется ждать новой прибыли воды; стаскивать силой баржи, которыя текутъ при всякомъ напряженіи—невозможно.

Къ счастью оказалось, что баржи своевременно отведены на глубину, но при этомъ «Овцынъ» намоталъ себѣ на винтъ три перлиня и теперь занимается ихъ очисткой.

— Ну, значитъ—ложимся спать и ждемъ послѣ

завтра. Раньше не уйдемъ, проговорилъ командиръ, спускаясь съ мостика.

— Отчего же не раньше?

— А вы забыли, что такое завтра? Завтра—понедѣльникъ 13-го сентября.

Дѣйствительно, только къ вечеру слѣдующаго дня удалось водолазамъ окончить свою работу. Уходить было поздно—наступала ночь.

14-го на разсвѣтѣ въ протокѣ зашевелились. Первымъ выбѣжалъ «Бардъ», за нимъ медленно вышли «Овцынъ» съ двумя баржами и «Игнатьевъ» со «Скуратовымъ». Въ 7-мъ часу эскадра была на ходу. Тучи по прежнему заволакивали небо; временами наносило туманъ; сырость пронизывала до костей; свѣжій NW даже и здѣсь развелъ небольшую волну. Слегка покачивало. Но мы, кутаясь въ дождевики и ясно представляя себѣ, что творилось-бы при этомъ вѣтрѣ въ Гольчихѣ, находили погоду великолѣпной. Такъ какъ мѣста дровяныхъ запасовъ у «Игнатьева» были не всегда тѣ же, что и у насъ, пустили его идти по способности, и онъ скоро скрылся въ набѣжавшемъ туманѣ. Мы двигались въ кильватерной колоннѣ: «Бардъ», «Овцынъ» и «Малыгинъ». Въ трехъ верстахъ выше Луковой протоки находится селеніе съ неблагозвучнымъ прозвищемъ – Дураково, состоящее изъ трехъ дворовъ. При нашемъ проходѣ надъ однимъ изъ нихъ взвился флагъ. Вѣроятно, онъ долженъ былъ изображать собой русскій, но, по исконному обычаю, цвѣта оказались

перепутаны, и красная полоса попала въ середину.

Въ полдень, огибая мысъ Крестовскій, увидѣли первыя деревья. Низкорослыя, растрепанныя, самаго жалкаго вида — но все же деревья. На южныхъ склонахъ снѣгъ мѣстами растаялъ, и зеленѣла еще неувядшая травка. Мы жадно вглядывались въ эти признаки болѣе мягкаго климата. Между Крестовскимъ и Дудинскимъ, которыя лежатъ почти на одной параллели, Енисей дѣлаетъ крутой изгибъ къ сѣверу, и деревья снова исчезаютъ, замѣняясь тощимъ кустарникомъ. Я никогда не предполагалъ, чтобы граница лѣсовъ обозначалась такъ рѣзко. Въ 5 часовъ, идя протокой между правымъ берегомъ и Леонтьевскими островами, попали въ такой густой туманъ, что не видѣли «Овцына», хотя сирену его слышали подъ самымъ носомъ. Однако ходу не убавляли, потому что подъ берегомъ глубина была огромная—больше 8 саженъ. На нѣсколько секундъ надъ гребнемъ крутаго обрыва—футъ въ 200—мелькнули темные силуэты избъ селенія Леонтьевскаго; потомъ вновь все исчезло.

Въ 7-мъ часу туманъ разсѣялся; заморосилъ дождь. Солнце уже сѣло; тучи густо покрывали небо, но, благодаря полной лунѣ, все же можно было идти впередъ. Около полночи прошли Дудинское и въ первомъ часу ночи стали на якорь выше села, у склада запасенныхъ дровъ. Передъ постановкой на якорь чуть не произошло несчастія. Откуда ни возьмись, подъ самымъ носомъ парохода вынырнула изъ тьмы

шлюпка, биткомъ набитая инородцами. Мы шли со всѣми отличительными огнями, и насъ-то они моглибы видѣть еще издалека. Очутясь въ опасномъ положеніи, бѣдняги завыли растерялись и начали крайне неудачно метаться изъ стороны въ сторону, словно нарочно стараясь попасть подъ колеса.

Едва мы отъ нихъ, а не они отъ насъ, увернулись. Дудинское первый пунктъ на Енисеѣ, заслуживающій названія села, съ церковью и населеніемъ до 100 душъ. Здѣсь имѣетъ постоянное мѣсто жительства купецъ Сотниковъ, владѣлецъ парохода и залежей каменнаго угля весьма хорошаго качества, которому можно предсказать хорошую будущность.

15-го сентября съ разсвѣта грузили дрова, а въ 9 часовъ утра снялись съ якоря. Погода отвратительная: тепла 2°, къ этому сырой, пронизывающій южный вѣтеръ и безпрерывно набѣгающій туманъ. Послѣ полудня, идя противъ вѣтра, мы теряли въ скорости около двухъ узловъ ($3^1/_2$ версты).

За Дудинскимъ опять появились сначала отдѣльныя деревья, потомъ жидкія рощицы и наконецъ— лѣсъ, становившійся, по мѣрѣ движенія къ югу, все гуще и гуще. За Грибановскими островами рѣка съузилась до 1—2 верстъ. 12-ти саженный фарватеръ идетъ подъ самымъ обрывомъ праваго берега.

Въ 11 часовъ вечера стали на якорь, пройдя за день изъ-за свѣжаго вѣтра всего 100 верстъ. Мягкій песчаный грунтъ устья смѣнился галькой. Долго дрейфовали, прежде чѣмъ удалось задержаться.

16-го, снявшись въ 6-мъ часу, пошли въ новомъ порядкѣ: впереди «Малыгинъ», затѣмъ «Овцынъ» и «Бардъ». Къ намъ пересѣлъ лоцманъ, вывезенный лейтенантомъ З. изъ Енисейска.

Семенъ Алексѣевичъ Дружининъ, небольшаго роста, худощавый старичекъ лѣтъ семидесяти съ лишнимъ, скоро пріобрѣлъ всеобщія симпатіи. Съ дѣтства плавая по Енисею, онъ при своей болтливости служилъ для меня живой лѣтописью рѣки. Каждый изъ поселковъ, расположенныхъ по берегу въ 20—30 верстахъ одинъ отъ другаго, имѣлъ свою исторію. Гольчиху дѣдъ сильно не жаловалъ.

— Слава Те Господи! сколько годовъ хожу на пароходахъ, а всего два раза быть довелось. Оно конечно ученымъ людямъ виднѣе, а по мнѣ самое нестоющее мѣсто, говорилъ онъ, сердито хмуря брови,— да и что тамъ за жисть? кругомъ азіаты...

— А ты, дѣдъ, азіатовъ не уважаешь?

— Азіатъ азіату — розь. Вотъ что. Самоѣдинъ, къ примѣру, самый послѣдній народъ. Онъ и родился, и помретъ — въ баню не сходитъ. Живетъ бѣдно, грязно... Главная причина—пріимчивости [1]) въ ёмъ нѣтъ. Долганы, юраки, вотъ что у Дудинки живутъ, тѣ быдто поладнѣе будутъ. Остякъ, скажу тебѣ прямо, обстоятельный человѣкъ. Въ деревняхъ богато. Одёжа на ёмъ наша русская. Кои даже на русскихъ бабахъ женаты.

[1]) Енисейцы говорятъ пріимчивости, а не предпріимчивости.

— Жить-то съ ними приходилось по-долгу?

— А то какъ-же! тутъ, недалече отъ Дудинки, зимовалъ я съ товарищемъ на баркѣ. Не успѣли, слышь, сплавить. Ничего—ласковы были. Только ужь больно дивились, какъ мы себѣ въ бочкѣ баню справили.

Дѣдъ, не лишенный самолюбія разскащика, замолчалъ, ожидая вопроса.

— Какъ такъ въ бочкѣ?

— А такъ. Терпѣли мы, почитай, съ полъ-зимы. Да потомъ взяли бочку— большія у насъ эдакія были, подъ рыбу—съ одного конца рогожей завѣсили, сверху, съ боковъ, сзади—землей засыпали да каменьями, а поверху огонь развели. Ладно вышло! такъ, я те скажу, парились, что лучше и не надо. Прожили этимъ манеромъ до весны, а то заѣли-было проклятыя...

— А весной въ этой бочкѣ рыбу солили?

— Вѣстимо. Куда-жъ ее?..

Впрочемъ самъ дѣдъ въ настоящее время не отличался чистоплотностью. Мылъ по утрамъ лицо и руки, а въ баню разсчитывалъ сходить въ Енисейскѣ, откуда выѣхалъ въ началѣ іюля.

Въ низовьяхъ рѣки единственныя средства существованія—рыболовство и охота. Во время лова осетрину скупаютъ по $1^1/_2$ рубля пудъ. Цѣна назначается произвольно купцами, посылающими для этой цѣли свои пароходы. Невозможность самостоятельнаго сбыта производитъ то, что, несмотря на богатство рѣки, жители часто нуждаются. Тѣ же купцы

ведутъ здѣсь торговлю мануфактурными товарами и продуктами южныхъ округовъ, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи промышленникъ находится въ полной зависимости отъ нихъ.

Характерно, что Енанисеѣ до сихъ поръ не умѣютъ готовить икры въ прокъ. Лѣтомъ свѣжая икра—12 рублей пудъ, зимой ни за какія деньги не достанете ни свѣжей, ни паюсной. Передавали, будто мѣстные купцы давно ужь поговариваютъ, что надо бы выписать изъ Астрахани мастеровъ; но сколько еще столѣтій будутъ продолжаться эти разговоры—неизвѣстно.

Около 6 часовъ вечера подошли къ Плахинскому, гдѣ «Игнатьевъ» грузился дровами. Здѣсь «Овцынъ» и «Игнатьевъ» обмѣнялись буксирами, такъ какъ Богатковъ отказывался отъ баржъ и просилъ дать ему «Скуратова» только на время, пока не пройдемъ Дудинки, гдѣ рѣка теряетъ свой бурный полуморской характеръ.

На «Малыгинъ» пріѣзжали два мужика съ берега и просили «хоть малый кусочекъ землянаго угля».

— Зачѣмъ вамъ?

— Сказываютъ, больно хорошо, какъ ежели корова заскучаетъ, въ нутро давать.

Подивились неслыханному лѣкарству, но просьбу удовлетворили. Не знаю, какъ будутъ чувствовать себя коровы,—мужики уѣхали довольными и благодарили.

Погода исправилась. Тучи разсѣялись; взошла

полная луна. Берега были видны совершенно ясно. Въ 9 час. вечера снялись и всю ночь шли полнымъ ходомъ.

Утромъ 17-го видѣли лебедей, которые здѣсь еще не отлетѣли. Около полудня первый разъ прошли черезъ 4-хъ саженную глубину.

Наканунѣ утромъ, когда я жаловался на худую погоду, дѣдъ утѣшалъ меня, суля обѣтованную землю за Ермаковой лукой, гдѣ рѣка, дѣлая крутой изгибъ, пересѣкаетъ невысокій горный кряжъ.

— Сразу нельзя, говорилъ онъ, сами видите: пошла тайга— пропалъ снѣгъ, а вотъ таперича скоро и вовсе тепло станетъ.

Дѣдъ оказался счастливымъ пророкомъ. Въ 6-мъ часу вечера, когда мы проходили Ермакову луку, температура +9°R. Солнце только-что сѣло, и на противоположной сторонѣ горизонта всплыла серебристая луна. Наступили чудныя сумерки. Западъ не горѣлъ яркимъ золотомъ; съ востока не надвигалась ночная тьма, но все небо было охвачено мягкимъ розовато-фіолетовымъ свѣтомъ сѣверной зари. Блѣдныя краски, нѣжные, едва уловимые переливы тоновъ... Не шумитъ, не плещетъ великая рѣка о крутые откосы береговъ, изрытыхъ весенними потоками... На перерѣзъ нашего курса спѣшитъ лодка съ двумя гребцами. «Дровъ не надо ли?» —Нѣтъ!.. и странно звучитъ человѣческій голосъ среди безмолвія наступающей ночи. Какъ тихо и мирно вокругъ. Смолкла даже говорливая команда, собравшаяся на бакѣ. Прислонясь

спиной къ рубкѣ, стоитъ на мостикѣ командиръ и пристально смотритъ куда-то вдаль. О чемъ онъ думаетъ?.. что ему грезится?.. можетъ быть, годы молодости, можетъ быть, родина, семья, дѣти... которыхъ ему не суждено больше увидѣть, радость свиданія, котораго ужь не будетъ на этой землѣ...

Какая-то тихая, ласкающая грусть сходитъ на сердце. Словно чего-то жалѣешь невозвратнаго, словно что-то любишь далекое, неясное, чего-то просишь и ждешь невозможнаго... Да, именно въ такой обстановкѣ, на такой же великой и пустынной въ былое время рѣкѣ родилась наша пѣсня тихая, вдумчивая, грустная... Не въ годахъ рабства и тяжкой борьбы, а въ этомъ величавомъ спокойствіи природы, въ загадочномъ молчаніи сѣверной ночи кроется тайна характера русской поэзіи.

Въ потемнѣвшемъ небѣ ярче прорѣзалась луна; за кормой блестящимъ мостомъ протянулось отраженіе ея лучей; облака въ вышинѣ сдѣлались пепельнаго цвѣта; закатъ чуть алѣлъ; робко затеплились первыя звѣзды... Мы идемъ совсѣмъ близко къ лѣвому берегу. Надъ его гребнемъ зубчатой стѣной стоитъ, не шелохнется еловый лѣсъ. Вотъ мелькнули огни; показались приземистыя избы — это Ермаково. «Овцынъ» дѣлаетъ сигналъ: «отдать якорь!» — и мы останавливаемся.

Съ берега пріѣхали остяки — цѣлое семейство. По-русски говорятъ довольно правильно; голосъ гортанный, но симпатичный; лица открытыя и привѣтливыя.

Одѣты по-зимнему въ оленьи шкуры, но платье того же покроя, какъ и у нашего дѣда. Баба—совсѣмъ калмычка—повязана ярко-краснымъ съ разводами платкомъ. Привезли на продажу осетра, кедровыхъ орѣховъ и брусники.

— Птица была! Не зналъ, что придешь—самъ съѣлъ, говорилъ молодой парень, широко улыбаясь и вынимая изъ-за пазухи, какъ вещественное доказательство, пару крыльевъ. Неисправимый Индрисъ снова пытался пустить въ ходъ татарскій языкъ, но такъ же безуспѣшно, какъ и въ Югорскомъ шарѣ.

18-го сентября въ $5^1|_2$ часовъ утра пошли дальше. Погода какъ у насъ въ началѣ сентября—тихій, мягкій день бабьяго лѣта. Фарватеръ держался подъ правымъ берегомъ съ глубинами не меньше 5 саженъ. Дѣдъ посвящалъ меня въ своеобразную терминологію мѣстныхъ лоцмановъ.

Слово «перекатъ», столь употребительное на Волгѣ, здѣсь совершенно неизвѣстно. Длинная мель, идущая по серединѣ рѣки, называется «осередышъ», если отъ нея поперекъ теченія отдѣляются подводныя грядки—это «заструги» или «наструги». Обширная отмель у берега—«лещадь». Подводная коса—«карга». Отдѣльная, небольшая мель—«опечка». Каменная гряда параллельно берегу—«луда». И много другихъ очень мѣткихъ и образныхъ. Здѣсь, между прочимъ, никогда не говорятъ теченіе, а «быстрая» или «тихая» вода.

За эти дни я могъ убѣдиться, что нашъ лоцманъ—

одинъ изъ лучшихъ на Енисеѣ—плавая постоянно на пароходахъ, не употребляющихъ лота, а наметывающихъ шестомъ и слѣдовательно мѣряющихъ глубину только меньше двухъ саженъ, прекрасно знаетъ, гдѣ мель, гдѣ нельзя, гдѣ можно пройти, но гдѣ настоящій глубокій фарвартеръ—ему неизвѣстно. Межъ тѣмъ этотъ вопросъ является существенно важнымъ для прохода въ рѣку глубоко-сидящихъ морскихъ судовъ

Дальше, ближе къ Енисейску мы не разъ послѣ 5—6 саженъ вдругъ попадали на 12 футъ, а затѣмъ снова сходили на глубину. Велъ дѣдъ, увѣрявшій, что всѣ и всегда здѣсь ходятъ. Но еслибы подобный баръ тянулся черезъ всю рѣку, то, несомнѣнно, на немъ существовало бы усиленное теченіе; на дѣлѣ же наблюдалось даже уменьшеніе его скорости. Отсюда являлась почти увѣренность, что гдѣ-нибудь всторонѣ имѣется глубокое русло, никому неизвѣстное, никѣмъ не розыскиваемое просто за ненадобностью, такъ какъ для парохода осадкой въ 6 ф. глубина 12 ф. совершенно достаточна.

Около полудня миновали устье рѣки Курейки, гдѣ зимовалъ Виггинсъ на «Темзѣ». Онъ разсказывалъ, что тогда весенній разливъ достигъ высоты 120 футъ (!). «Темзу» пронесло надъ затопленными деревьями, и при убыли воды она оказалась въ тайгѣ, причемъ изрядно поломалась. Сняться и спасти пароходъ удалось, только благодаря тому обстоятельству, что въ Енисеѣ вода прибываетъ два раза: первый—

когда идетъ Енисей, а второй—когда вскрывается Ангара, дней черезъ 10 послѣ перваго.

Здѣсь на мысу стоитъ небольшой домикъ, въ которомъ живетъ круглый годъ курейскій вахтеръ—самый сѣверный пунктъ постояннаго мѣстопребыванія власти

Въ 7 часовъ вечера прошли черезъ 12-ти футовую мель Небо заволокло тучами, но тепло—даже ночью +8° R. 19-го сентября въ 6 час. утра отдали якорь у села Селивановскаго противъ устья рѣки Туруха-на, на которой въ 15 верстахъ вверхъ по теченію стоитъ городъ Туруханскъ. Въ настоящее время его собираются перенести на берегъ Енисея.

Селивановское, 6—7 дворовъ, разсыпавшихся по гребню крутаго нагорнаго берега, населено послѣдователями извѣстнаго толка. Мнѣ впервые приходилось видѣть этихъ сектантовъ, и на меня они произвели самое отталкивающее впечатлѣніе. Ихъ совсѣмъ нельзя назвать женоподобными, какъ это обыкновенно дѣлаютъ. Все сходство съ женщиной ограничивается отсутствіемъ усовъ и бороды. Скорѣй это живые мертвецы. Матово-блѣдный цвѣтъ дряблой, обвисшей кожи, преждевременно собравшейся въ мелкія морщинки, обострившійся носъ, тусклые, словно выцвѣтшіе, глаза, безжизненный взглядъ, голосъ тонкій и слабый—робкія обиженныя дѣти говорятъ такъ—движенія автомата, - все возбуждаетъ какое-то странное чувство—смѣсь жалости и гадливости Среди мѣстныхъ жителей они не пользуются уваже-

ніемъ. Мальчишки надъ ними открыто глумятся, а бабы просто ненавидятъ. Среди продавцовъ, привезшихъ свѣжее мясо, лукъ, картофель, рѣпу и тому подобное, оказались на двухъ сосѣднихъ шлюпкахъ селивановецъ и толстая краснощекая баба, такъ и пыщущая здоровьемъ. Что произошло между ними — не знаю, но она вдругъ разразилась такимъ потокомъ бѣшеной брани, что даже матросы и тѣ попятились. Это не былъ обычный бабій визгъ, на который мужики досадливо машутъ рукой, приговаривая: «ну, ну! закатилась!» Въ ея словахъ слышалась прочувствованная злоба, глубокое презрѣніе и ненависть. Она выбирала самыя обидныя, самыя унизительныя выраженія. Ей, видимо, хотѣлось не обругать, а оскорбить и, какъ можно, больнѣе. Сектантъ только ежился и пробовалъ улыбаться, оглядываясь кругомъ, словно загнанный звѣрь, увѣренный, что пощады не будетъ. Онъ имѣлъ такой приниженный, несчастный видъ, что я не выдержалъ, строго прикрикнулъ на бабу, чтобы она не шумѣла у борта, нето прогонятъ, и скорѣе отошелъ прочь.

Ввиду того, что всѣ совѣтовали намъ торопиться, стращая близкой зимой и возможностью не попасть въ этомъ году въ Енисейскъ, рѣшено было идти подъ углемъ, пока его хватитъ. Мы подтянулись къ борту «Скуратова» и, въ то время, какъ «Игнатьевъ» принималъ дрова, перегружали къ себѣ уголь. Пользуясь стоянкой, измѣрили скорость теченія, она достигала подъ берегомъ $1^3/_4$ узла. т. е.

около 3-хъ верстъ въ часъ, посрединѣ же фарватера была, вѣроятно, еще больше. Въ полдень тронулись дальше, дружески распростившись съ Н. И. Чуевскимъ, котораго у насъ въ шутку прозвали «roi de Touroukhansk». Добытая сегодня свѣжая провизія была его послѣдняя услуга.

Въ 2 часа пополудни прошли нижнюю Тунгузку. Этой рѣки мы изрядно побаивались. Протекая по каменистому ложу, она очень рано—случается въ первой половинѣ сентября — выпускаетъ въ Енисей «шугу» [1]). Надежда добраться до Енисейска раньше ледохода значительно окрѣпла.

Выше Туруханска берега рѣки становились все болѣе и болѣе оживленными. Поселки и зимовья, щедро нанесенныя на карту по всему берегу, даже сѣвернѣе Гольчихи, въ большинствѣ случаевъ вовсе не существовали; къ югу отъ мыса Караульнаго они состояли изъ 2—3 дворовъ, здѣсь же мы часто видѣли многолюдныя деревни и села.

Подъ вечеръ проходили мимо села Міроѣдинскаго — странное названіе! —красиво раскинувшагося по возвышенности праваго берега. Избы высокія, большія, съ тесовыми кровлями; многочисленные сараи, навѣсы, клѣтушки; лѣсъ кругомъ вырубленъ; среди пожелтѣвшей листвы молодаго березняка бѣлѣло зданіе часовни; по отлогому скату бродили коровы, пощипывая еще зеленѣвшую травку; шли бабы въ пест-

[1]) Шуга—сибирское названіе смѣси ледянаго сала и мелкихъ льдинъ, составляющей осенній ледоходъ.

*

рыхъ подоткнутыхъ сарафанахъ съ коромысломъ и ведрами на плечѣ; по завалинкамъ сидѣли старики; на неширокой низменной полосѣ, у самой рѣки, дымились юрты кочевыхъ остяковъ; бродили олени, выли привязанныя собаки; въ размытомъ дождями черноземѣ копались жирныя свиньи; босоногія ребятишки съ крикомъ и визгомъ бѣжали взапуски, шлепая по водѣ и пробуя не отстать отъ парохода. Родная, знакомая картина, дорогая сердцу.

— Шабашъ, братцы! пришли въ Рассею! говорили матросы.

Дѣдъ, нашедшій во мнѣ любознательнаго слушателя его разсказовъ, болталъ безъ умолку и, разумѣется, хвалилъ старину, сокрушаясь о добромъ старомъ времени.

— Нынче што! такъ ли жили... Бывало, плохой мужикъ, коли у него 10—20 коней, по 30 и больше держали! По эфтимъ мѣстамъ хлѣбушко-то не родится, ну, значитъ, рѣка, да тайга—онѣ кормилицы. Зимой почту содержатъ, лѣтомъ на пріиски сѣно да хлѣбъ возятъ; а понѣ и звѣря, и рыбы все будто въ умаленіи.

— Да отчего же? Вѣдь никто ихъ не трогаетъ, порядки старые—живутъ на своей волѣ...

— Такъ-то оно такъ, а все супротивъ прежняго куда слабже...

— Звѣря лютаго у насъ мало, продолжалъ онъ, отвѣчая на мой вопросъ объ охотѣ,—только что медвѣдь. Медвѣди дѣйствительно страшенные попадаются.

Отъ носу до хвоста по 20 четвертей бываютъ! Прочій звѣрь смирный — песецъ, лисица, соболь, бѣлка... А что, ваше благородіе, никакъ я порядки ваши не упомню — чаю теперича получить можно? неожиданно заявлялъ дѣдъ.

Старый плутъ отлично зналъ судовое росписаніе, но былъ увѣренъ, что я не откажу ему въ просьбѣ и пошлю вѣстоваго за чаемъ въ каютъ-компанію. Чай онъ пилъ въ огромномъ количествѣ, кладя въ кружку обыкновенное соленое масло и закусывая бѣлымъ сухаремъ.

Въ 7-мъ часу вечера наступила такая тьма, что, какъ говорится, хоть глазъ выколи. Свѣтъ полной луны не въ силахъ былъ пробиться сквозь густыя, тяжелыя тучи. Стали на якорь. Теплая тихая ночь. Въ окружающемъ мракѣ ярко и весело горятъ огни судовъ. «Овцынъ» принимаетъ уголь со «Скуратова». Какъ-то даже не вѣрится — неужто кончились наши мытарства?

20-го сентября снялись на разсвѣтѣ. Съ утра погода хмурилась; барометръ скачками шелъ книзу, но все разрѣшилось крупнымъ, теплымъ, совсѣмъ лѣтнимъ дождемъ. Послѣ полудня обогнали собачью почту. Три пса довольно бойко тянули бичевой шлюпку; за ними, подгоняя ихъ палкой, бѣжалъ «ямщикъ». Въ шлюпкѣ сидѣлъ почтальонъ и вторая смѣна собакъ со своимъ погонщикомъ. Въ то время, какъ мы поравнялись съ ними, разгорѣлось почтовое самолюбіе, учащенные удары посыпались на спины удалой

тройки, и съ полчаса шлюпка не отставала отъ парохода. Однако, собаки, видимо, не понимали причины такой горячности и вовсе ея не одобряли. Коренникъ—большой бѣлый песъ—раза три внезапно поворачивался и кидался на почтаря, заставляя его поспѣшно ретироваться. Ѣздовыя собаки — это необычайно смышленныя животныя. Онѣ покорны, усердны, но до извѣстной степени. Привыкнувъ къ опредѣленному порядку, зная дѣло и старательно исполняя свои обязанности, онѣ возмущаются всякимъ насиліемъ, считая его какъ бы нарушеніемъ своихъ правъ. Среди нихъ существуетъ прирожденное чувство справедливости, выражающееся часто весьма рѣзко и своеобразно.

Если въ упряжкѣ изъ 16 собакъ одна вздумаетъ лѣнтяйничать и будетъ бѣжать, только дѣлая видъ, что везетъ, то это не пройдетъ ей даромъ. Всѣ прочія разомъ останавливаются, кидаются на нее, задаютъ хорошую трепку — затѣмъ порядокъ возстановляется, и возница никогда не мѣшаетъ подобной расправѣ. Иногда эта ненависть къ бездѣльникамъ превращается даже въ жестокость. Такъ, напримѣръ, если хозяинъ пуститъ бѣжать внѣ упряжки больную собаку — съ ушибленной или стертой лапой,—то опытный старый песъ всегда держится отъ саней на благоразумномъ разстояніи, потому что стоитъ ему приблизиться къ своимъ везущимъ, работающимъ товарищамъ — и онъ будетъ загрызенъ на смерть. Хорошіе коренники выбираются еще щенками по особымъ примѣтамъ, тщательно воспитываются отдѣль-

но отъ другихъ собакъ, дрессируются и цѣнятся до 150—200 рублей.

Ночь провели на якорѣ.

21-го сентября кончились наши красные дни. Зима видимо гонится слѣдомъ за экспедиціей. Въ 10 часовъ утра, при свѣжемъ юго-восточномъ вѣтрѣ началась мятель, временами вовсе скрывавшая берега. Дѣдъ утѣшалъ, говоря, что такая мятель еще ничего, что это «завируха»—сухая мятель, а вотъ коли понесетъ «залѣпиха»—мокрая, тогда хоть и не пробуй идти впередъ—все равно ничего не увидишь. Послѣ полдня немного разъяснило Дѣдъ въ валенкахъ и оленьей шубѣ шерстью внаружу, надѣваемой черезъ голову—«сокуй»—недоступный никакимъ атмосфернымъ вліяніямъ, благодушно повѣствовалъ мнѣ о жестокости здѣшнихъ нравовъ.

— Озорной народъ, ваше благородіе! Его не задѣнь—ёнъ лютый. Да и то сказать—до начальства далеко... ну, и того... больше своимъ судомъ, ежели что... Вотъ, къ примѣру, Ямское, указалъ онъ рукой на село, прятавшееся въ лѣсу, здѣсь одного мужика уходили. Хорошій мужикъ былъ. Я въ тѣ поры еще мальчонкой годовъ пятнадцати въ рыбакахъ ходилъ. Про пароходы еще и не слышали. Хлѣбъ казенный на баркахъ сплавляли. Пригонятъ въ Туруханскъ что-ли, сдадутъ по начальству, а потомъ домой-отъ берегомъ; гдѣ на собакахъ, гдѣ на лошадяхъ, а гдѣ и пѣшкомъ. Вотъ и онъ такъ. За старшого шелъ... знавалъ я его, Миколаемъ звали.

— Какъ же уходили-то? спросилъ я и услышалъ безхитростный разсказъ о такой звѣрской казни, до которой не додумывались даже и американскіе линчисты... у меня по спинѣ мурашки забѣгали.

— За что же?

— За что — извѣстно за бабъ...

Около 2-хъ часовъ пополудни шли довольно ровной, хорошей глубиной. «Овцынъ», снайтовившись бортъ о бортъ со «Скуратовымъ», держалъ намъ въ кильватеръ. Вдругъ видимъ: они раздѣлились и смотрятъ носами въ разныя стороны. Оказалось, что «Овцынъ» вылетѣлъ на 7-ми футовую «опечку». Благодаря мягкому грунту, на пароходѣ почти не ощутили удара, но «Скуратовъ», на половину разгруженный и сидѣвшій меньше 6-ти футъ, слѣдовательно не задержавшійся, силой инерціи порвалъ восемь здоровыхъ швартововъ, какъ тонкія нитки, и выскочилъ далеко впередъ. Не получая никакого сигнала, мы продолжали идти впередъ малымъ ходомъ. Вскорѣ «Овцынъ» снялся, снова забралъ «Скуратова» и догналъ насъ.

Въ 8 часовъ вечера стали на якорь, а въ 5 ч. утра снялись и продолжали плаваніе. День прошелъ безъ всякихъ приключеній. Шли все время подъ правымъ берегомъ. Здѣсь онъ утрачиваетъ свой скалистый характеръ и мѣстами очень красивъ. Высокая земляная стѣна съ глубокими падями, вырытыми вешними потоками; груды поломаннаго и вырваннаго съ корнемъ лѣса; кое-гдѣ уцѣлѣла еще трава; зеленѣ-

етъ мелкій кустарникъ. Правый берегъ покрытъ исключительно хвойнымъ лѣсомъ и составляетъ рѣзкій контрастъ съ противоположнымъ, лѣвымъ и его низкими намывными островами, которые горятъ на солнцѣ всѣми оттѣнками краснаго и желтаго цвѣта увядающихъ листьевъ.

Въ 9-мъ часу вечера въ непроглядной тьмѣ подошли къ селу Верхне-Имбатскому. «Овцынъ» сдѣлалъ сигналъ: «Малыгину» принимать дрова. Руководствуясь свѣтомъ разложенныхъ на берегу костровъ, бросили якорь саженяхъ въ 20-ти отъ него о бортъ съ нашими баржами. Теченіе 2 узла, т. е. $3^1/_2$ версты въ часъ. Грунтъ галька—якорь не держитъ. Пришлось заводить перлиня на берегъ. Кое-какъ устроились, принялись за работу. Южный вѣтеръ смѣнился сѣвернымъ; температура упала ниже 0°.

Въ 5 час. начали сниматься. Свѣтало. Поблѣднѣли огни костровъ; въ утреннемъ туманѣ обрисовалась на горѣ красивая бѣлая церковь съ 5 зелеными куполами и колокольней; все еще спало; только пѣтухи нарушали безмолвіе, перекликаясь другъ съ другомъ; отъ церкви тянулся рядъ избъ съ обширными дворами и службами.

— Что, дѣдъ, Енисейскъ больше Имбатскаго? спрашивалъ я, ежась отъ холода.

— А ну васъ, обидѣлся тотъ за свой родной городъ, у насъ соборъ, четыре церкви приходскія, два монастыря, каменныхъ домовъ 24 обывательскихъ, опричь казенныхъ! А вы—Имбатское!...

Дѣдъ не на шутку озлился и весь день со мной не разговаривалъ. Даже усиленныя порціи чая и масла не могли разсѣять его мрачнаго расположенія духа.

Къ вечеру стали на якорь. Дорогой попадались замерзшіе мелкіе ручьи и рѣчки. Ночью первый разъ видѣли сѣверное сіяніе при безоблачномъ небѣ.

Не обидно ли? Были въ Ледовитомъ океанѣ, поднимались подъ 74° широты и увидѣли сѣверное сіяніе, находясь на 3° сѣвернѣе Петербурга! Темныхъ ночей было вполнѣ достаточно. Это интересное явленіе столько разъ описано и въ стихахъ, и въ прозѣ, что говорить о немъ не буду. Къ тому же оно не отличалось особенной силой.

По обычаю снялись на разсвѣтѣ. «Игнатьевъ» ушелъ впередъ, но скоро мы его догнали—онъ стоялъ на мели и тщетно работалъ назадъ то обѣими колесами сразу, то поочередно. «Овцынъ» весьма быстро и удачно стащилъ его на свободную воду, но пока переводили баржи и возстановляли должный порядокъ, было потеряно немало драгоцѣннаго свѣтлаго времени. Этотъ день, неудачно начавшійся, неудачно и кончился. Въ 7-мъ часу попали на «заструги» — перемѣнныя глубины отъ 18 до 10 фут. Дѣдъ повелъ искать фарватера подъ правымъ берегомъ, но тамъ оказалось 6 фут. Путались между мелями словно у недоброй памяти Матте-Сале. Поминутно со всѣхъ сторонъ неслись сигнальные свистки: «Мелко! Мелко!» Наконецъ подъ лѣвымъ берегомъ нашли глубину и отдали якорь.

25-го сентября видѣли нѣсколько остяцкихъ шлюпокъ. При первой встрѣчѣ съ ними всѣ офицеры выскочили наверхъ. Казалось, мы какимъ-то чудомъ перенеслись въ Японію, и передъ нами тихо плывутъ характерныя нагасакскія «фунэ». Та же легкость постройки, тонкій, круто загнутый кверху носъ, низкая продолговатая рубка съ раздвижными стѣнками. Чѣмъ объяснить эту полную тождественность типа шлюпки здѣсь, въ центрѣ Сибири, и на островахъ Тихаго океана, отдѣленныхъ отъ Енисея огромнымъ материкомъ и Японскимъ моремъ, когда во Владивостокѣ, въ Татарскомъ проливѣ и на Амурѣ, несравненно болѣе близкихъ, не замѣчается ничего подобнаго?

Послѣ полудня остановились у Сумарокова грузить дрова и здѣсь заночевали. Большое, богатое село. Много избъ совсѣмъ новыхъ съ вычурными рѣзными коньками и крыльцами; конечно, есть и бѣдныя, покосившіяся хаты, но такихъ двѣ, три. Въ видѣ страннаго исключенія постройки безпорядочно разбросаны по гребню берега; нѣтъ широкой, сквозной улицы, необходимой принадлежности всякой деревни. Къ югу отъ села находится глубокій оврагъ, на днѣ котораго блеститъ ледъ замерзшаго ручейка, впадающаго въ Енисей. Весной этотъ ручеекъ превращается въ бурную рѣку. По двумъ бревнамъ, брошеннымъ черезъ оврагъ, мы перебрались на другой его берегъ. Здѣсь среди зеленой чащи молодаго ельника возвышалась скромная церковь,

а за ней рядъ холмиковъ и простыхъ деревянныхъ крестовъ. Постояннаго священника нѣтъ; онъ пріѣзжаетъ нѣсколько разъ въ годъ,—не помню откуда—для совершенія необходимыхъ требъ. Зато существуетъ кабакъ и его владѣлецъ, мѣстный богачъ и кулакъ, Иванъ Захарычъ. Увидѣвъ гуляющихъ офицеровъ, онъ зазвалъ ихъ къ себѣ и кромѣ обычнаго угощенія подчивалъ елисѣевской мадерой и коньякомъ, которые послѣ нашихъ вывезенныхъ изъ-за границы винъ становились поперекъ горла,—въ Сибири повсюду еще держится елисѣевское царство. Затѣмъ, какъ бы отдавая визитъ, онъ явился съ сыномъ на пароходъ. «Самъ», одѣтый въ шубу на великолѣпномъ бѣломъ баранѣ, съ жидкой полусѣдой бородкой и непріятными, безпокойными глазами, держался почтительно, но довольно непринужденно, говорилъ о высотѣ воды, о погодѣ, совѣтовалъ торопиться. Сынъ, здоровый малый, съ глуповатымъ лицомъ, стоялъ неподвижно, не рѣшаясь сѣсть, словно приросъ къ косяку двери. Предложенное вино выпивалъ залпомъ, на вопросы отвѣчалъ односложно, испуганно косясь на отца, и видимо почувствовалъ большое облегченіе, когда тотъ приказалъ ему сбѣгать куда-то. Вообще эти типы не оставили во мнѣ благопріятнаго впечатлѣнія.

За обѣдомъ у насъ былъ Валтасаровъ пиръ: ни одного блюда изъ консервовъ! блины съ икрой и сметаной, сливочное масло, пшеничныя лепешки... Какъ только мы остались живы!

26-го сентября «Овцынъ» пошелъ впереди, взявъ къ себѣ дѣда. Пасмурно, сверху сыплется что-то неопредѣленное нето дождь, нето снѣгъ; по крайней мѣрѣ тихо.

Въ 11 часовъ утра прошли устье Средней Тунгузки или Подкаменной. Выше ея Енисей пробиваетъ себѣ дорогу въ «камнѣ» (сибирское названіе небольшаго горнаго хребта). Мѣстами онъ съуживается до 200 — 300 саженъ. По бокамъ круто вздымаются черныя стѣны, сверху покрытыя сосновымъ лѣсомъ. Вода кипитъ, какъ въ котлѣ. При полномъ ходѣ впередъ мы движемся очень медленно. Дикіе, но красивые берега. Они напоминаютъ живописнѣйшія мѣста норвежскихъ шхеръ и, пожалуй, даже превосходятъ ихъ своей оригинальностью. Поразительно хорошъ единственный здѣсь островокъ-скала, круто поднимающійся съ большой глубины на высоту около 30 саженъ почти посрединѣ русла. Онъ не великъ, продолговатой формы. Уголъ, обращенный къ теченію, изъѣденный волнами, разбиваетъ на двѣ части рѣчныя струи, которыя бѣшено несутся вдоль его отвѣсныхъ боковъ, взбрасывая буруны у каждаго выступа и покрываясь пѣной, среди которой чернѣютъ воронки водоворотовъ. Кажется, что не вода бѣжитъ, а самъ островъ стремится къ ней навстрѣчу. Вѣроятно, въ силу этого мѣстные жители дали ему мѣткое названіе Кораблика. Налетѣть на него въ пасмурную погоду значитъ погибнуть — завертитъ, разобьетъ, разнесетъ въ клочья прежде, чѣмъ вы успѣете поду-

мать о спасеніи. Трудно себѣ представить, что̀ творится здѣсь весной во время половодья. Разсказываютъ, однажды нѣсколько человѣкъ промышленниковъ были какимъ-то образомъ застигнуты на Корабликѣ ледоходомъ и просидѣли на немъ довольно долго—недѣлю или двѣ. Кромѣ недостатка въ пищѣ они натерпѣлись такого ужаса, о которомъ послѣ боялись и вспомнить. Несмолкающій грохотъ и трескъ ломающихся льдинъ не давалъ ни минуты покоя; льдины, задержанныя въ своемъ движеніи, громоздились одна на другую, образуя горы въ нѣсколько саженъ вышины, грозя стереть, снести несчастныхъ, ютившихся на незалитой вершинѣ; каменная громада вся содрогалась подъ ихъ могучимъ напоромъ.

За камнемъ мѣстность внезапно понижается; берега раздаются вширину, и Енисей принимаетъ обычный видъ. Хотя теченіе еще весьма сильно, но на это есть другая причина—мы подходимъ къ Осиновскому порогу.

Въ 4½ часа пополудни отдали якорь въ довольно тихой заводи, гдѣ уже стоялъ «Игнатьевъ», ушедшій изъ Сумарокова наканунѣ вмѣстѣ съ «Бардомъ». Послѣдній отсутствовалъ—З. отправился на немъ за лоцманомъ.

27-го на разсвѣтѣ «Игнатьевъ» первымъ пошелъ черезъ порогъ, «Бардъ», въ помощь ему, снайтовился со второй баржей.

Отъ мѣста нашей стоянки до порога было не болѣе двухъ миль. Мы замѣтили, какъ они, уже пройдя

его, вдругъ, словно остановились... Но въ это время пошелъ дождь, набѣжалъ туманъ, и все скрылось изъ виду. Въ 3-мъ часу вернулся «Бардъ». Оказывается, «Игнатьевъ» выше порога сѣлъ на мель, къ счастью на мягкій грунтъ, благополучно снялся и теперь стоитъ на якорѣ.

Ввиду скораго наступленія сумерекъ было рѣшено, что въ этотъ день пойдетъ только «Малыгинъ», «Овцынъ» же останется ждать до слѣдующаго утра.

Въ 3½ часа, принявъ обоихъ лоцмановъ — новаго Нестера Лазарева и дѣда — мы снялись съ якоря. «Бардъ» снайтовился съ нашей баржей. Сдѣлавъ около 1½ мили, увидѣли впереди въ безпорядкѣ разбросанные камни, чуть поднимающіеся надъ поверхностью воды. Самый полный ходъ! Сто фунтовъ пара,—и регуляторъ открытъ во-всю. На бѣду, какъ разъ въ это время, налетѣлъ отъ Sud'а, т. е. прямо въ лобъ, шквалъ съ дождемъ. «Малыгинъ» вступилъ въ порогъ узкимъ фарватеромъ между каменьями. Какое зловѣщее и вмѣстѣ красивое зрѣлище представляли собой эти выпуклыя, словно полированныя, темныя пятна, окруженныя вспѣненными, клокочущими струями, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ борта. Тутъ и тамъ безпорядочно толкущіяся, невысокія, остроконечныя волны и черныя воронки указывали на существованіе незримыхъ, но тѣмъ болѣе грозныхъ, подводныхъ опасностей. Миновавъ первую гряду, слѣдовало на пространствѣ 150 саж. круто

измѣнить курсъ вправо, чтобы не попасть на вторую. Машина работала, какъ на пробѣ, давая 30—31 оборотъ; удары лопастей сливались въ глухой гулъ, и странно было, чувствуя это напряженіе, взглядывая на быстро несущуюся вдоль борта воду, видѣть, какъ медленно двигаемся мы впередъ относительно береговъ. Теченіе достигало скорости не менѣе шести узловъ, т. е. 10—11 верстъ въ часъ. Но вотъ пройдены самыя трудныя 200 - 300 саженъ. Стало полегче. Я оглянулся—за кормой не видно ни одного камня. Они были совершенно скрыты вздувшейся позади ихъ волной. Мы пошли скорѣе. Межъ тѣмъ, благодаря ненастной погодѣ, быстро смеркалось. Лоцмана заспорили. Нестеръ, только-что посадившій на мель «Игнатьева» и боявшійся за свою репутацію, доказывалъ, что надо стать на якорь немедленно; дѣдъ рекомендовалъ дойти до какой-то заводи, гдѣ теченіе слабѣе.

— Да вы говорите толкомъ! вмѣшался командиръ, видя, что даромъ уходитъ время,—успѣемъ ли мы добраться до заводи?

— Отчего не добраться, заявилъ невозмутимо дѣдъ.

— Отемняемъ! восклицалъ Нестеръ, болѣе молодой и горячій.

— Ежели отемняемъ - не дойдемъ, это точно.

— Ахъ, анаѳемы! не выдержалъ командиръ,—говори ты, обратился онъ къ Нестеру, какой здѣсь грунтъ?

— Песокъ.

— А дальше? по дорогѣ въ заводь? можно ли стать, гдѣ придется, гдѣ «отемняемъ»?

— Нельзя, нельзя! почти закричалъ тотъ, обрадованный, что нашелъ доводъ,—тамъ «луда», ваше благородіе!

Значитъ, и спорить нечего. Отдали одинъ якорь, потомъ другой—дрейфуетъ. Якоря тащитъ по дну; носъ парохода весь дрожитъ; канаты вытянулись и гудятъ, какъ басовыя струны. Готовились уже отдать верпъ, но въ это время задержались. Глубина 5 саженъ; теченіе $4^1|_4$ узла ($7^1/_2$ верстъ). Хорошо, что стали. Темь наступила непроглядная. Ночь прошла безпокойно. Обыкновенно опредѣляютъ, дрейфуетъ судно или нѣтъ, по лоту, спущенному на дно, но при теченіи $4^1/_4$ узла мы были лишены этого простаго и удобнаго способа — давленіемъ воды на линь лотъ «выносило». Замѣнили тросовый линь проволокой, лотъ трехъ пудовымъ грузомъ — безуспѣшно. Оставалось одно — слушать, не гудятъ ли канаты. Къ счастью послѣ полночи вѣтеръ началъ стихать, а къ утру совсѣмъ заштилѣло. Чуть забрезжилъ разсвѣтъ, снялись съ якоря. Въ $8^1|_2$ часовъ утра подошли къ заводи, гдѣ нашли «Игнатьева», и стали тутъ же въ ожиданіи «Овцына», за которымъ отправился «Бардъ», взявъ съ собой Нестера.

Въ первомъ часу показался «Овцынъ». Итакъ Осиновскій порогъ пройденъ благополучно, и до Енисейска остается только 450 верстъ—вздорное разстояніе.

Мы дивились и разспрашивали, какъ могъ пройти черезъ эту быстрину тихоходный «Минусинскъ». Лоцмана объяснили, что онъ выждалъ свѣжаго попутнаго вѣтра и поднялся, пользуясь своими большими парусами. Выше порога рѣка, задержанная имъ, широко разливается и образуетъ огромный архипелагъ. Дѣдъ сообщилъ, что тутъ 77 острововъ, но, насколько точно это кабалистическое число, не знаю. Большинство изъ нихъ низменные, заливные и послѣ весенняго половодья покрываются роскошной растительностью. Окрестные жители пользуются ими какъ пастбищами, притомъ довольно своеобразнымъ способомъ. Такъ какъ по здѣшнимъ мѣстамъ главная работа лошади зимою, лѣтомъ же она почти ненужна, то, едва спадетъ вода, крестьяне переправляютъ своихъ лошадей на острова, выбирая такіе, вокругъ которыхъ поглубже. До поздней осени, пока еще держится подножный кормъ, лошади пасутся на полной свободѣ, не требуя никакого ухода со стороны владѣльцевъ, и до извѣстной степени дичаютъ, особенно молодые, подростающіе жеребята. Проходя архипелагомъ, мы были свидѣтелями картинъ въ духѣ Купера и Майнъ-Рида. Вотъ крупной рысью выбѣгаетъ къ самой водѣ табунъ въ 20—30 головъ. Завидя пароходы, они внезапно останавливаются; передніе вытягиваютъ шеи, нюхаютъ воздухъ, фыркаютъ... и вдругъ разомъ, словно по командѣ, всѣ круто поворачиваютъ назадъ, бѣшенымъ галопомъ скрываются въ чащѣ кустарника, и только издали доносится звон-

кое ржанье, да мелькают развѣвающіеся на бѣгу хвосты и гривы. Любоваться всѣмъ этимъ немного мѣшалъ надоѣдливый снѣгъ, сыпавшій цѣлый день съ небольшими перерывами.

«Овцынъ», имѣвшій у себя Нестера—знатока порога и острововъ—шелъ впереди; за нимъ «Малыгинъ» съ дѣдомъ, а позади «Малыгина»—«Игнатьевъ». Во 2-мъ часу, только-что пообѣдавъ послѣ вахты, я сидѣлъ въ каютъ-компаніи, зѣвая взапуски съ командиромъ и собираясь идти къ себѣ,—наверстать вчерашнюю безсонную ночь, какъ вдругъ «Малыгинъ»подпрыгнулъ, закачался, и что-то гулко три раза громыхнуло по его днищу. Мы оба вылетѣли на мостикъ. Впереди—«Овцынъ», позади—«Игнатьевъ»; глубина 12—13 футъ. Очевидно, перескочили черезъ какой-то камень. Вахтенный начальникъ яростно отчитывалъ дѣда, но тотъ стойко выдерживалъ нападеніе, разводилъ руками и невозмутимо отвѣчалъ на всѣ обвиненія:—А кто жъ его знаетъ! Нешто я въ водѣ вижу..

Облазили всѣ трюмы—слава Богу, нигдѣ никакихъ признаковъ течи, счастливо отдѣлались безъ поврежденій.

Стемнѣло очень рано. Въ 6 часовъ должны были стать на якорь.

29-го сентября, пройдя нѣсколько верстъ, остановились у Ворогова и начали грузиться дровами. Офицеры компаніей отправились на берегъ поразмять ноги и закупить свѣжей провизіи. Ворогово большое

село съ хорошей каменной церковью о пяти куполахъ. Кабака нѣтъ. Избы расположены двумя улицами, параллельными рѣкѣ. По бокамъ ихъ тянутся деревянные мостки, зато посрединѣ — невылазная грязь. Глядя на нее, я повѣрилъ, что въ распутицу почта идетъ цѣлыя сутки черезъ деревню Залиндѣево близь Красноярска, раскинувшуюся на 7 верстъ по тракту. Въ данное время эта трясина была скована морозомъ, и мы, смѣясь, прыгали черезъ глубокія колеи и рытвины, на образованіе которыхъ вѣроятно потратилось немало лошадиныхъ силъ. Мужики встрѣчали насъ очень привѣтливо, съ охотой указывали, у кого что есть, провожали. Въ одномъ дворѣ, гдѣ мы стояли въ ожиданіи, пока молодая бабенка вѣроломно подманивала куръ, предназначавшихся на убой, въ ворота быстро вошелъ хозяинъ и радушно обратился къ намъ:

— Милости прошу, пока что зайти въ горницу.

Мы вошли въ избу, причемъ въ дверяхъ хозяинъ пропустилъ насъ впередъ, и очутились въ просторной высокой угловой комнатѣ съ четырьмя окнами, на которыхъ стояли горшки какихъ-то цвѣтовъ. Вдоль выбѣленныхъ стѣнъ тянулись лавки; въ переднемъ углу помѣщался большой столъ, а въ противоположномъ русская печь. Всюду голландская чистота и порядокъ. Подъ столомъ разостланъ холстинный домотканный коверъ, по остальному пространству пола раскидано свѣжее сѣно. Насъ усадили подъ образа, поставили неизмѣнное сибирское угощенье—кедро-

вые орѣхи, и началась степенная бесѣда. Разговоръ поддерживали только «самъ» и его старшій сынъ, статный красавецъ лѣтъ тридцати. Остальные сидѣли молча и чинно слушали. Хозяйка, пожилая, видная женщина въ горностаевой шубкѣ, вязала что-то на спицахъ и тоже не проронила ни слова. У дверей жались двѣ бабенки. При входѣ въ избу, «самъ» познакомилъ насъ со своей семьей.

— Это будетъ моя хозяйка, а это—старшой сынъ. Прочіе тоже мои, добавилъ онъ, неопредѣленно махнувъ рукой всторону. «Прочіе» низко поклонились. Видимо здѣсь авторитетъ отцовской власти держался еще довольно крѣпко.

— Касаемо провизіи будьте спокойны, чего ежели у насъ нѣтъ—мои парни сбѣгаютъ.

Просидѣвъ минутъ 10—15, закусивъ ржанымъ хлѣбомъ и свѣжей, даже не совсѣмъ очищенной, икрой, тѣмъ же порядкомъ распростились и вышли на улицу.

Ворогово лежитъ какъ разъ на границѣ произрастанія злаковъ. Здѣсь уже сѣютъ овесъ, но урожаи плохи, и многіе крестьяне предпочитаютъ—покупать доставляемый изъ хлѣбороднаго Минусинскаго округа. Вороны въ большинствѣ чернаго цвѣта, но попадаются еще и сѣрыя—полярныя.

Возвращаясь на пароходъ, увидѣли въ центрѣ села высокій столбъ съ доской и надписью:

Село Ворогово, жителей мужска пола 104, женска— 98. Отъ Енисейска 390 верстъ. Чувствовалась близость административныхъ центровъ.

На берегу я нечаянно подслушалъ, какъ одинъ изъ нашихъ рабочихъ разсказывалъ о плаваніи и описывалъ порядки военныхъ судовъ.

— Плохо, братецъ ты мой! наши пароходы, покелѣ, значитъ, глубина болѣ осадки, валятъ себѣ полнымъ ходомъ, а тутъ нѣтъ, шалишь! чуть тебѣ 10 футъ — сичасъ малый ходъ. Потому — «дисциплина»!

Во 2-мъ часу пошли дальше. «Овцынъ» впереди, взявъ дѣда къ себѣ. Въ 6 часовъ наступила темнота. Мы изготовили якорь и только ждали сигнала, какъ вдругъ «Овцынъ» засвисталъ: «мелко!» и вслѣдъ затѣмъ мы увидѣли, что онъ стоитъ на мѣстѣ. Стали неподалеку и мы. Оказалось, дѣдъ слишкомъ придержался къ берегу и высадилъ его на мель.

Полъ-дня 30-го потеряли на стаскиваніе, потомъ пошли въ старомъ порядкѣ — «Малыгинъ» впереди. Почтенный Семенъ Алексѣичъ былъ мраченъ и молчаливъ.

— Дѣдушка! а дѣдушка! окликали его матросы, когда онъ проходилъ по палубѣ, ты это куда «Овцына»-то завелъ? на каргу, аль на опечку?

— Ну, вы! зубоскалы... сердито ворчалъ тотъ, поспѣшно взбираясь на мостикъ подъ защиту офицера.

1-е октября. Вотъ онъ — Покровъ — крайній срокъ навигаціи по Енисею. Однако мы идемъ, хотя и не Богъ вѣсть какъ, хорошо. За день сдѣлали всего 70 верстъ. Глубины неровныя; шли даже по 9 ф., что для «Овцына» только-только достаточно. Берега покрыты снѣгомъ; листъ на деревьяхъ окончательно осыпался, но довольно тепло — въ полдень 0°.

2-го октября встрѣтили длинную полосу шуги, шедшую подъ правымъ берегомъ. Ночевали у села Назимова въ 175 верстахъ отъ Енисейска. Здѣсь живутъ нѣкоторые золотопромышленники и ихъ довѣренные. Вдоль берега горятъ фонари!—правда, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга.—Слышны трещотки ночныхъ сторожей.

3-го октября у села Пономарева видѣли первыя пашни.

4-го октября рѣка замѣтно оживилась. Чаще и чаще попадаются деревни большія съ хорошими церквами. По теченію сплавляются запоздалыя барки съ сѣномъ и зерномъ. Вдоль берега, буксируемыя лошадьми, поднимаются шлюпки съ народомъ. Передъ вечеромъ прошли мимо какого-то парохода, уже расположившагося на зимовку. Ночевали въ тихой заводи за Комаровской косой. До Енисейска всего 18 верстъ! Даже не вѣрится.

Торжественный день 5-го октября 1893 года начался отвратительной погодой. Съ утра мела «залѣпиха», та самая, про которую разсказывалъ дѣдъ. Временами берега скрывались изъ виду, но Семенъ Алексѣичъ храбрился и ворчалъ на лотоваго.

— Чего онъ «наметываетъ?!» самъ знаю, сколько футъ, по эфтимъ мѣстамъ, закрывши глаза, проведу!

Однако, наученные горькимъ опытомъ, мы двигались тихо и осторожно, опасаясь недоразумѣнія съ какой-нибудь опечкой или каргой. Стать на мель, задержаться на нѣсколько часовъ было бы слишкомъ

обидно. Мы знали, что насъ ждутъ, что ночью изъ Комарова ускакалъ нарочный съ извѣстіемъ о нашемъ прибытіи.

Въ концѣ 11-го часа недалеко впереди смутно обрисовались очертанія барокъ и пароходовъ. Вслѣдъ затѣмъ снѣгъ началъ быстро рѣдѣть; мятель внезапно прекратилась, и передъ нами открылся Енисейскъ. Признаюсь, онъ превзошелъ мои ожиданія Я думалъ увидѣть большую деревню —а увидѣлъ городъ. Вдоль гребня крутаго обрыва берега тянулся длинный рядъ двухъ и трехъ-этажныхъ домовъ, то деревянныхъ, то каменныхъ; надъ ними поднимались многочисленные купола церквей и неизбѣжная пожарная каланча. Повсюду развѣвались флаги; толпы народа тѣснились на набережной и бульварѣ передъ соборомъ. Оттуда неслось дружное русское «ура!», на которое радостно отвѣчала наша команда, стоя на вантахъ и размахивая фуражками... Пережитыя невзгоды и опасности. штормы, мели, морозы—все было забыто, все исчезло въ счастливомъ сознаніи, что мы первые приносимъ въ этотъ далекій городъ флагъ русскаго военнаго флота.

Мѣстныя власти и представители города пріѣхали на «Овцынъ». Городской голова передалъ начальнику экспедиціи хлѣбъ-соль и въ короткой прочувствованной рѣчи поздравилъ насъ съ благополучнымъ прибытіемъ.

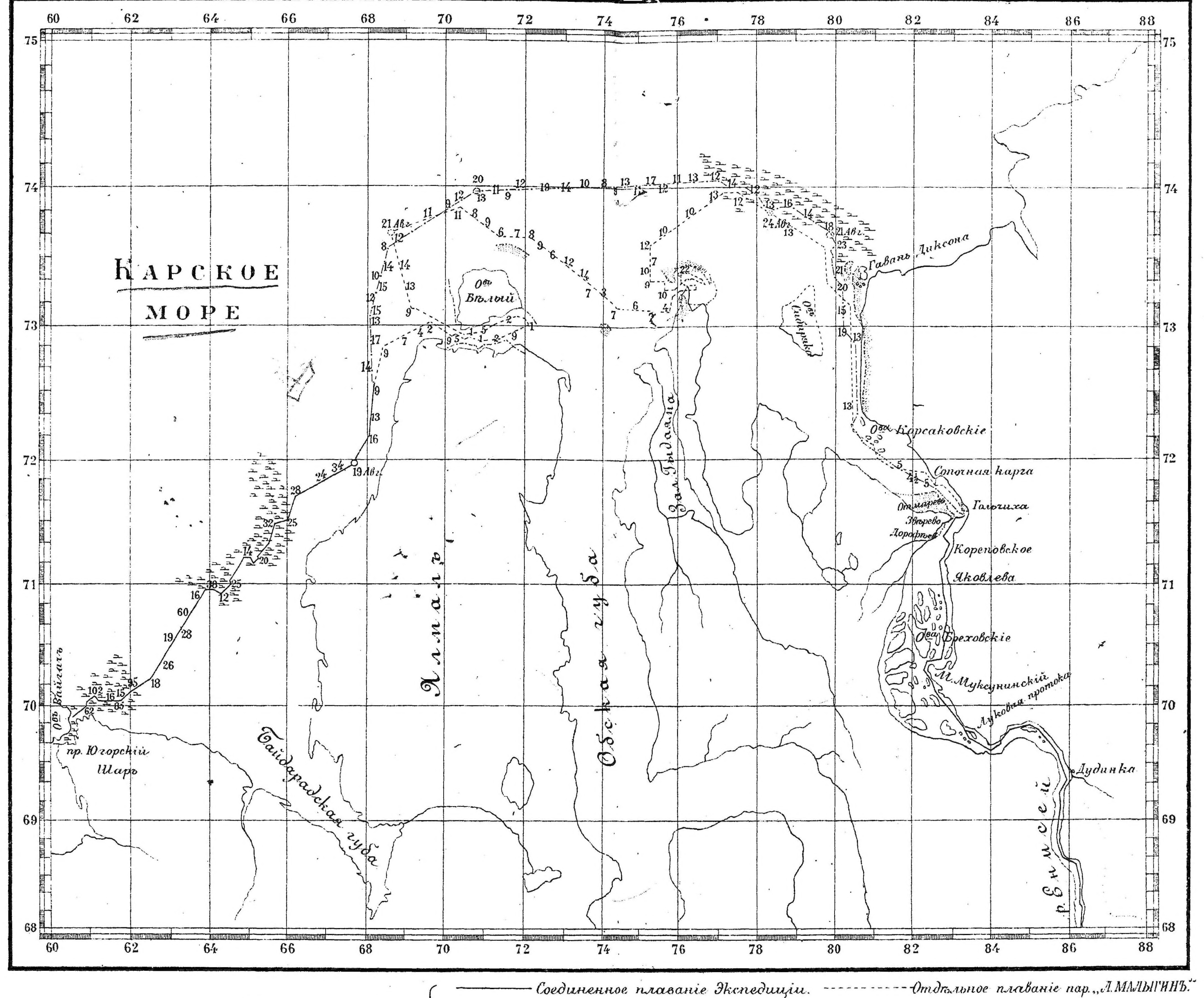
На слѣдующій день состоялось торжественное молебствіе въ соборѣ, парадный обѣдъ, вечеромъ иллю-

минація. Со всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ-заграницы, гдѣ только были наши прежніе командиры и товарищи, моряки, сыпались поздравительныя телеграммы; начался рядъ пріемовъ и вечеровъ, которыми радушно встрѣтилъ насъ гостепріимный и хлѣбосольный Енисейскъ, но разсказывать о нихъ, перебирать эти отрадныя сердцу воспоминанія не входитъ въ программу настоящаго труда. Объ одномъ не могу умолчать: только-что ставъ на якорь, мы получили извѣщеніе, что золотопромышленникъ И. Д. Черемныхъ приглашаетъ насъ вечеромъ въ баню. Тогда же Малыгинская каютъ-компанія дала торжественный обѣтъ до конца жизни не забывать этого истинно-дружескаго угощенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Примѣчаніе. Заштрихованныя мѣста на картѣ — глазомѣрная съемка экспедиціи.

Объясненіе знаковъ

Соединенное плаваніе Экспедиціи.

Отдѣльное плаваніе пар. „Л. МАЛЫГИНЪ."

Плаваніе пар. „Л. ОВЦЫНЪ" и баржи „Л. СКУРАТОВЪ."

Плавучіе льды.